

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Кирабаев Нур Серикович**, доктор философских наук, профессор (Российский университет дружбы народов, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстри**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 10.08.23.
Выход в свет 17.08.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 17,0.
Уч.-изд. л. 14,8.
Тираж 500 экз. Заказ 401.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **N. R. Kirabaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Peoples' Friendship University of Russia, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences"
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 10.08.23.
Date of publication 17.08.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 17,0.
Ac.-publ. sh. 14,8.
Circulation 500 copies.
Order 401. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

УРОВНЕВЫЕ И МЕЖУРОВНЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА: ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ГРАММАТИКА, ФОНЕТИКА, СТИЛИСТИКА, ПЕРЕВОД

<i>Абросимова А. А., Маджаева С. И.</i> Наименования субъекта ветеринарного дискурса: семантические особенности и тенденции формирования (диахронический аспект)	7
<i>Архипова И. В.</i> Межкатегориальное пересечение взаимодействующих категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности	16
<i>Искандари М.</i> Энклитики в современном персидском языке	24
<i>Сухова Е. А.</i> История связанного корня *тък	31
<i>Чераги Б., Амири М.</i> Значения суффикса -к- в составе существительных в русском языке и способы их эквивалентной передачи на персидский язык	39
<i>Ширшикова А. А.</i> Употребление предложно-падежных конструкций с предлогами <i>ДО</i> и <i>ПО</i> для обозначения временного либо количественного предела: анализ ситуаций, допускающих неоднозначное толкование.	47
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, ПСИХОЛИНГВИСТИКИ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ, СОЦИОЛИНГВИСТИКИ	
<i>Березовская Я. Л., Нью С., Харченко Е. В.</i> Формирование вторичной языковой личности китайского студента при изучении русского языка	57
<i>Ван Ю., Харченко Е. В.</i> Гастрономический дискурс как важная составляющая национальной лингвокультуры.	66
<i>Волошина Т. Г., Лазарева Я. В., Копытина Н. Н.</i> Культурная составляющая в семантике устойчивых выражений	74
<i>Годрати А., Полищук А. И.</i> Устойчивые обороты в иранской церемонии: опыт перевода на русский язык речевого акта благодарности-эмпатии	80
<i>Месеняшина Л. А., Валеева К. И.</i> Начальный этап освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка	88
<i>Паршин А. А., Лаврова Н. А.</i> Семантические, структурные и функциональные особенности фразеологии британского песенного дискурса (на материале творчества певицы Адель).	100
<i>Редькина О. Ю., Селютин А. А.</i> Текстцентричность русской культуры и ее отражение в языковом сознании молодежи	108
<i>Селютин А. А., Таскаева А. В.</i> Специфика образа города в языковом сознании его жителей как основа для выделения устойчивых региональных компонентов.	114

Старыгина Н. Ф. Экстралингвистические стопперы как основа кросс-культурного пространства в рамках языка для специальных целей	121
Чэнь Х., Цао Л. Анализ антропонимов в художественном тексте «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня	131
Шелестюк Е. В. Эколингвистика преподавания иностранного языка как языка международного общения	138

CONTENTS

LEVEL AND INTER-LEVEL LANGUAGE STUDIES: LEXICOLOGY, GRAMMAR, PHONETICS, STYLISTICS, TRANSLATION

<i>Abrosimova A. A., Madzhaeva S. I.</i> Nomination of the subject of veterinary discourse: semantic features and trends of formation	7
<i>Arkhipova I. V.</i> Intercategorical intersection of interacting categories of taxis, temporality and temporal localization	16
<i>Iskandary M.</i> Enclitics in Modern Persian	24
<i>Suhova E. A.</i> The history of the bound root *mъk	31
<i>Cheraghi B., Amiri M.</i> The meanings of the suffix “k” in the composition of nouns in the Russian language and the ways of expressing their equivalents in the Persian language	39
<i>Shirshikova A. A.</i> The use of prepositional-casal constructions with the prepositions <i>ДО</i> and <i>ПО</i> for expressing temporal or quantitative limit: analysis of situations allowing for ambiguous interpretation.	47

RESEARCH IN THE FIELD OF LINGUOCULTUROLOGY, PSYCHOLINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS

<i>Berezovskaya Ya. L., Niu X., Kharchenko E. V.</i> Formation of secondary linguistic personality of Chinese students learning Russian	57
<i>Wang Yu., Kharchenko E. V.</i> Gastronomic discourse as an important component of national linguoculture.	66
<i>Voloshina T. G., Lazareva Ya. V., Kopytina N. N.</i> Cultural components in the semantics of set expressions	74
<i>Ghodrati A., Polishchuk A. I.</i> Standard stable wordings to express thanking and empathy in translation of the Iranian taarof ceremony into Russian.	80
<i>Mesenyashina L. A., Valeeva K. I.</i> The initial stage of mastering the communicative syntax and genre system of the native language	88
<i>Parshin A. A., Lavrova N. A.</i> Semantic, structural and functional characteristics of phraseological units in British song discourse (based on the songs by Adele).	100
<i>Redkina O. Yu., Selyutin A. A.</i> Textocentricity of Russian culture and its reflection in the language consciousness of youth	108
<i>Selyutin A. A., Taskaeva A. V.</i> The specificity of the image of the city in the linguistic consciousness of its residents as a basis for solidifying sustainable regional components	114

<i>Starygina N. F.</i> Extralinguistic stoppers as the basis of cross-cultural space within a language for specific purposes	121
<i>Chen H., Cao L.</i> Analysis of anthroponyms in “Dream in the Red Chamber” by Cao Xueqin.	131
<i>Shelestyuk E. V.</i> Ecolinguistics of teaching a foreign language as the language of interethnic communication	138

**УРОВНЕВЫЕ И МЕЖУРОВНЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА:
ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ГРАММАТИКА, ФОНЕТИКА, СТИЛИСТИКА,
ПЕРЕВОД**

**LEVEL AND INTER-LEVEL LANGUAGE STUDIES:
LEXICOLOGY, GRAMMAR, PHONETICS, STYLISTICS,
TRANSLATION**

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 7–15.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(5(475):7-15. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 81.373.4

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-7-15

**НАИМЕНОВАНИЯ СУБЪЕКТА ВЕТЕРИНАРНОГО ДИСКУРСА:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ
(ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Екатерина Алексеевна Абросимова^{1✉}, Санья Ибрагимовна Маджаева²

¹ Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, Омск, Россия, abrosimova@inbox.ru, ORCID 0000-0002-6256-400X

² Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия, sanya-madzhaeva@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8478-9616

Аннотация. Статья посвящена систематизации названий основного агента ветеринарного дискурса — лица, осуществляющего лечение животных и занимающегося профилактикой их заболеваний. Работа выполнена в русле ономазиологического подхода и включает рассмотрение номинаций в их связи с изменяющимися представлениями о ветеринарном деле, в диахроническом аспекте. Материалом исследования послужили наименования, зафиксированные в толковых словарях, профессиональных справочниках и документах, исторических источниках, литературных произведениях, публицистике. Выделены обозначения, с одной стороны, общие для медицины и ветеринарии, а с другой — для традиционных сельских ремесел и занятий и лечения животных.

Ключевые слова: ветеринарный дискурс, названия лиц по профессии, номинация

Для цитирования: Абросимова А. А., Маджаева С. И. Наименования субъекта ветеринарного дискурса: семантические особенности и тенденции формирования (диахронический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 7–15. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-7-15.

Original article

**NOMINATION OF THE SUBJECT OF VETERINARY DISCOURSE:
SEMANTIC FEATURES AND TRENDS OF FORMATION**

Ekaterina A. Abrosimova^{1✉}, Sanya I. Madzhaeva²

¹ Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russia, abrosimova@inbox.ru, ORCID 0000-0002-6256-400X

² Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia, sanya-madzhaeva@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8478-9616

Abstract. The article is devoted to the systematization of the names of the main agent of veterinary discourse — a person who treats animals and prevents their diseases. The onomasiological approach is applied which includes description of the nominations in their connection with changing ideas about veterinary in diachrony. The material of the study is the names of a professional treating animals, recorded in explanatory dictionaries, professional reference

books and documents, historical sources, fiction, journalism. Designations common to medicine and veterinary medicine, on the one hand, and, on the other hand, for traditional rural crafts and treatment of animals are specified.

Keywords: veterinary discourse, names of persons by profession, nomination

For citation: Abrosimova AA, Madzhaeva SI. Nomination of the subject of veterinary discourse: semantic features and trends of formation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):7-15. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-7-15.

Введение

Ветеринарная медицина прошла длительный путь становления и формирования, при этом продолжая свое активное развитие, обусловленное появлением новых этических и экологических стандартов, совершенствованием методов диагностики и лечения, открытием крупных центров обучения, специализацией образования. В пока еще немногочисленных исследованиях ветеринарного дискурса отмечаются изменения, связанные с формированием профессиональной идентичности, пересмотром ценностей данной коммуникативной сферы.

Одной из важнейших характеристик любого профессионального дискурса является образ его агента [5], который может рассматриваться не только сквозь призму собственного речевого поведения, как транслятор и производитель дискурса, но и как лингвокультурный концепт, находящий языковую реализацию в коллективном сознании, в том числе в наименованиях лиц по профессии. Как отмечает Е. И. Голованова, такие названия «занимают совершенно особое положение в языке», так как находятся в зоне пересечения «между обыденным и специальным знанием» [3. С. 10]: с одной стороны, они относятся к терминологии и встроены в соответствующую терминосистему, с другой же стороны, входят в общелитературный словарь [4; 3]. Представляется очевидным, что при исследовании профессиональных дискурсов особенности наименования их агентов требуют особого внимания, так как репрезентируют важнейшие понятия и ценности той или иной сферы человеческой деятельности, отражая «жизненно важные стороны человеческого бытия» [10. С. 54].

Исследователи акцентируют внимание на актуальности ономаσιологического подхода к наименованию лиц по профессии [11; 7; 6]. Данный подход учитывает «двусторонность процессов номинации: от слова к понятию и от понятия к слову, от формы к функции и обратно» [11. С. 5], позволяет изучить процесс номинации через «выявление связей между языком и фактами общественной жизни» [11. С. 8].

Наименования лиц по профессии традиционно исследуются не только в синхронии, но и в диахронии, что особенно необходимо для терминосистем, складывающихся на протяжении длительного периода времени [2; 3]. Диахронический анализ данной группы лексики представляется актуальным по причине процессуальности наименования фрагментов действительности [11. С. 6], а также особой устойчивости таких номинаций, многие из которых сохранились до наших дней, однако приобрели или утратили определенные элементы значения. Вместе с тем исследователи отмечают подвижность системы названий лиц по профессии [2], что позволяет увидеть изменения, происходящие в структуре, понятиях и ценностях той или иной профессиональной сферы.

Исследователи сходятся во мнении, что ономаσιологические структуры фиксируют лишь определенный фрагмент действительности и не отражают реальность «во всей ее полноте» [11. С. 9]. Так, Е. И. Голованова выделяет четыре основных способа интерпретации деятеля той или иной профессиональной сферы: через отношение к инструменту, к процессу, к объекту или предмету труда, к конечному продукту. В тот или иной исторический период на первый план выдвигается определенный аспект деятельности [3. С. 52].

Практически во всех трудах, посвященных наименованиям лиц по профессии, подчеркивается важность семантического и словообразовательного анализа этих языковых единиц, что связано с «постоянным пополнением данного пласта лексики и необходимостью исследования типичных словообразовательных, синтаксических и семантических моделей наименований с целью их инвентаризации и выявления основных тенденций развития этой группы» [12. С. 3]. Так, установлено, что за различными терминосистемами закреплены словообразовательные модели с определенными аффиксами [3].

Исследователи наименований людей по профессии используют материал различного объема и тематической направленности. Так, например, Ю. И. Жадько [4] рассматривает названия лиц, связанных с обучением и воспитанием,

Г. Н. Старикова [10] — номинации людей по промыслу, Т. В. Бредихина [2] анализирует обозначения XVIII века. В этих работах демонстрируется, как особенности различных сфер человеческой деятельности, исторические и культурные события, происходящие в тот или иной промежуток времени, отражаются в анализируемой группе лексики. Обозначения лиц по их занятиям во многом характеризуют представления о том или ином виде деятельности и репрезентируют образы агентов профессиональных дискурсов. В данной работе мы попытались описать номинации основного деятеля ветеринарного дискурса в русле формирования представления о лечении животных.

Целью статьи, таким образом, является систематизация названий агента ветеринарного дискурса — человека, лечащего животных и занимающегося профилактикой их заболеваний, — в диахроническом аспекте.

Материалы и методы

В статье рассматриваются номинации людей, традиционно занимающихся лечением животных и профилактикой их заболеваний, отобранные по толковым и этимологическим словарям, словарям синонимов, профессиональным справочникам и руководствам, законодательным актам, учебным пособиям, материалам по истории ветеринарной медицины, должностным инструкциям. В материал исследования были включены наименования людей, лечащих животных, зафиксированные в художественной литературе и публицистике разных лет (данные источники отбирались при помощи поиска в Национальном корпусе русского языка, далее — НКРЯ¹). Акцент в статье сделан на русскоязычные обозначения, однако в связи с международным характером ветеринарной науки и коммуникации, с тем, что корни учения о болезнях животных уходят в античность, к исследованию были привлечены также наименования на английском, немецком, французском, латинском и греческом языках. За рамками материала данной статьи остаются новейшие наименования специалистов в области ветеринарии.

Результаты исследования и их обсуждение

Сохранившиеся сведения, запечатлевшие историю развития ветеринарии, демонстрируют связь искусства лечения животных со становлением медицины и с развитием сельского хозяйства.

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/>

Поэтому многие наименования представляют собой образования, иллюстрирующие изначальный синкретизм знания, с одной стороны, в области медицины и ветеринарии, а с другой — в сфере лечения животных и животноводства в целом.

Обозначения лиц, имеющих отношение к **лечению одновременно людей и животных**, отражены в большой группе традиционных номинаций. Некоторые из них являются **наименованиями субъектов действия по возрасту и полу**: *бабушка (баушка)*², *дед*³. Исследователи отмечают, что подобные неспециализированные названия свойственны раннему этапу развития профессиональной сферы [4]. При этом в отношении наименований лиц, лечащих скот, по-видимому, важно не столько историческое время, сколько особенности развития профессиональной деятельности в той или иной местности, в том или ином обществе.

Слова *сестра* и *брат*, используемые в качестве обозначения младшего медицинского персонала, употребляются и по отношению к работникам, лечащим животных: «Дорогие друзья, добро пожаловать на курс подготовки операционных сестер и братьев в ветеринарии!»⁴ В англоязычной номенклатуре существует самостоятельная специальность — the Veterinary Nurse (ветеринарная сестра), причем для людей с данной квалификацией существуют не только образовательные программы, но и, например, рецензируемые научные журналы⁵.

К неспециализированным, общенародным словам, на наш взгляд, можно отнести и **наименования, содержащие семы «приведение в порядок», «изготовление», «починка»**: *ладельщица*⁶ (от слова ладить — устанавливать мир, *лад*),

² Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина: Периодическое изд. отд-ния Этнографии Имп. Рус. Геогр. О-ва. Г. XXIV. Вып. IV. Пг., 1915. С. 326.

³ Правитель, каких нет. Как дед Зорька ставил на ноги тех, от кого отказались врачи // БелПресса, 2022. URL: <https://www.belpressa.ru/19571.html>

⁴ Подготовка операционных сестер и братьев в ветеринарии // Eduvet.ru. Образовательный центр коллегии ветеринарных специалистов. URL: <https://www.eduvet.ru/study/kalendar/kurs-anesteziya-dlya-vrachey-obshchey-praktiki-i-smezhnykh-spetsialnostey2/>

⁵ The Veterinary Nurse // UK-VET. URL: <https://www.theveterinarynurse.com/>

⁶ Виноградов Г.С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири. С. 326.

*правитель*¹ (от *исправлять*); **умение, квалификация:** (конский) *мастер* [10. С. 58]. Словарь русского языка XI–XVII вв. определяет номинацию *конский мастер* как синонимичную по значению *коновал*: «Конский мастер — тот, кто следит за лошадьми, лечит их; коновал»².

В сочинении М. Т. Варрона по отношению к работнику, занимающемуся лечением животных, употребляется слово *magister (pecoris)*³ — буквально «начальник скота». J. N. Adams, исследователь античных ветеринарных трудов, отмечает, что «в большом поместье *magister pecoris* был, по-видимому, грамотным рабом» («On a large estate the *magister pecoris* was presumably a slave with a degree of literacy») [13. P. 73–74], то есть в номинации актуализируется также смысл «грамотность, ученость».

Семантический компонент «ученость» присутствует также в значении слова *доктор*, в русскоязычных источниках редко используемого для наименования ветеринара (хотя это слово встречается в детских произведениях, ср. *доктор Айболит*, *доктор Дулиттл*). Однако в США, а с недавних пор и в Великобритании слово *doctor* принято в качестве обращения не только к врачу и к обладателю ученой степени, но и к ветеринару⁴.

Отношению к особому знанию этимологически связано и с наименованием *знахарь*, которое определяется как «лекарь-самоучка, лечащий народными средствами, наговорами и т. п.»⁵. В словаре В. И. Даля в качестве синонимов к слову *знахарь* приводятся номинации *ворожея*, *колдун*, *волхв*, *заговорщик*, *шептунья*, «*кто портит и правит людей*»⁶. В исследовании, посвященном принципам лексикографического представления сакральной семантики, Н. И. Коновалова при описании семантических признаков значения слова *знахарь* отмечает и те, которые относятся к лечению животных и уходу за ними: «кто знает тайны

охраны скота, помогает во время охоты», «занимается лечением людей и животных = коновальщик» [6. С. 139].

При существительном *знахарь* практически не встречается определений, уточняющих вид животного (в отличие от номинации *лекарь*, обычно имеющей при себе уточняющее слово): «Затем *знахарь* приступил к осмотру скота и под языком у животных находил «микроб бешенства», объясняя, что животное, проглотившее «этот микроб», непременно заболевает бешенством»⁷.

Лечение, которое проводит *знахарь*, часто имеет вербальное сопровождение: «Мне известна высокая поэзия *знахаря*, умевшего сочетанием слов добиться того, что бодливая корова давала себя доить»⁸.

Слово *целитель* (от устаревшего глагола *целить*), активно используемое по отношению к лицам, лечащим людей, редко используется по отношению к ветеринарам и их предшественникам. Его не фиксируют и словари в ряду синонимического ряда с доминантой *ветеринар*⁹. Однако оно встречается в описании мифов, связанных с лечением животных¹⁰.

Существительное *лекарь* определяется в «Большом толковом словаре русского языка» следующим образом: «Устар. Врач, до 1917 г. официальное название врача. Народно-разговорное: Тот, кто лечит какие-либо болезни»¹¹. При этом словарь В. И. Даля в одном из значений определяет *лекаря* как врача без специального образования: «Иногда *лекаремь* зовут и неученага врача, всякаго кто *лекарить*, *лекарничаеть*, занимается *леченьемь*»¹². Исторические источники демонстрируют употребление слов

⁷ Темнота народная // Газета «Утро» (Харьков). 1913 // НКРЯ.

⁸ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921) // НКРЯ.

⁹ Александра З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11 000 синонимических рядов. 17-е изд., стер. М.: Дрофа: Рус. яз. — Медиа, 2010. 564 с.; Тришин В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.2, 2012 (свод общепотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами). URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/>

¹⁰ Циркин Ю. Б. Мифы и легенды народов мира. Т. 12: Передняя Азия. М.: Литература: Мир книги, 2004. С. 10.

¹¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. С. 492.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 246.

¹ Правитель, каких нет. Как дед Зорька ставил на ноги тех, от кого отказались врачи.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–25. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1975–2000. Т. 7. С. 281.

³ Varro M.T. Rerum Rusticarum. Libri tres / ed. by Goetz. University of Toronto Lebrary, 1912. P. 101.

⁴ U.K. Vets May Call Themselves ‘Doctor’ // Veterinary Practice News. March 12, 2015. URL: <https://www.veterinarypracticenews.com/u-k-vets-may-call-themselves-doctor/>

⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 368.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. С. 589.

лекарь и лекарка для обозначения лиц, лечащих как людей, так и скот¹.

В художественной литературе существительное *лекарь* чаще имеет при себе определение, характеризующее отношение к виду животного: «Нет, я не *коровий лекарь*, — уклончиво ответил приезжий²».

Лексема *врач* обычно используется для обозначения лиц с законченным высшим медицинским образованием³, хотя, например, в Большой советской энциклопедии это слово относится также и к ветеринарам: «лицо с законченным высшим медицинским образованием <...> или высшим ветеринарным»⁴. Словосочетание «ветеринарный врач» является наименованием квалификации, которая присваивается лицу с высшим ветеринарным образованием. Несмотря на происхождение слова, исторически связанное с речевыми глаголами типа *говорить*, *предсказывать*⁵, и древнее значение, близкое к значению слов *колдун*, *заклинатель*, в контекстах, отражающих отношение к лечению животных, номинация *врач* предполагает *профессионализм*. В записях, свидетельствующих об особенностях ветеринарной помощи в отдаленных районах, где за лечение скота отвечали чаще всего *знахарки*, отмечается, что именно *врач* в сложных случаях производит медицинские манипуляции⁶.

В русском языке слово *медик* по отношению к лицу, лечащему животных, применялось довольно редко, хотя словосочетание *ветеринарная медицина* входит в название факультета (*факультет ветеринарной медицины*) и является официальным наименованием специальности, например, в Белоруссии⁷ (в России специальность обычно называется *ветеринария*). Словари синонимов

также не фиксируют лексему *медик* в качестве синонима к слову *ветеринар*. Однако при помощи поиска в НКРЯ нам удалось найти несколько примеров XIX в., свидетельствующих о взаимозаменяемости слов *медик* и *ветеринар*: «Хотя закон наш и гласит, что должно строго осматривать назначенную на убой скотину, но мы редко видим прикомандированных к тому медиков, вероятно, по причине той же темноты»⁸.

В большинстве же контекстов маркируются различия понятий *ветеринар* и *медик*: «Сегодня медики боятся двух вещей: спугнуть удачу и массового паломничества к ветеринарам»⁹. Характерна сочинительная конструкция «медики и ветеринары»: «Медики и ветеринары не гарантируют, что Челябинская область защищена от опасности распространения птичьего гриппа»¹⁰.

Согласно словарю Г. Шульца, у латинского слова *medicus* два основных значения: «1) adj. лечебный, цѣлебный; 2) subst. врач»¹¹. Слово восходит к глаголу *medeor* со значением *лечить*, *врачевать*, а также *пособить*, *помочь*¹². М. Т. Варрон в своем «Сельском хозяйстве» использует номинацию *medicus* как общую характеристику человека, разбирающегося в болезнях сельскохозяйственных животных: *medici pecorum* (буквально «врачи скота»), *medicus iumentarius* («врач вьючного скота»).

Рассмотренные выше номинации определяют отношение к процессу лечения в целом, безотносительно к конкретным медицинским манипуляциям. При этом можно выделить наименования, в которых человек, лечащий животных, характеризуется по производимой им типовой процедуре: *рудомет*, *коновал*.

Лексема *рудомет* зафиксирована в словаре синонимов к слову *ветеринар*¹³ и определяется

¹ Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири. С. 326.

² Шолохов М. А. Поднятая целина. Книга 2 (1959) // НКРЯ.

³ Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. С. 73.

⁴ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969. Т. 5. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/0503.htm/>

⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т. 1–2. 2-е изд. М. : Русский язык, 1994. С. 170.

⁶ Публичук Е. В. Обряды, связанные со скотом, в Вытегорском районе Вологодской области // Этнологическая экспедиция ЦМБ 2008 г. URL: <http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=84831>

⁷ Факультет ветеринарной медицины. URL: <https://www.ggau.by>

⁸ Скавронский Н. (А. С. Ушаков). Очерки Москвы (1860–1865) // НКРЯ.

⁹ Ахмирова Р. Казанским импотентам помог конский возбудитель // Комсомольская правда. 2001. 24 января // НКРЯ.

¹⁰ Итоговый выпуск (вечерний) — Челябинск // Новый регион 2, 2005. 5 августа. 18:22 // НКРЯ.

¹¹ Шульц Г. Латинско-русский словарь, приспособленный къ гимназическому курсу. 9-е изд. СПб. : ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, 1808. С. 338.

¹² Там же. С. 327.

¹³ Тришин В. Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.2, 2012 (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами). URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/>

в Словаре русского языка XI–XVII вв. как «кровопускатель, <...> тот, кто лечит кровопусканием»¹. В словарной дефиниции нет указания на то, что *рудомет* имеет отношение именно к животным, однако по контекстам можно установить, что он выполнял обязанности *конского мастера* и *коновала*².

Номинация *коновал* мотивирована словосочетанием *валить коней*, что, по-видимому, свидетельствует о наиболее яркой черте выполняемой работы: при кастрации жеребца необходимо было положить на бок, то есть *повалить*³. В учебных пособиях по ветеринарной хирургии до настоящего времени описываются различные способы *повала* лошадей (русский, белорусский, по методу В. С. Решетняка и др.)⁴.

Словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует слово *коновал* и, с середины XVII в., *коновал*, и определяет их значение как «знахарь, лекарь, занимающийся лечением и холощением лошадей и других домашних животных»⁵. Приведенные в словаре примеры свидетельствуют о том, что пациентами коновала были не только лошади, но и, например, быки и бараны⁶. Кроме того, из контекста становится очевидным, что обязанности этих людей не сводились к холощению⁷.

Примеры XVI–XVII вв. иллюстрируют наличие у коновалов специальной подготовки⁸. В русской художественной литературе коновал часто изображается как человек, имеющий особый опыт общения с природой, хорошо чувствующий животных [1] — в противовес *лекарю*, который применяет медикаментозное лечение. Так, например, в произведении Ю. Н. Тынянова один из персонажей советует другому (ямщику) при появлении у коня мышаков (вздувшихся околоушных желез) обратиться не к *лекарю*, а именно к *коновалу*⁹.

При этом в дальнейшем в значении слова *коновал* актуализируются смысловые элементы «плохой,

невежественный врач», что иллюстрируют современные словарные определения¹⁰.

Рассмотренные номинации используются или использовались ранее для обозначения лиц, лечащих и животных, и людей. С одной стороны, такие слова, как *баушка/бабушка*, *дед*, *знахарь*, *ладельщица*, а также *рудомет* отражают изначальное единство ветеринарии и медицины. Лексемы *врач*, *лекарь*, *сестра* чаще употребляются с согласованным или несогласованным определением: *лекарь скота*, *ветеринарный врач*, *ветеринарная сестра*, что, по-видимому, характеризует один из этапов отделения ветеринарии от общемедицинского знания. Слово *коновал* изначальное использовалось для обозначения лица, проводящего манипуляции с животными, однако позже, с появлением профессиональных ветеринаров, развило значение «плохой, невежественный врач» и, таким образом, объектами деятельности коновала стали и животные, и люди. Кроме того, в рассмотренных наименованиях, по-видимому, отражается идущий из древности «двойственный характер врачевания»: с одной стороны, реалистичность народного опыта, связанного с применением медикаментов, а с другой — магические действия, заговоры» [8. С. 154].

Далее рассмотрим номинации лиц, лечащих животных, связанные с **ремеслами и занятиями, традиционными для сельского хозяйства**: лечением домашних животных исторически занимались «все, имевшие дело с ними»¹¹. Среди таких наименований (в ряду *любителей животных*, *живодеров*, *овчаров*, *италмейстеров*) лексикографы¹² отмечают слова *пастух*, *кузнец*, мотивированные обозначениями самостоятельных занятий и ремесел.

Свидетельства того, что пастухи занимались ветеринарным делом, можно найти в античных произведениях. Так, в сочинении М. Т. Варрона для обозначения раба, отвечавшего за лечение животных, используется словосочетание *pastor diligens*¹³ (*усердный пастух*). В современных должностных инструкциях также имеется указание на обязанности пастуха-скотника, связанные с лечением животных и профилактикой их болезней¹⁴.

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. С. 449.

¹¹ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/>

¹² Там же.

¹³ Varro M. T. Rerum Rusticarum. Libri tres.

¹⁴ Должностная инструкция скотника-пастуха, 2013. URL: <http://www.zivotnovodstvo.ru/dolznoznaya-instrukciya-skotnika-pastuxa/>

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 22. С. 236.

² Там же. Т. 7. С. 279.

³ Оперативная хирургия с топографической анатомией : учебник для студентов высших учебных заведений. Санкт-Петербург : Квадро, 2012.

⁴ Там же.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7. С. 270.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара (1928) // НКРЯ.

Существует также много исторических упоминаний того, что лечением лошадей занимались кузнецы и ковалы¹. Так, греческий труд «Гиппиатрика», опубликованный в Базеле в 1537 г., в переводе на французский язык (1563 г.) получил название «Art vétérinaire, ou Grande maréchalerie» («Ветеринарное искусство, или великое кузнечное мастерство»)² Ch. T. Lewis и Ch. Short в «A Latin Dictionary...» в качестве одного из значений существительного *veterinarius ii, m* (ветеринар) приводят слово *farrier*³ (кузнец по-английски).

В подавляющем большинстве наименований лиц, лечащих животных, отражен основной объект труда. В ранних номинациях этим объектом, прежде всего, является лошадь, а затем — домашний скот в целом. В ряде античных текстов⁴ используется слово *mulomedicus* (буквально муловрач); в греческой традиции использовалось слово *гиппиатры* (*ἵππιατροί*⁵) — буквально конные врачи. В Германии применялось наименование *Rossärzte*⁶ (конский врач) и *Stallmeister*⁷ (буквально начальник конюшни), причем последнее обозначение применялось и в России⁸.

¹ Свечин К. Б., Бобылев И. Ф., Гопка Б. М. Коневодство. М.: Колос, 1984. С. 352.

² Huzar J. B. Notice sur les mots hippiatre, vétérinaire et maréchal. 1816. URL: <https://books.google.ru>

³ Lewis Ch. Th., Short Ch. A Latin dictionary: Founded on Andrew's edition of Freund's Latin dictionary revised, enlarged, and in great part rewritten. Oxford; London: The Clarendon press H. Milford, 1922. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059%3Aentry%3Dveterinarius>

⁴ Claudii Hermeri Mulomedicina Chironis: Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri. URL: [https://archive.org/details/clauidiihermerim00hermgoog/Vegetius Renatus F. Vegetii Mulomedicina. Basil \[Basel\], 1574. URL: https://books.google.ru/books?id=7jJTAAAACAAJ&redir_esc=y](https://archive.org/details/clauidiihermerim00hermgoog/Vegetius%20Renatus%20F.%20Vegetii%20Mulomedicina.%20Basil%20%5B%20Basel%20%5D.%201574.%20URL%3A%20https%3A%2F%2Fbooks.google.ru%2Fbooks?id=7jJTAAAACAAJ&redir_esc=y)

⁵ Varro M. T. Rerum Rusticarum. Libri tres. P. 101.

⁶ Anhalt Utz Ärzte und Abdecker-Tiermedizin im Museum 16. September 2015. URL: https://www.heilpraxisnet.de/themen/aerzte-und-abdecker-tiermedizin-im-museum/#Rossaerzte_und_Stallmeister

⁷ Там же.

⁸ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.

М. Т. Варрон употребляет словосочетания *medici pecorum* (буквально врачи скота), *medicus iumentarius* (врач вьючного скота)⁹. В Римской Империи наименование *veterinarius* (буквально тот, кто лечит тягловый скот — *veterina*) было стандартным для обозначения лица, занимающегося лечением животных [13. P. 413].

Таким образом, ранние номинации людей, лечащих животных, мотивировались названиями трудовых действий, типичных для сельского хозяйства (*пасты*, *ковать*), обозначением мастерства, умения (*конский мастер*, *pastor diligens*), семантическим компонентом «главный, руководящий» (*magister pecoris*, *италмейстер*), а также наименованиями основных объектов лечения — лошадей и скота в целом (*скотник*, *гиппиатр*, *муломедик*).

Заключение

Итак, в названиях лиц, лечащих животных, отражаются представления о профессии ветеринарного врача, изменяющиеся во времени и связанные с той или иной культурной традицией. Ранние наименования демонстрируют изначальный синкретизм ветеринарии и медицины (*знахарь*, *лекарь* и т. п.), а также ветеринарии и сельского хозяйства (*кузнец*, *пастух*). Такие номинации, как правило, являются общенародными словами; при этом специальное значение, связанное с ветеринарным делом, часто не имеет отражения в толковых словарях и устанавливается контекстуально. Более поздние наименования обычно содержат согласованное или несогласованное определение, с помощью которого устанавливается отношение к основному объекту лечения, что, на наш взгляд, демонстрирует тенденцию к «отталкиванию» от медицинских наименований: *лекарь скота*, *коровий лекарь*, *ветеринарный врач*.

К перспективам исследования, на наш взгляд, можно отнести многоязычное системное лексикографическое описание как традиционных, так и новейших наименований лиц, имеющих отношение к лечению животных.

⁹ Varro M. T. Rerum Rusticarum. Libri tres.

Список источников

1. Абросимова Е. А. Концептуализация образа ветеринара/коновала в русской художественной литературе как этап исследования дискурсивной личности ветеринарного врача // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2. № 1 (5). С. 5–18. doi: 10.48612/astgmu/2022-2-1-5-18.
2. Бредихина Т. В. Наименования лиц в русском языке XVIII века : дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990. 244 с.

3. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. 330 с.
4. Жадько Ю. И. Становление и развитие микросистемы наименований лиц, связанных с процессом обучения и воспитания, в русском языке (пути, источники, семантика и структура наименований) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1984. 23 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Коновалова Н. И. Принципы лексикографического представления сакральной семантики // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 137–142.
7. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
8. Маджаева С. И. Вербализация концепта «врач» — лингвокультурный и когнитивный аспекты // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). Вып. 8. С. 152–156.
9. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т.1. 792 с.
10. Старикова Г. Н. Наименования лиц по промыслу и их представление в исторической терминологии // Вопросы лексикографии. 2015. № 1 (7). С. 52–74. doi: 10.17223/22274200/7/4.
11. Шкатова Л. А. Развитие ономазиологических структур: На примере наименования лиц по профессии в русском языке. Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1984. 150 с.
12. Яковлева А. В. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке: семантические особенности и пути формирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 22 с.
13. Adams J. N. Pelagonius and latin veterinary terminology in the roman empire. Leiden ; New York ; Koln : Brill, 1995. 695 p.

Referenses

1. Abrosimova EA. Conceptualization of veterinarian / **horse doctor's** character in Russian fiction as a stage of research of the discursive personality of veterinarian. *Lingvistika i obrazovanie = Linguistics and Education*. 2022;(1):5-18. doi: 10.48612/astgmu/2022-2-1-5-18. (In Russ.).
2. Bredikhina TV. Naimenovaniya lits v russkom yazyke XVIII veka = Names of persons in the Russian language of the 18th century. Thesis. Alma-Ata; 1990. 244 p. (In Russ.).
3. Golovanova EI. Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitiye. Status v yazyke = Category of professional figure: Formation. Development. Status in the language. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University; 2004. 330 p. (In Russ.).
4. Zhadko YI. Stanovleniye i razvitiye mikrosistemy naimenovaniy lits, svyazannykh s protsessom obucheniya i vospitaniya, v russkom yazyke (puti, istochniki, semantika i struktura naimenovaniy) = Formation and development of the microsystem of names of persons associated with the process of education and upbringing in the Russian language (Ways, sources, semantics and structure of names). Abstract of thesis. Dnepropetrovsk; 1984. 23 p. (In Russ.).
5. Karasik VI. About types of discourse. In: *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs = Language personality. Institutional and Personal Discourse*. Volgograd: Peremena; 2000. Pp. 5–20. (In Russ.).
6. Konovalova NI. Principles of lexicographic representation of sacred semantics. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2013;(6):137-142. (In Russ.).
7. Lejchik VM. Terminovedenie: predmet, metody, struktura = Terminology: subject, methods, structure. Moscow: LIBROKOM; 2009. 256 p. (In Russ.).
8. Madzhaeva SI. Verbalization of the concept “doctor” — linguocultural and cognitive aspects. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki = Scientific Vedomosti. Series Humanities*. 2010;(24):152-156. (In Russ.).
9. Shvedova NYu (ed.) *Russkaya grammatika = Russian grammar*. 4th ed. Moscow: Nauka; 1980. 792 p. (In Russ.).
10. Starikova GN. Names of persons by trade and their representation in historical terminography. *Voprosy leksikografii = Questions of lexicography*. 2015;(1):52-74. doi: 10.17223/22274200/7/4. (In Russ.).
11. Shkatova LA. Razvitiye onomasiologicheskikh struktur: Na primere naimenovaniya lic po professii v russkom yazyke = The development of onomasiological structures: On the example of the names of persons by profession in the Russian language. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk Institute; 1984. 150 p. (In Russ.).

12. Yakovleva AV. Nominatsii lits po professional'noy prinadlezhnosti v sovremennom russkom yazyke: semanticheskiye osobennosti i puti formirovaniya. Nominations of persons by professional affiliation in modern Russian: semantic features and ways of formation. Abstract of thesis. Yaroslavl; 2009. 22 p. (In Russ.).

13. Adams JN. Pelagonius and latin veterinary terminology in the roman empire. Leiden; New York; Koln: Brill; 1995. 695 p.

Информация об авторах

Е. А. Абросимова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

С. И. Маджаева — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков.

Information about the authors

Ekaterina A. Abrosimova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Sanya I. Madzhaeva — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Latin and Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 25.06.2022; approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.112.2`36

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-16-23

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ ТАКСИСА, ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И ВРЕМЕННОЙ ЛОКАЛИЗОВАННОСТИ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, irarch@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса межкатегориального пересечения взаимодействующих категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности. Категория таксиса рассматривается как центр или фокус межкатегориальных связей, «идущих» к категориям темпоральности и временной локализованности. Категория таксиса выступает как семантический маркер, а категории темпоральности и временной локализованности — как семантический фон. В результате исследования установлено, что пересечение категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности базируется на семантической функции таксиса и детерминирует актуализацию примарно-таксисных ситуаций одновременности, предшествования и следования в немецких высказываниях с темпоральными предлогами, темпоральными, локальными, итеративными квантификаторами и дистрибутивными глаголами.

Ключевые слова: таксис, темпоральность, временная локализованность, межкатегориальное пересечение, темпоральные квантификаторы, локальные квантификаторы, примарно-таксисные ситуации

Для цитирования: Архипова И. В. Межкатегориальное пересечение взаимодействующих категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 16–23. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-16-23.

Original article

INTERCATEGORIAL INTERSECTION OF THE INTERACTING CATEGORIES OF TAXIS, TEMPORALITY AND TEMPORAL LOCALIZATION

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the issue of the intercategory intersection of the interacting categories of taxis, temporality and temporal localization. The category of taxis is considered to be the center or focus of intercategory connections leading to the categories of temporality and temporal localization. The category of taxis acts as a semantic marker, while the categories of temporality and temporal localization act as a semantic background. As a result of the study, it was found that the intersection of the categories of taxis, temporality and temporal localization is based on the semantic function of taxis and determines the actualization of primary-taxis situations of simultaneity, precedence and posteriority in German statements with temporal prepositions, temporal, local, iterative quantifiers and distributive verbs.

Keywords: taxis, temporality, temporal localization, intercategory intersection, temporal quantifiers, lokal-temporal quantifiers, primary-taxis situations

For citation: Arkhipova IV. Intercategory intersection of interacting categories of taxis, temporality and temporal localization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):16-23. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-16-23.

Введение

Проблемы межкатегориального взаимодействия различных грамматических категорий рассматриваются в работах ряда отечественных лингвистов, в том числе, занимающихся проблемами функциональной грамматики. Выдающийся отечественный языковед А. В. Бондарко дает общую характеристику семантики и структуры категории таксиса, имеющей полевую структуру [2. С. 234–242]. Исследователь Ю. А. Пупынин анализирует системно-парадигматические и синтагматические связи категорий глагола [9. С. 43–60]. Э. Ю. Глазов рассматривает грамматическую категорию времени во взаимодействии с другими глагольными категориями [4. С. 15–19]. Н. Л. Кудинова исследует вопрос взаимодействия таксиса, аспектуальности и темпоральности [5. С. 95–98; 6. С. 115–117]. Н. В. Курбаленко анализирует межкатегориальные связи каузативности, модальности и императивности [8. С. 80–86]. Исследователи Н. А. Ляшенко, А. В. Николаева и В. В. Черненко освещают проблему взаимодействия категорий таксиса, компаративности и локативности [9. С. 118–124]. С. В. Шустова и Е. С. Комиссарова устанавливают межкатегориальные связи итеративности с категориями темпоральности, временной локализованности, модальности, количественности, таксиса и субкатегориями дуративности и лимитативности [10. С. 115–118].

Особый интерес представляют современные грамматические исследования, изучающие взаимодействие различных семантических категорий с позиций централизованного или сфокусированного подхода. Централизованный (сфокусированный) подход предполагает рассмотрение одной из категорий в качестве некоторого центра или фокуса, от которого «идут» взаимные связи к другим функционально-семантическим категориям или субкатегориям. Базовой (ключевой, «прототипической») категорией является та категория, семантическая функция которой рассматривается как прототипическая доминанта. Базовая категория выступает в качестве семантического маркера, а остальные взаимодействующие с ней категории, являющиеся «ответственными» участниками процесса реализации семантической функции ключевой категории, являются ее семантическим фоном.

Методы и материалы

Настоящее исследование выполнено в традициях современной функциональной грамматики, опирающейся на функционально-семантический

подход к рассмотрению взаимодействующих семантических категорий.

В процессе исследования использовались гипотетико-дедуктивный и индуктивный методы, а также описательный метод и метод обобщения и интерпретации эмпирического материала.

Материалом данного исследования явились немецкие высказывания с предположными deverбативами, извлеченные методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса.

Результаты

В фокусе исследовательского внимания находится пересечение взаимодействующих категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности. Исследование имеет централизованный или сфокусированный характер. Категория таксиса берется за основу и рассматривается как центр или фокус межкатегориальных связей, «идущих» к категориям темпоральности и временной локализованности. Категория таксиса выступает как семантический маркер, а категории темпоральности и временной локализованности — как семантический фон.

В рамках применяемого централизованного подхода к изучению межкатегориальных связей (системно-языковых и конкретно-речевых) под семантической базой межкатегориального пересечения взаимодействующих категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности следует понимать семантическую функцию таксиса, которая заключается в речевой актуализации хронологических значений одновременности, предшествования и следования в конкретных высказываниях.

В ходе исследования установлено, что межкатегориальное взаимодействие вышеназванных категорий детерминирует актуализацию различных категориальных ситуаций, относящихся к сфере примарного таксиса. Под *примарным таксисом* понимаются хронологические значения одновременности и разновременности, актуализируемые в высказываниях с предлогами темпоральной семантики.

Обсуждение

Межкатегориальное пересечение взаимодействующих категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности обуславливает выступающих в функции таксисных маркеров, следует назвать предлоги *bei, in, mit, während, seit, bis, nach, vor*, например:

(1) Putin wird *bei dem* Treffen begleitet von Außenminister Sergej Lawrow (LC). — Путина *на встрече* сопровождает министр иностранных дел Сергей Лавров.

(2) *Vor dem* Treffen hatte Lawrow die Arktis als russisches Territorium bezeichnet (LC). — *Перед встречей* Лавров назвал Арктику территорией России.

(3) Sie kündigte *nach einem* Treffen mit führenden Sozialdemokraten an, den Weg für Löfven freizumachen (LC). — *После встречи с ведущими социал-демократами* она объявила, что расчистит дорогу Лёфвену.

(4) «Casablanca» stand, *seit dem Treffen zwischen Roosevelt und Churchill* zu Jahresbeginn 1943, für die bedingungslose Kapitulation (LC). — *После встречи Рузвельта и Черчилля* в начале 1943 года «Касабланка» выступила за безоговорочную капитуляцию.

(5) Aus Sicherheitsgründen dementierte die US-Botschaft *bis zum Treffen mit Karsai*, dass Obama in Kabul sei (LC). — По соображениям безопасности посольство США отрицало *до встречи с Карзаем*, что Обама находился в Кабуле.

В высказываниях (1–5) актуализованы примарно-таксисные ситуации одновременности, строгого предшествования и строгого следования. Инклюзивно-темпоральный предлог *bei* эксплицирует примарный таксис одновременности, а монотемпоральные предлоги *vor*, *nach*, *seit* и *bis* выступают в функции маркеров примарного таксиса предшествования и следования.

Темпоральные квантификаторы выполняют функцию маркеров или экспликаторов временной локализованности одновременных или разновременных действий/событий и конкретизируют их «индивидуальное внутреннее время». К ним следует отнести монокомпонентные темпоральные атрибуты и адвербиалы *gestrig*, *jetzt*, *morgen*, *gestern*, а также бикомпонентные и поликомпонентные темпоральные адвербиалы типа *am Tag vorher*, *am Freitagabend*, *am Sonntag*, *am Samstag*, *am Donnerstag*, *am späten Sonntagabend*, *am kommenden Montag* и др., например:

(6) Die Zustimmung gab es *bei einem gestrigen* Treffen der Botschafterinnen und Botschafter in Brüssel (LC). — Соответствующее решение было дано *вчера на встрече послов в Брюсселе*.

(7) *Bei dem jetzigen* Treffen unter anderen Vorzeichen war auch Bundesagrарministerin Julia Klöckner (LC). — Федеральный министр сельского хозяйства Юлия Клёкне также присутствовала *на нынешнем совещании*.

(8) *Bei einem* Treffen *am Donnerstag* wurde ausgemacht, dass man kooperieren werde, um die Maturareise künftig sicherer zu machen (LC). — *На встрече в четверг* было решено, что они будут сотрудничать, чтобы сделать поездку в Матуру более безопасной в будущем.

(9) *Am Tag vorher beim* Treffen mit dem Wirtschaftsflügel blieb harte Kritik ebenfalls aus (LC). — *Накануне на встрече с бизнес-крылом жесткой критики тоже не было*.

(10) *Am Freitagabend* hatte Draghi *bei einem* Treffen mit Mattarella den Regierungsauftrag endgültig angenommen (LC). — *В пятницу вечером* Драги наконец принял госконтракт *на встрече с Маттареллой*.

(11) Die Landwirtschaftsminister debattieren das Ergebnis bereits *bei ihrem* Treffen *am kommenden Montag* (LC). — Министры сельского хозяйства уже обсуждают результат *на встрече в следующий понедельник*.

(12) *Bei einem großen* Treffen *am Samstag* klatschten tatsächlich Politikerinnen und Politiker so lange (LC). — *На субботней встрече* политики долго аплодировали.

(13) *Nach dem* Treffen *am Sonntag* gab es zunächst keine offizielle Verlautbarung (LC). — *После встречи в воскресенье* поначалу официального объявления не было.

(14) *Am späten Sonntagabend*, *nach dem* Treffen *der Präsidien*, ging der aktuelle Entwurf an die größeren Vorstände der Schwesterparteien (LC). — *Поздно вечером в воскресенье, после заседания президиумов*, текущий проект был передан в более крупные исполнительные органы братских партий.

(15) *In der Nacht nach dem* Treffen zeichnet er ein großes Spruchband und spannt es über die Straße, in der er wohnt (LC). — *В ночь после собрания* он рисует большой транспарант и растягивает его через улицу, где живет.

В высказываниях (6–12) актуализованы примарно-таксисные ситуации одновременности. Они эксплицированы темпоральными атрибутами *gestrig*, *jetzig* и темпоральными адвербиалами *am Donnerstag*, *am Tag vorher*, *am Freitagabend*, *am kommenden Montag*, *am Samstag*. В высказываниях (13–15) репрезентированы примарно-таксисные ситуации строгого следования. Актуализируемые таксисные значения эксплицированы темпоральными адвербиалами *am Sonntag*, *am späten Sonntagabend* и *in der Nacht*.

В состав рассмотренных высказываний входят также локальные маркеры, в том числе в сочетании

с таксисными квантификаторами типа *zuvor, dann, gleich, zugleich, unmittelbar* и др., Данные маркеры указывают на локальное и локально-темпоральное расположение действий (событий), например:

(16) *Bei einem Treffen mit Republikanern im Weißen Haus nahm dann ihr Ehemann Joe Biden vor laufender Kamera seine Corona-Maske ab* (LC). — *На встрече с республиканцами в Белом доме ее муж Джо Байден перед камерой снял свою противовирусную маску.*

(17) *Bei dem Treffen in Ankara am Dienstag vergangener Woche war für Michel ein großer Stuhl neben dem türkischen Staatschef Recep Tayyip Erdoğan reserviert* (LC). — *На встрече в Анкаре во вторник на прошлой неделе для Мишеля было зарезервировано большое кресло рядом с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом.*

(18) *Bei der Ankunft im sonnigen Barcelona lag Sebastian Vettels heiß erwartete Lieferung schon bereit* (LC). — *По прибытии в солнечную Барселону долгожданная посылка Себастьяна Феттеля уже была готова.*

(19) *Vor dem Treffen der Notenbanker in Jackson Hole fehlt dem Dax der Schwung, am Ende geht der Leitindex mit Verlusten aus dem Handel* (LC). — *Перед встречей глав центробанков в Джексон-Хоуле индексу Дах не хватило импульса, и в итоге ведущий индекс вышел из торгов с убытками.*

(20) *Vor dem Treffen der Gesundheitsminister in Lindau hat sich Baden-Württembergs Ressortchef Manne Lucha für eine Impfpflicht bei Beschäftigten zum Beispiel in Alten- und Pflegeheimen ausgesprochen* (LC). — *Перед встречей министров здравоохранения в Линдау глава департамента Баден-Вюртемберга Манне Луча высказалась за обязательную вакцинацию сотрудников домов престарелых и домов престарелых.*

(21) *Zuvor vereinbarte Merkel bei einem Treffen mit dem britischen Premierminister auf dem Landsitz der britischen Regierung Chequers einen Neuanfang in den Beziehungen zwischen ihren Ländern* (LC). — *Ранее на встрече с премьер-министром Великобритании в загородной резиденции британского правительства Чекерс Меркель договорилась о новом старте в отношениях двух стран.*

(22) *Zuvor hatte das Linksbündnis am Dienstag bei einem Treffen von Ministerpräsident Pedro Sánchez mit mehreren Ministern und Ministerinnen eine Einigung bei diesem sensiblen Thema erreicht...* (LC). — *Левый альянс ранее достиг соглашения по этому деликатному вопросу на встрече между премьер-министром Педро Санчесом и несколькими министрами во вторник...*

В высказывании (16) актуализована примарно-таксисная ситуация одновременности локализованных во времени действия глагола и события девербатива. Данная таксисная ситуация маркирована локальным квантификатором *im Weißen Haus* при сочетании с адвербиалом *dann* в роли таксисного квантификатора. Актуализируемая в высказывании (17) примарно-таксисная ситуация одновременности локализованных во времени глагольного действия и события девербатива эксплицирована локально-темпоральным адвербиалом *in Ankara am Dienstag vergangener Woche*. Примарно-таксисная ситуация одновременности в высказывании (18) диагностируется с помощью локального индикатора *im sonnigen Barcelona*. В высказываниях (19–20) репрезентированы примарно-таксисные ситуации строгого предшествования. Они эксплицированы локальными квантификаторами *in Jackson Hole* и *in Lindau*. Актуализованные в высказываниях (19–20) примарно-таксисные ситуации одновременности маркированы темпоральным и локальным квантификаторами *am Dienstag* и *auf dem Landsitz der britischen Regierung Chequer* в сочетании с таксисным адвербиалом *zuvor*.

В качестве индикаторов примарного таксиса одновременности и разновременности повторяющихся действий выступают итеративные атрибуты (*jeder, mehr, meist*) и итеративные адвербиалы (*wieder, immer wieder, immer häufiger, stets, mehrmals, manchmal, oft, selten, häufig, meistens, mittwochs* и др.), например:

(23) *Vor seiner Ankunft standen die meisten vor einer ungewissen Zukunft oder gar einer möglichen Schliessung* (LC). — *До его прибытия большинство столкнулось с неопределенным будущим или даже с возможным закрытием.*

(24) *Bei ihrer Ankunft sahen die gerufenen Beamten mehrere Fahrzeuge die auf der Straße abgestellt worden waren und drei miteinander kämpfende Männer* (LC). — *По прибытии офицеры увидели несколько припаркованных автомобилей и троих мужчин, дерущихся друг с другом.*

(25) *Bei der Ankunft waren mehrere Flaschen zerbrochen...* (LC). — *По прибытии несколько бутылок были разбиты...*

(26) *Kontrolliert wird das ab sofort nach jeder Ankunft...* (LC). — *Это проверяют сразу после каждого прибытия.*

(27) *Kapitän Manuel Neuer hat vor der Abreise der Fußball-Nationalmannschaft zum WM-Qualifikationsspiel in Skopje gegen Nordmazedonien wieder am Training teilgenommen* (LC). — *Капитан*

Мануэль Нойер снова принял участие в тренировке *перед тем, как национальная сборная по футболу отправилась на отборочный матч чемпионата мира в Скопье против Северной Македонии.*

(28) *Seit dem Treffen der Führungsspitze der Evangelischen Kirchen in der DDR mit dem Generalsekretär des ZK der SED und Vorsitzenden des Staatrats der DDR Erich Honecker am es in den Massenmedien der DDR immer häufiger zu Berichten über Vorgänge aus dem kirchlichen Leben...* (LC). — *Со времени встречи руководства Евангельских церквей ГДР с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ и Председателем Государственного Совета ГДР Эрихом Хонеккером в СМИ ГДР появляется все больше сообщений о событиях в церковной жизни...*

(29) *Danach vergehen wieder fünfzehn Jahre bis zum Treffen auf der Party* (LC). — *После этого проходит еще пятнадцать лет до встречи на вечеринке.*

(30) *Meistens steckt mir meine Familie vor der Abreise noch etwas zu* (LC). — *Моя семья обычно подсовывает мне что-нибудь, прежде чем я уйду.*

(31) *Mittwochs vor der Abreise in die Schweiz wurde die komplette Delegation der Leverkusener zum zweiten Mal in der Woche auf Corona getestet* (LC). — *В среду перед отъездом в Швейцарию вся делегация Leverkusener во второй раз за неделю прошла тестирование на коронавирус.*

Итеративные квантификаторы детерминируют итеративно-примарно-таксисные ситуации одновременности, предшествования и следования повторяющихся действий. Повторяющиеся действия являются нелокализованными во времени. В высказываниях (23–30) репрезентированы итеративно-таксисные и дистрибутивно-таксисные ситуации разновременности — предшествования и следования. В качестве итеративно-таксисных маркеров выступают итеративные атрибуты *meist, mehr, jeder* и итеративные адвербиалы *wieder, meistens u mittwochs, immer häufiger*. Актуализация сопряженных итеративно-дистрибутивно-таксисных категориальных значений одновременности и предшествования специфицирована дистрибутивной множественностью предикатных актантов (субъектных и объектных) (см. примеры 23–25).

Помимо итеративных квантификаторов в качестве соответствующих маркеров могут выступать дистрибутивные глаголы. В этом случае в высказываниях актуализируются таксисные ситуации дистрибутивной одновременности или разновременности. Они могут быть обусловлены

дистрибутивными глаголами, а также множественностью субъектных и объектных актантов, например:

(32) *Beim Überqueren stießen beide Fahrzeuge zusammen* (LC). — *Оба автомобиля столкнулись при пересечении дороги.*

(33) *Nach ihrer Ankunft wurden Eddy und Friedel auseinandergerissen...* (LC). — *По прибытии Эдди и Фридель были разлучены.*

В высказываниях (32–33) актуализованы дистрибутивно-примарно-таксисные ситуации строгого следования и одновременности. Они специфицированы субъектной множественностью и дистрибутивными глаголами *zusammenstoßen u auseinanderreißen*.

В высказываниях (34–54) актуализованы дистрибутивно-примарно-таксисные ситуации следования, предшествования и одновременности. Они детерминированы множественностью субъектных актантов (см. *viele Organisationen, unsere Autorinnen und Autoren, Spieler, Fans, die Vorschläge, die Ausweise, alles, alle Teilnehmer, die beiden Kontrahenten, die Soldaten, drei der Insassen, die Demokraten, die Fahrzeuginsassen, Lkw und Mähdscher, die Medienleute, die Teilnehmer, die Spitzen von nion und SPD, maritime Träume*).

(34) *Seit der Ankunft hatten sich viele Organisationen um die Geflüchtete gekümmert* (LC). — *С момента прибытия многие организации позаботились о беженцах.*

(35) *Seit Erscheinen der ersten gedruckten Ausgabe im Jahr 1971 sorgen unsere Autorinnen und Autoren mit Recherchen für Aufklärung in der Welt der Konzerne, Familienunternehmen und Start-ups* (LC). — *С тех пор, как в 1971 году появилось первое печатное издание, наши авторы проводят исследования, чтобы просветить мир корпораций, семейного бизнеса и стартапов.*

(36) *Seit dem Erscheinen der PS5 im November 2020 haben Spieler in den sozialen Medien mehrfach darüber berichtet* (LC). — *С момента выпуска PS5 в ноябре 2020 года геймеры неоднократно сообщали об этом в социальных сетях.*

(37) *Seit dem Erscheinen der Serie WandaVision fragen sich Fans, ob die zwei Kinder Billy und Tommy oder deren Versionen aus einem Paralleluniversum ein neues Team gründen* (LC). — *С тех пор, как вышла серия ВандаВижн, фанаты задавались вопросом, создают ли новую команду двое детей, Билли и Томми, или их двойники из параллельной Вселенной.*

(38) *Seit dem Erscheinen der App wurden die Teilnehmer gefragt, ob sie diese auf ihrem Smartphone*

installiert haben (LC). — *С момента выхода приложения участников спрашивали, установлено ли оно на их смартфонах.*

(39) Hier wurden den Erntehelfern *nach deren* Ankunft die *Ausweise* abgenommen (LC). — *После прибытия помощников по сбору урожая их удостоверения личности забрали.*

(40) Die *Vorschläge* werden *bis zum Treffen des Kielers Instituts für Weltwirtschaft im Herbst* weiter ausgearbeitet (LC). — *Предложения будут доработаны к осеннему заседанию Кильского института мировой экономики.*

(41) Bei *Ankunft des Zuges im Bahnhof Neumünster* standen Bundespolizisten schon auf dem Bahnsteig... (LC). — *Когда поезд прибыл на станцию Ноймюнстер, сотрудники федеральной полиции уже находились на платформе.*

(42) Bei *meiner* *Ankunft in der Stadt* waren bereits *alles* geschlossen — auch die Waschsalons (LC). — *Когда я приехал в город, все было уже закрыто, включая прачечные.*

(43) Bei *der* *Ankunft* vermieden es *alle Teilnehmer*, sich inhaltlich zu den Beratungen oder ihren Erwartungen zu äussern (LC). — *По прибытии все участники избегали комментариев по существу обсуждений или своих ожиданий.*

(44) Bei *Ankunft des Zuges im Bahnhof Neumünster* wurden die *beiden Kontrahenten* ermittelt (LC). — *По прибытии поезда на станцию Ноймюнстер, оба противника были опознаны.*

(45) *Schon bei der* *Ankunft* stellten die *Soldaten* demnach verblüfft fest, dass in der ganzen Straße trotz massiver Zerstörungen keine der «helfenden Hände» der Bundeswehr aktiv waren (LC). — *По прибытии солдаты были поражены, обнаружив, что, несмотря на массовые разрушения, ни одна из «рук помощи» бундсвера не была задействована.*

(46) Bei *Ankunft der Polizei* flüchteten *drei der Insassen* (LC). — *По прибытии полиции трое заключенных сбежали.*

(47) *Mit ihrer* *Abreise* erreichen die *Demokraten*, dass das Abgeordnetenhaus von Texas nicht beschlussfähig ist und deshalb auch nicht über eine Reform des Wahlrechts abstimmen kann (LC). — *Своим уходом демократы гарантируют, что Палата представителей Техаса не имеет кворума и, следовательно, не может голосовать за реформу избирательного законодательства.*

(48) Beim Eintreffen der *Einsatzkräfte* waren die *Fahrzeuginsassen* bereits aus dem Unfallfahrzeug befreit (LC). — *На момент прибытия экстренных служб пассажиры автомобиля уже были освобождены.*

(49) Beim Eintreffen der *Feuerwehr* standen *Lkw und Mähdrescher* bereits in Vollbrand (LC). — *По прибытии пожарных грузовик и комбайн были полностью в огне.*

(50) Beim Erscheinen sagten die *Medienleute*, es taugt nichts (LC). — *Когда он появился, представители СМИ сказали, что так не годится.*

(51) Beim Treffen der *internationalen Anti-Terror-Koalition in Paris* nahmen die *Teilnehmer* sogar schon die zweite wichtige Stadt... (LC). — *На встрече международной антитеррористической коалиции в Париже участники уже взяли второй важный город...*

(52) Beim Treffen des *Koalitionsausschusses im Kanzleramt* beschließen die *Spitzen von Union und SPD* ein Maßnahmenpaket zur Flüchtlings- und Asylpolitik (LC). — *На заседании коалиционного комитета в Канцелярии лидеры Союза и СДПГ приняли решение относительно пакета мер в отношении беженцев и их права на убежище.*

(54) Beim Treffen der *Schiffsmodellbauer im Freibad Mariendorf* werden *maritime Träume* wahr... (LC). — *На встрече судомоделистов в открытом бассейне Мариендорф сбываются мечты...*

В высказываниях (40), (44), (51) и (54) в качестве спецификаторов «взаимодействия» временной нелокализованности, в частности, дистрибутивности и темпоральности, выступают темпоральный адвербиал *im Herbst* и локальные квантификаторы *im Bahnhof Neumünster, in Paris* и *im Freibad Mariendorf*.

Заключение

Таким образом, в рамках применяемого централизованного подхода таксис рассматривается как центр или фокус межкатегориальных связей, «идущих» к категориям темпоральности и временной локализованности. Категория таксиса является семантическим маркером, а категории темпоральности и временной локализованности — семантическим фоном.

Пересечение категорий таксиса, темпоральности и временной локализованности базируется на семантической функции таксиса. Оно специфицирует примарно-таксисные ситуации одновременности и разновременности.

В качестве индикаторов примарно-таксисных значений одновременности и разновременности действий, которые являются локализованными во времени, выступают темпоральные, локальные или локально-темпоральные адвербиалы. В случае репрезентации итеративно-таксисных значений между собой соотносятся повторяющиеся, нелокализованные во времени действия или

события. В качестве итеративно-таксисных маркеров выступают при этом атрибуты и адвербиалы итеративной семантики. В качестве прототипического фактора, специфицирующего актуализацию дистрибутивно-примарно-таксисных значений, выступают дистрибутивные глаголы и дистрибутивная множественность предикатных актантов (субъектных и объектных).

Список источников

1. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках : монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
3. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 7-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2017. С. 234–242.
4. Галазов Э. Ю. Грамматическая категория времени во взаимосвязях и взаимодействии с другими глагольными категориями // *Lingua-universum*. 2018. № 3. С. 15–19.
5. Кудинова Н. Л. Взаимодействие категорий таксиса и темпоральности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 12-2 (42). С. 95–98.
6. Кудинова Н. Л. Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10-2 (52). С. 115–117.
7. Курбаленко Н. В. О межкатегориальных связях (на примере каузативности, модальности и императивности) // *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология*. 2020. № 4 (107). С. 80–86.
8. Ляшенко Н. А., Николаева А. В., Черненко В. В. К вопросу об особенностях взаимодействия функционально-семантических полей таксиса, компаративности и локативности // *Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 4. С. 118–124.
9. Пупынин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // *Межкатегориальные связи в грамматике*. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 43–60.
10. Шустова С. В., Комиссарова Е. С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // *Евразийский вестник гуманитарных исследований*. 2015. № 1 (2). С. 115–118.
11. LC — Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.07.2022).

References

1. Arkhipova IV. Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh = Taxis category in different-structured languages. Novosibirsk; 2020. 173 p. (In Russ.).
2. Bondarko AV. Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noj grammatiki = Verbal categories in the system of functional grammar. 2th ed. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury; 2017. 336 p. (In Russ.).
3. Bondarko AV. General characteristic of semantics and structure of taxis field. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost, vremennaya lokalizovannost, taksis = Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis*. Moscow; 2017. Pp. 234–242. (In Russ.).
4. Galazov EYu. The grammatical category of time in relationships and interaction with other verbal categories. *Lingua-universum*. 2018;(3):15-19. (In Russ.).
5. Kudinova NL. Interaction of categories of taxis and temporality. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2014;(12-2(42)):95-98. (In Russ.).
6. Kudinova NL. Interaction of categories of taxis and aspectuality. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2015;(10-2(52)):115-117. (In Russ.).
7. Kurbalenko NV. On intercategory connections (on the example of causation, modality and imperative-ness). *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya = Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*. 2020;(4(107)):80-86. (In Russ.).
8. Lyashenko NA, Nikolaeva AV, Chernenko VV. On the issue of the features of the interaction of the functional-semantic fields of taxis, comparativity and locativity. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanitarian and social sciences*. 2016;(4):118-124. (In Russ.).

9. Pupylin YuA. Grammatical categories of the Russian verb in their system-paradigmatic and functional connections. In: *Mezhkategorial'nye svjazi v grammatike = Intercategorical connections in grammar*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 1996. Pp. 43–60. (In Russ.).

10. Shustova SV, Komissarova ES. On the issue of intercategory interaction (on the example of the category of iterativeness in German). *Evrazijskij vestnik gumanitarnyh issledovanij = Eurasian Bulletin of Humanitarian Research*. 2015;(1(2):115-118. (In Russ.).

11. LC. Laboratory of Corpus Linguistics of the University of Leipzig. Available from: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 14.07.2022).

Информация об авторе

И. В. Архипова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков.

Information about the author

Irina V. Arkhipova — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Languages Department.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2022;
одобрена после рецензирования 01.12.2022; при-
нята к публикации 05.05.2023.*

*The article was submitted 20.08.2022; approved
after reviewing 01.12.2022; accepted for publication
05.05.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.342.83

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-24-30

ЭНКЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Махнуш Парвиз Искандари

Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, eskandari.mahnush@gmail.com, ORCID 0000-0002-4259-1713

Аннотация. Почти во всех языках мира можно выделить особые единицы под названием «клитики» — грамматически самостоятельные, но фонологически зависимые единицы (местоимения или частицы). Эти единицы также существуют в персидском языке. Цель исследования — выявление энклитик и их основных типов, т. е. простых и особых энклитик в персидском языке. В ходе исследования применены такие методы, как анализ клитик в персидском языке, межъязыковые сравнительные исследования. Актуальность темы исследования обусловлена недостаточным знакомством как изучающих персидский язык, так и пероговорящих с этими особыми языковыми единицами в персидском языке, поэтому их рассмотрение и классификация в этом языке являются необходимыми. Новизна заключается в том, что впервые детально рассматриваются и классифицируются энклитики современного персидского языка. Делается вывод о том, что в современном персидском языке существует девять энклитик, включая три простых и шесть особых.

Ключевые слова: энклитика, персидский язык, клитика, простые энклитики, особые энклитики

Для цитирования: Искандари М. Энклитики в современном персидском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 24–30. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-24-30.

Original article

ENCLITICS IN MODERN PERSIAN

Mahnush Eskandari

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, eskandari.mahnush@gmail.com, ORCID 0000-0002-4259-1713

Abstract. In almost all languages of the world, special units called “clitics” can be distinguished, which are considered phonetically dependent and grammatically independent units, and the Persian language is no exception. These units are adjacent to independent words and form a single whole with them. They are divided into three types, according to their location in the slot group (bar group), i.e. in a group of words that are pronounced as one word and with one stress, including enclitics, proclitics and endoclitics. There are neither endoclitics nor proclitics in the Persian language, only enclitics can be distinguished. The purpose of the study is to identify these enclitics and their main types, viz. simple and special enclitics in Persian. To achieve the goal such methods were applied as analysis and interlingual comparison. The novelty of the article lies in the fact that for the first time the enclitics of the modern Persian language are considered in detail. It is concluded that there are nine enclitics in modern Persian, including three simple and six special ones.

Keywords: enclitic, Persian language, clitic, simple enclitics, special enclitics

For citation: Eskandari M. Enclitics in Modern Persian. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(5(475):24-30. (In Russ.).* doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-24-30.

Введение

В большинстве языков мира можно выделить единицы, не относящиеся ни к группе самостоятельных слов, ни к группе служебных морфем

и располагающиеся между этими двумя группами. Эти единицы называются «клитиками». Они обладают некоторыми свойствами самостоятельных слов и некоторыми свойствами аффиксов, присоединяющихся к соседнему слову. А. М. Цвикки (1977) утверждает, что в большинстве языков есть

морфемы, которые нельзя отнести ни к категории независимых слов, ни к категории аффиксов [4].

Как отмечает Б. Джам, «в морфологии и синтаксисе клитика — это грамматически зависимая морфема, участвующая в некоторых конструкциях, и образующая фонетическое слово вместе со своим опорным словом. Фонетическое слово — это группа слов, которые фонетически произносятся как одно слово, но ни морфологически, ни синтаксически, ни семантически не считаются одним словом. Клитики, как и аффиксы, нуждаются в опорном слове, к которому они примыкают. В отличие от аффиксов они не входят в структуру слова» [1394:22].

Многие лингвисты, в том числе Э. Сепир (1930), Л. Блумфилд (1933), Ю. Найда (1963), С. Мэтьюс (1979), Р. Хадсон (1986), Б. Роббинс (1989), Н. И. Андерсон (1992, 2004, 2005), Д. Клаванс (1982), А. М. Цвикки (1977, 1994), А. М. Цвикки и Дж. К. Пуллум (1983) рассматривали эту категорию. И. Калбаси (1993:24-25), В. Шагаги (1996, 2014), М. Мешкат-аддини (2006:18), Расех Маханд (2006, 2008, 2009, 2010, 2011), Сарахи и Али Неджад (2014), Нагз Гуй Кохан (2014), Бахрами и Резаи (2014), Махмуди (2014) и другие приложили особые усилия для изучения клитик в персидском языке. Исследования персидских лингвистов свидетельствуют о том, что персидский язык также входит в число языков, в которых доказано наличие клитик.

Различие между аффиксами и клитиками заключается в том, что:

1. Клитики имеют свободу передвижения внутри высказывания.
2. Клитики свободно выбирают свое опорное слово.
3. Клитики прибавляются к аффиксам.
4. Сочетание клитик с опорным словом всегда имеет предсказуемый смысл.
5. В некоторых случаях клитики не действуют в рамках фонологических правил.

В данной статье, опираясь на аналитико-описательный метод, мы пытаемся охарактеризовать и классифицировать энклитики в современном персидском языке. Актуальность темы исследования заключается в том, что многие как персоговорящие, так и иностранцы, изучающие персидский язык, не знакомы с этими особыми языковыми единицами в персидском языке, поэтому их рассмотрение являются необходимыми. Научная новизна статьи состоит в том, что впервые детально рассматриваются и классифицируются энклитики современного персидского языка. Вопросы,

на которые мы пытаемся ответить в этом исследовании, включают типы энклитик в персидском языке и то, к каким частям речи энклитики примыкают.

Материал и методы исследования

Джудит Л. Клаванс (1985) разделила клитики на энклитики и проклитики — по их месту расположения и на начальные и конечные — по их соединению к опорному слову (цит. по [12. С. 31]).

Как утверждает А. А. Зализняк, слова по наличию ударения делятся на нормальные и слова без ударения. Одни безударные слова никогда, а некоторые в большинстве случаев не имеют ударения, и жизнь этих двух разрядов слов зависит от слов, стоящих рядом с ними, а безударные слова соединяются с самостоятельными словами. Эти безударные двухсложные или трехсложные слова в русском языке называются клитиками [1. С. 234].

В персидском языке, как следует из исследований в области клитик и особенно из статьи доктора Шагаги (1996), существуют 9 клитик, которые в соответствии с направлением соединения к опорному слову являются энклитиками. Шагаги в своей статье (2014) пишет, что в персидском языке клитики присоединяются к опорному слову в виде энклитик [11; 12. С. 31].

А. М. Цвикки в общей классификации разделяет клитики на простые (*simple clitics*) и особые (*special clitics*). Эта двойственная классификация отражает в общих чертах различия между клитиками с простым и специальным синтаксисом. «Несмотря на объединяющее оба типа клитик фонологическое ослабление, они различаются своими дистрибутивными качествами и их отношением к своей полной форме» [4. С. 5]. Простые клитики характеризуются тем, что являются морфологически редуцированным вариантом свободного независимого слова. Они при выборе своего опорного слова проявляют очень небольшую степень селективности [3. С. 317]. Цвикки так определяет особую клитику: «Это безударная связанная форма, которая действует как вариант ударной свободной формы, с тем же самым когнитивным значением и сходным фонологическим составом» [4. С. 3].

Клитики современного персидского языка имеют следующие признаки:

1. Они примыкают к опорному слову, но не являются частью морфологической структуры этого слова. По направлению примыкания клитик к опорному слову все клитики

персидского языка стоят после опорного слова, т. е. считаются энклитиками.

- Клитики в современном персидском языке имеют определенное структурное или грамматическое значение, такое как изафетная конструкция, прямое дополнение, соединительное значение и др.
- Основное ударение фонетического слова на них не падает. Большинство персидских клитик, как и почти все аффиксы персидского языка, состоят только из одного слога и являются безударными.

Результаты исследования и их обсуждение

Энклитика как предмет нашего исследования — это клитика, которая ставится после опорного слова. В персидском языке, по словам Шагаги можно выделить девять энклитик, которые представляют собой три простых и шесть особых (или специальных) [11. С. 150; 12. С. 22].

Простые энклитики персидского языка:

- Сокращенная форма наречия «هم» т. е. «-م» в значении «тоже, также». Слово или наречие «هم» в современном персидском языке может быть наречием увеличения (в значении «همچنین» «добавляя к этому», «علاوه بر این» «также»), союзом, акцентирующим прилагательное, взаимным местоимением (Reciprocal Pronoun) и префиксом, означающим «общий, схожий» [7. С. 57].

Это наречие в разговорной речи используется в форме «-م» [æm], присоединяется к предшествующему слову или словосочетанию и при этом считается энклитикой. Поскольку эта энклитика имеет полную форму, которая может быть заменена краткой формой, ее надо отнести к группе простых энклитик. Эта энклитика примыкает к 1) имени существительному; 2) местоимению; 3) глаголу; 4) указательному местоимению (рис. 1).

1. مریم (مریم هم) در جریانه. [mæryæmæt dæg jaryane] (Я тоже увидел)
2. منم (من هم) با شما. [mænæm ba šomam] (Он тоже с нами)
3. گاهی رفتنم (رفتن هم) خوبه. [gahi ræftænæm xube] (Иногда уходить — это хороший вариант!)
4. اینم (این هم) قشنگه. [inæm qæšænge] (Это тоже красиво!)

Рис. 1. Актуализация энклитики «-م» [æm]
Fig. 1. Actualization of the enclitic "-م" [æm]

Соединительный союз «و» [o], который в официальном языке употребляется в форме «و» [væ] в значении «и соединительный».

Этот союз считается свободной морфемой (free morpheme) и употребляется при соединении двух слов или двух предложений. В разговорной речи после слов, заканчивающихся на гласную, употребляется как «و» [vo], а после слов, заканчивающихся на согласную, он превращается в «و» [o]. Последняя его форма, т. е. «و» [o] является простой энклитикой, ибо у нее есть полная форма и короткая форма может быть заменена полной. Она стоит в следующих конструкциях:

- имя существительное + соединительный «و» [o] + имя существительное; 2) глагол + соединительный «و» [o] + глагол; 3) наречие + соединительный «و» [o] + наречие; 4) имя прилагательное + соединительный «و» [o] + имя прилагательное и 5) личное местоимение + соединительный «و» [o] + личное местоимение (рис. 2).

1. مادر و برادر [madaero bæradær] (мать и брат)
2. خورد و خوابید [xordo xabid] (ел и спал)
3. تندابان و سراسیمه [šetabano særasime] (быстро и торопливо)
4. خوب و بد [xubo bæd] (хороший и плохой)
5. ما و شما [mao šoma] (мы и вы)

Рис. 2. Актуализация энклитики «و» [vo] («و» [o])
Fig. 2. Actualization of the enclitic "و" [vo] ("و" [o])

Этот соединительный союз «و» [o] также стоит 6) между двумя словосочетаниями или 7) между двумя предложениями (7) (рис. 3).

1. دانشجوی باهوش و استاد باتجربه [danešjuye bahušo ostade ba tæjrobe] (умный студент и опытный преподаватель)
2. (از مغازه خرید کردم و ناهار خوردم. [æz mæqaze xærid kærdæmo nahar xordæm] (Я купил в магазине вещи и пообедал.

Рис. 3. Актуализация энклитики «و» [o]
Fig. 3. Actualization of the enclitic "و" [o]

- Знак прямого дополнения в сокращённой форме, т. е. «و» [o]

Слово или предлог «را» в персидском языке считается признаком прямого дополнения, т. е. слово, которое стоит перед «را» является прямым дополнением [مقدم, 1369: 45]. Это слово в разговорной речи превращается в «رو» [ro], а если оно стоит после слов, заканчивающихся на согласный, произносится как «و» [o] и примыкает к своему предыдущему слову. При этом «و» [o] считается энклитикой,

имеющей полную форму «ا» [a], ее краткая форма может быть заменена полной, поэтому она считается простой энклитикой. Опорными словами для знака прямого дополнения в сокращённой форме, т. е. «ا» [o] служат: 1) существительное; 2) прилагательное; 3) местоимение; 4) указательное местоимение; 5) вопросительное местоимение. Следует отметить, что эта энклитика примыкает к словосочетанию (именной группе) (6), а также к клаузе (7) (рис. 4).

1. [dæftæro bærdæŋ] دفتر و بردار. (Возьми тетрадь!)
2. [qæšæŋgo bebin] قشنگو ببین! [Смотри на красивую (девушку)!]
3. [mæno zædæn] منو زدن. (Меня разбили.)
4. [inø befæhm] اینو بفهم! (Понимай это!)
5. [kiø didi] کیو دیدی? (Кого ты видел?)
6. [naøhe bolændæmo šekæšti] ناخن بلندمو شکستی. (Ты сломал мой длинный ноготь.)
7. [zani ke umædo æz pošte šiše negah mikærdæm] زنی که اومدو از پشت پستخانه نگاه می‌کردم. (Я через окно смотрел на женщину, которая пришла.)

Рис. 4. Актуализация прямого дополнения в сокращённой форме («ا» [o])
Fig. 4. Actualization of direct object in abbreviated form ("a" [o])

Особые энклитики персидского языка

1. Изафетное «-» [e].

Эта морфема употребляется для связи двух существительных в изафетной конструкции, не имеет полной формы и считается особой энклитикой. Она не эллидируется в составе словосочетания. Изафетное «-» [e] употребляется в следующих конструкциях:

1) имя существительное + изафетное «-» [e] + имя прилагательное; 2) имя существительное + изафетное «-» [e] + имя существительное; 3) предлог + изафетное «-» [e] + местоимение (личное, вопросительное, указательное); 4) имя существительное + изафетное «-» [e] + предлог + изафетное «-» [e] + имя существительное (рис. 5).

2. Артикль неопределённости «ی» [i], или «ئی» [i].

Артикль неопределённости «ی» [i], или «ئی» [i] «с точки зрения чисел указывает на одно или несколько неопознанных лиц или предметов, включая людей, животных, растений. Кроме того, этот артикль вместе с неисчисляемым существительным подразумевает значение ограниченности» [9. С. 41]. Дан-

ный артикль примыкает к существительному или к именной группе (noun phrase). Его можно присоединять к главному слову в словосочетании или к последнему зависимому слову в именной группе. Направление примыкания этого артикля к опорному слову показывает, что его надо отнести к энклитикам и поскольку он не имеет полной формы, входит в состав особых энклитик.

Эта специальная энклитика употребляется в следующих конструкциях: 1) имя существительное + артикль неопределённости «ی» [i]; 2) имя существительное + имя прилагательное + артикль неопределённости «ی» [i]; 3) имя существительное + артикль неопределённости «ی» [i] + имя существительное (рис. 6).

1. [pedære mehrban] پدر مهربان (добрый отец)
2. [dæsbænde noqre] دستبند نقره (Серебряный браслет)
3. [kenare mæn] کنار من (Рядом со мной)
4. [ketabe ruye miz] کتاب روی میز (книга на столе (книга, которая лежит на столе))

Рис. 5. Актуализация изафетного «-» [e]
Fig. 5. Actualization of the izafat "-" [e]

1. [ketabi xandæm] کتابی خواندم. (Я прочитал (а) какую-то книгу.)
2. [madære mehrbani kudækæš ra negah mikšrd] مادر مهربانی کودکش را نگاه می‌کرد. (Одна добрая мать смотрела на своего ребенка.)
3. [pedæri mehrban kudækæš ra negah mikšrd] پدری مهربان کودکش را نگاه می‌کرد. (Один добрый отец смотрел на своего ребенка.)

Рис. 6. Актуализация артикля «ی» [i] или «ئی» [i]
Fig. 6. Actualization of the article "ی" [i] or "ئی" [i]

3. «ئی» [i] описание (описательный «ئی» [i] или «ی» [i]).

Описательный «ئی» [i] или «ی» [i] отличается от артикля неопределённости тем, что «этот «ئی» [i] или «ی» [i] примыкает как к неопределённым существительным, так и к определенным, и после него идет описательное предложение, которое описывает предыдущее существительное» [10. С. 54].

Всякий раз, когда существительное связано с клаузой, после существительного и перед клаузой добавляется «ئی» [i] описание. «ی» [i], или «ئی» [i] добавляется как к неопределённым, так

и к определенным существительным. Его присоединение к нарицательному неопределенному существительному обязательно, в противном случае предложение становится неграмматическим. «ئی» [i] описание ставится в позиции после именных зависимых слов в самой левой стороне именной группы и перед клаузой. Он считается особой энклитикой, поскольку не имеет полной формы (рис. 7).

1. - آن زنی که در خیابان دیدمش، فریاد می‌کشید. [an zæni ke dær xiaban didəməš færyad mikišid] (Та женщина, которую увидела на улице, кричала.)
2. - کودکی که می‌دوید، کیفم را زد. [kudæki ke midævid kifəm ræ zæd] (Сбежавший ребенок украл мою сумку.)

Рис. 7. Актуализация описательного «ئی» [i] или «ی» [i]

Fig. 7. Actualization of the descriptive "ئی" [i] or "ی" [i]

4. Личные энклитические местоимения (местоименные энклитики).

Как указывает Ю. А. Рубинчик, «в составе личных местоимений насчитывается одиннадцать слов, указывающих на говорящего, его собеседника (или собеседников) и на лиц, о которых ведется речь. Наличие в составе личных местоимений не шести, а одиннадцати слов объясняется тем, что в третьем лице единственного и множественного числа употребляются дополнительно другие слова» (рис. 8) [2. С. 169].

1-е л. единственное число من [mæn] 'я'
2-е л. единственное число تو [to] 'ты'
3-е л. единственное число او [u], وی [vey] 'он', 'она', 'оно'
1-е л. множественное число ما [ma] 'мы'
2-е л. множественное число شما [šoma] 'вы'
3-е л. множественное число آنها [anha], ایشان [išan] 'они'
آنان [anan], اینان [inan], اینها [inha] 'они'

Рис. 8. Актуализация местоименных энклитиков

Fig. 8. Actualization of pronominal enclitics

Вышеуказанные личные местоимения считаются полными личными местоимениями, которые употребляются в речи отдельно и самостоятельно. Их надо отнести к самостоятельным частям речи, а не к клитикам.

Существуют другие слитные несамостоятельные личные местоимения, которые входят в состав энклитик. Несамостоятельные личные местоимения соответствуют независимым личным

местоимениям и всегда примыкают к предшествующему слову. «Эти аффиксоподобные элементы по своему значению соответствуют личным местоимениям, но отличаются от них характером употребления и выполняемым синтаксическим функциям» (рис. 9) [2. С. 172].

1-е л. единственное число -م [æm] 'я'
2-е л. единственное число -ت [æt], ت [et] 'ты'
3-е л. единственное число -ش [æš], ش [eš] 'он', 'она', 'оно'
1-е л. множественное число -مان [eman], -مون [emun] 'мы'
2-е л. множественное число -تان [etan], -تون [etun] 'вы'
3-е л. множественное число -شان [ešan], -شون [ešun] 'они'

Рис. 9. Актуализация несамостоятельных личных местоимений

Fig. 9. Actualization of dependent personal pronouns

Безударность слитных местоимений приводит к тому, что они всегда примыкают к предшествующему слову и именно поэтому их невозможно отнести к самостоятельным частям речи. К тому же их невозможно считать служебными частями речи, ибо они обладают указательным значением. Исходя из вышеизложенного, слитные местоимения персидского языка относятся к энклитикам, которые являются особыми энклитиками.

Слитные местоимения примыкают к глагольной или именной группам, и опорное слово может быть 1) глагол; 2) прилагательное; 3) вопросительное местоимение; 4) существительное; 5) указательное местоимение и 6) предлог (рис. 10).

1. خودم دیدمش [xodəm didəməš] (Я сам его видел.)
2. قشنگم کن! [qəšəngəm kon] (Сделай меня красивым!)
3. کجاش درد می‌کنه؟ [kojaš dærd mikone] (В каком месте болит у него?)
4. دفترم [dæftərəm] (моя тетрадь)
5. اینجا درد می‌کنه؟ [injat dærd mikone] (Здесь у тебя болит?)
6. بخرشون بخر! [bæxəšun bəxær] (Купи им!)

Рис. 10. Актуализация слитных местоимений

Fig. 10. Actualization of bound pronouns

5. Энклитические глаголы (enclitic verbs).

В персидском языке существуют вспомогательные глаголы, употребляемые при спряжении глаголов в разных временах и при образовании

различных видов и залогов глаголов. Самый популярный персидский вспомогательный глагол — «بودن» [будан] (быть). Этот глагол имеет самостоятельные и несамостоятельные формы. Несамостоятельные формы глагола «بودن» используются при образовании прежде прошедшего и прошедше-настоящего времён.

Эти несамостоятельные вспомогательные глаголы соответствуют лицу и числу подлежащего и в разговорной речи употребляются вместо глаголов «است» и «هست» в значении «есть, бывать» (рис. 11).

1-е л. единственное число	م	[æm]	'бываю'
2-е л. единственное число	ای	[i]	'бываешь'
3-е л. единственное число	است	[æst]	'бывает'
1-е л. множественное число	ایم	[im]	'бываем'
2-е л. множественное число	اید	[id]	'бываете'
3-е л. множественное число	اند	[ænd]	'бывают'

Рис. 11. Актуализация энклитического глагола «بودن» «to be»

Fig. 11. Actualization of the enclitic verb «بودن» "to be"

Третье лицо единственного числа этого несамостоятельного вспомогательного глагола, по утверждению Шагаги, «имеет 6 разновидностей, включая «-s» [-s], «-e» [-e], «-st» [-st], «-st» [-st], «-st» [-st], «-st» [-st], «-st» [-st], «-st» [-st], «-st» [-st]. Они употребляются в разных контекстах. «-st» [-st], «-st» [-st], «-st» [-st] употребляются в письменной речи, а другие применяются в разговорной повседневной речи» [11. С. 145].

Вышеперечисленные несамостоятельные глаголы считаются особыми энклитиками и примыкают к глагольной группе. Существует различие между этими глагольными энклитиками и персидскими глагольными окончаниями. Глагольные окончания можно добавить только к глаголу. Опорное слово для глагольных энклитик может играть в предложении разные синтаксические роли.

Энклитические несамостоятельные вспомогательные глаголы употребляются в таких конструкциях: 1) имя существительное +

энклитический глагол; 2) местоимение + энклитический глагол; 3) словосочетание + энклитический глагол; 4) клауза + энклитический глагол (рис. 12).

1. حسنہ [in hæsa:ne].	بن حسن است.
(Это Хасан.)	
2. شما ایید؟ [šoma:id]	شما هستی؟
(Это вы?)	
3. زیر پامه [zire pame].	
(Это под моей ногой.)	
4. دختری که دیدم [doxtæri ke didæme].	
(Это та девушка, которую я видел.)	

Рис. 12. Актуализация энклитических вспомогательных глаголов

Fig. 12. Actualization of enclitic auxiliary verbs

6. Акцентирующее «ها» [ha].

Акцентирующее «ها» [ha] примыкает к главному слову глагольной группы или ко всей глагольной группе, чтобы подчеркнуть его. Поскольку эта энклитика не имеет полной формы, считается особой энклитикой (рис.13).

1. - مريم اومده ها! [mæryæm umæde ha]
(Марьям уже пришла)
2. - به کسی نگی ها! [be kæsi nægi ha]
(Никому не говори ни в коем случае!)

Рис. 13. Актуализация акцентирующего «ها» [ha]

Fig. 13. Actualization of the emphatic "ها" [ha]

Заключение

В статье рассматриваются клитики, которые в современном персидском языке встречаются только в форме энклитик. Предложенная классификация и рассмотренные примеры подтверждают, что клитики современного персидского языка в соответствии с направлением присоединения к опорному слову. Три из энклитик персидского языка входят в состав простых, имеющих и полную, и краткую формы, и краткая форма может быть заменена полной формой. Другие персидские энклитики, которые не имеют полной формы, относятся к числу особых энклитик.

Список источников

1. Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // В кн.: Янин В. Л. Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989. М. : Наука. 1993. 352 с.
2. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского языка. М. : Изд. гр. «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.
3. Anderson S. R. Aspects of the theory of clitics. New York : Oxford University Press, 2005. 317 p.
4. Zwicky A. On clitics. Bloomington: Indiana University Linguistics Club, 1997.

5. در بافت‌های گوناگون در چارچوب نظریه بهینگی». در: پژوهش‌های زبانی. مقاله ۲، /ast- /جم، بشیر: «تبیین تغییر تلفظ فعل پی‌بستی. دوره ۶، شماره ۱، بهار و تابستان ۱۳۹۳، صص ۱۲-۴.
6. شقاقی، وند گروهی، مجله زبان و زبان‌شناسی، دوره نهم، بهار و تابستان ۲۹، شماره ۷۱، صص 1-26.
7. کلباسی، ایران «نقش‌های هم در زبان فارسی» مجله زبان‌شناسی، س ۷، ش ۲. ۹۶۳۱. صص 56-58.
8. دبیر مقدم، محمد «پیرامون را در زبان فارسی» مجله زبان‌شناسی، ش ۱، صص 2-60.
9. تاراشتنا: نارمت. (یت‌خاس یامدن‌ویپ و ناگژاو) یرراف نابز روتسد. (4831). یدهم، ین‌یدلا موکش‌م. ص 41، سمت
10. فنون ادبی. سال ششم. شماره ۲. پاییز و ابن الرسول، سید محمد رضا، رحیمی خویگانی، محمد انواع «ی» در زبان فارسی امروز. زمستان 1393. صص 85-94، ص 45.
11. شقاقی، ویدا، واژه بست چیست؟ آیا در زبان فارسی چنین مفهومی وجود دارد؟ مجموعه مقالات دانشگاه علامه طباطبایی، 4731، اسفند 1374، شماره ۳۸ از 141 تا 158.
12. شقاقی، ویدا "واژه بست جایگاه دوم در فارسی" مجموعه مقالات نخستین همایش ملی: بررسی واژه بست‌ها در زبان‌های ایرانی. به کوشش محمد راسخ مهند. انجمن زبان‌شناسی ایران، تهران: نشر نویسه پارسی، 1392، صص 31-35.

References

- Zaliznyak AA. To the study of the language of birch bark manuscripts. In: Yanin VL, Zaliznyak AA. Novgorodskiye gramoty na bereste iz raskopok 1984–1989 = Novgorod letters on birch bark from excavations 1984–1989. Moscow: Nauka; 1993. 352 p. (In Russ.).
- Rubinchik UA. Grammatika sovremennogo persidskogo jazyka = Grammar of Modern Persian. Moscow: Publishing group "Eastern Literature"; 2001. 600 p. (In Russ.).
- Anderson SR. Aspects of the theory of clitics. New York: Oxford University Press; 2005. 317 p.
- Zwicky A. On clitics. Bloomington: Indiana University Linguistics Club; 1997.
- Jam B. Explaining the change in pronunciation of the dependent verb ast- in various contexts in the framework of the theory of optimality. *Linguistic Research*. 2015;(1):21-40. (In Pers.).
- Shaghghi V. Vand Group. *Journal of Language and Linguistics*. 2013;(17):1-26. (In Pers.).
- Kalbasi I. Roles in the Persian Language. *Journal of Linguistics*. 1990;(2):56-58. (In Pers.).
- Dabir Moghaddam M. About the Persian Language. *Journal of Linguistics*. 2013;(1):2-60. (In Pers.).
- Meshkat Adini M. Persian grammar (words and structural links). Tehran: Samat Publications; 2005. (In Pers.).
- Ibn al-Rasool Seyyed M., Rahimi Khoiyani M. Types of "Va" in Persian. *Journal of literary Techniques*. 2014;(2):49-58. (In Pers.).
- Shaghghi V. What is the clitic? Is there such a concept in Persian? In: Tehran: Proceedings of Allameh Tabatabai University, 1995. № 83. Pp. 141–158. (In Pers.).
- Shaghghi V. The second-place word in Persian. In the First National Conference: a Study of Words in Persian Languages. Tehran: Publishing Persian characters; 2014. Pp. 13–35. (In Pers.).

Информация об авторе

Махнуш Парвиз Искандари — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

Mahnush Eskandari — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of the Russian Language.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022;
одобрена после рецензирования 25.07.2022; при-
нята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 26.05.2022; approved
after reviewing 25.06.2022; accepted for publication
05.05.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-31-38

ИСТОРИЯ СВЯЗАННОГО КОРНЯ *МЪК

Екатерина Александровна Сухова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, ekaterina_suhova@list.ru,
ORCID 0000-0002-5456-3998

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме формирования лексики со связанным корнем *мък. Цель статьи — выявить комплекс причин, которые в своей совокупности привели к возникновению радикаоида. Базой для исследования послужили данные исторических и этимологических словарей, а также данные Национального корпуса русского языка. В результате исследования выявлены факты деэтимологизации, обоснованы причины, повлекшие за собой семантические сдвиги. В ходе эволюции данной группы лексики произошел распад некогда единого этимологического гнезда на несколько словообразовательных гнезд. Не все единицы этих образований сохранили между собой семантическое единство. Однако некоторые гнезда могут быть объединены по принципу общности значения.

Ключевые слова: связанный корень, радикаоид, этимология, этимологическое гнездо, словообразовательное гнездо, деэтимологизация, историческое словообразование

Для цитирования: Сухова Е. А. История связанного корня *мък // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 31–38. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-31-38.

Original article

THE HISTORY OF THE BOUND ROOT *МЪК

Ekaterina A. Suhova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ekaterina_suhova@list.ru, ORCID 0000-0002-5456-3998

Abstract. This article is devoted to the problem of the formation of vocabulary with the bound root (radixoid) *мък. The purpose of the article is to identify a set of reasons that together led to the emergence of this radixoid. The basis for the study was the data of historical and etymological dictionaries, as well as the data of The National Corpus of the Russian language. As a result of the study, the facts of de-etymologization were revealed, the reasons that led to semantic shifts were substantiated. In the course of the evolution of this group of vocabulary, the split of the once unified etymological family of this word into several word-formation families. Not all units of these formations have preserved semantic unity among themselves. However, some families with the radixoid *мък can be united on the principle of commonality of meaning.

Keywords: bound root, radixoid, etymology, etymological family of word, word-formation family of word, de-etymologization, historical word formation

For citation: Suhova EA. The history of the bound root *мък. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):31-38. (In Russ.) doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-31-38.

Введение

Системно-диахроническое описание этимологических гнезд — одно из актуальных направлений современной лингвистики. Современная тенденция языкознания — объединить все то,

что может быть объединено; в силу этих причин изучение теории связанных корней получило новый виток развития. Воссоздание истории становления исторических корневых гнезд представлено в работах А. В. Ивановой [4], Н. В. Пятаевой [12]. Авторы реконструируют этимологические гнезда, включая в их состав всю лексику

с тем или иным связанным корнем, в том числе слова, подвергшиеся деэтимологизации. Комплексное рассмотрение истории возникновения радикалоидов на примере глагольной лексики реализовано Е. М. Шептухиной [23]. С точки зрения синхронии изучением связанных корней занимается И. Д. Михайлова [6]. Вместе с тем не все связанные корни изучены, а история становления некоторых рассмотрена только на протяжении определенного периода, в связи с этим возникает необходимость включения в уже созданную картину развития лексики со связанным корнем данных новых исследований, которые позволили бы конкретизировать и дополнить уже существующую теорию радикалоидов.

Понятие связанного корня введено в языкознание в середине XX века Г. О. Винокуром. Такие корни «всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами» [2. С. 435]. Лексемы с такими корнями можно было бы признать производными, но сопоставление однокоренных слов, позволяет выделить первичную основу. Диахронический анализ подобных слов и выявление причин, повлекших за собой появление связанного корня, предполагает обращение к истории слова, которая включает в себя этимологический анализ. Рассмотрим важность обращения к истории слова в процессе анализа радикалоидов.

В. В. Виноградов, считая, что границы этимологических толкований слов слишком узки, пишет: «этимология лишь тогда получает твердый научный фундамент, когда она вливается в историческую лексикологию или историческую семантику» [1. С. 14].

О. Н. Трубачев же, напротив, полагает, что «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [19. С. 65]. Если же специалист по современной лингвистической семантике не интересуется этимологией, считает исследователь, то лингвистическая семантика проигрывает.

Подобные разночтения, вероятно, обусловлены тем, что связь этимологии с вопросами лексикологии, как заметил О. Н. Трубачев, очень интимна, «лексикологический и семасиологический аспекты вплетаются в этимологию на каждом шагу, присутствуют при оценке множества ситуаций» [19. С. 34].

Решая свои задачи, этимология также черпает сведения из фонетики, словообразования, морфоло-

гии. Историческая лексикология тоже оказывается связанной с вышеперечисленными разделами лингвистики, включая в себя при этом и этимологию.

Итак, восстановление истории слова с целью выявления причин, повлекших за собой возникновение связанного корня, а значит, и изменение фонетического облика слова, и деэтимологизацию, и изменение морфемной структуры, а также словообразовательного статуса предполагает обращение к историческому словообразованию как к лингвистической дисциплине, которая способна установить процессы диахронического характера, ставшие причиной расхождения между реальной производностью и исторической мотивацией.

Вопрос о системном статусе словообразования, по словам Н. Г. Николаева, подлежит пересмотру. Словообразование следует классифицировать как деривационный аспект лексики, а формообразование как деривационный аспект морфологии. Деривация в лексике может идти двумя путями: с присоединением производящих средств и путем переосмысления уже существующей единицы. Решить задачу взаимодействия и взаимообусловленности единиц можно только при историческом подходе к материалу [7].

По словам И. С. Улуханова, в конце 80-х гг. XX в. историческое словообразование оставалось менее разработанным, чем, например, такие разделы науки о языке, как фонетика, морфология, синтаксис. Синхронному словообразованию, напротив, посвящено большое количество конкретных исследований, это стало предпосылкой для выявления более глубоких закономерностей, изучить которые ранее представлялось невозможным. Важными перспективами изучения как исторического, так и синхронного словообразования является исследование его соотношения с другими уровнями языка: синтаксисом, морфологией, лексикой. Ученым были выделены следующие предпосылки для осуществления создания «достаточно полного обобщающего описания конкретного материала, выработки системы единиц и терминов, пригодных для такого описания, определения структуры этого описания» [20. С. 4].

Во-первых, наука располагает большим количеством исследований: это и описание эволюции определенных групп слов, и различные монографические исследования, в которых уделяется внимание теоретическим обобщениям различных закономерностей в области развития словообразовательной системы языка, в том числе работы по индоевропейскому, праславянскому и старославянскому словообразованию.

Во-вторых, прогресс в области исторической лексикографии, которая теперь располагает обширной картотекой слов, позволит судить о степени частотности и продуктивности мотивированных слов, и сфере их распространения, о типичных контекстах употребления, о степени узуальности и окказиональности словообразовательных единиц.

В-третьих, достижения в области синхронного словообразования можно использовать в той или иной мере для описания эволюции словообразовательной системы. При этом общеизвестным является факт, что синхронные словообразовательные отношения не всегда совпадают с реальной исторической мотивацией.

По словам О. Ю. Николенко, семантическое пространство слова постоянно меняется, что ученые объясняют ассиметричным дуализмом лингвистического знака: «Возникает это явление вследствие расплывчатости языкового значения слова, являющейся результатом его произвольности» [8. С. 69].

Современная теория и практика структурного языкознания исходят из принципа изоморфизма уровней языка. Применительно к семантике говорят об изоморфизме семантики и словообразования. Понятие изоморфизма как глубокого структурного параллелизма между звуковыми и семантическими комплексами было выдвинуто Е. Куриловичем. Постепенно от положения об изоморфизме отошли все, кому приходится работать со словом. О. Н. Трубачев, рассматривая данную проблему, соглашается с Н. Д. Арутюновой, которая считает, что план выражения и план содержания развиваются автономно: «В плане выражения происходит постоянное дробление означающих и их частичное варьирование; в плане содержания, напротив, протекает объединение означаемых и их слияние в одном новом значении» [19. С. 68]. В связи с этим О. Н. Трубачев ставит «вопрос о наличии в отношениях семантики и словообразования своеобразной междууровневой компенсации, т. е. явления, скорее противоположного изоморфизму» [19. С. 68]. «Старая функция может закрепляться за новой формой, а новая функция — за старой формой, что делает понятной потенциальную противоположность словообразовательной и семантической деривации» [19. С. 131].

Методы и материалы

Работа выполнена в рамках системно-диахронического описания сложных лексических систем.

В процессе исследования использованы лингвистические методы этимологического, словообразовательного, морфемного и морфологического анализа, историко-сравнительный метод, а также метод описания, обобщения и интерпретации языкового материала.

Исследование проведено на материале толковых и этимологических словарей разных периодов и данных Национального корпуса русского языка.

Результаты

В данной работе рассмотрена эволюция глагола *мыкати*, ставшего базой для образования префиксальных дериватов, многие из которых пережили деэтимологизацию, и выявлены причины формирования лексики со связанным корнем. Обращение к различным историческим дисциплинам: фонетике, словообразованию, морфемике, лексике, этимологии и синтаксису — позволило выявить комплекс причин, повлекших разрушение древних семантических связей и зарождение новых, которые в своей совокупности обусловили формирование лексики со связанным корнем, распределив дериваты, ранее находившиеся в одном словообразовательном гнезде (*мыкаться*, *мчаться*, *замкнуть*, *замок*, *перемычка*, *примкнуть*, *отомкнуть*, *сомкнуть*), по разным гнездам.

Глагол *мыкать*, согласно данным словаря М. Фасмера, считается родственным литовскому *mukti* — ‘освобождаться, убежать, ускользать’, латышскому *mukt* — ‘смахнуть, соскользнуть, удрать’, а также древнеиндийскому *munkati* — ‘освобождает, выпускает’ [21. С. 631]. В этимологическом словаре славянских языков приводятся те же самые параллели [25. С. 203]. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Императорской академией наук, фиксирует два значения слова *мыкать*: ‘чесать лен или куделю, очищать мочки’, ‘о лошадях: быстро и беспорядочно мчать что-либо’ — признавая, таким образом, *мыкать* и *мчать* однокоренными глаголами [15. С. 335]. Н. М. Шанский тоже считает *мыкати* и *мчати* родственными глаголами: «*Мчать*. Общеслав. суф. производное от той же основы, что и *замкнуть*, *мыкаться*. Исходное *тъкѣти > *мчать* после изменения к > ч, ѣ после ч > а и утраты слабого редуцированного ъ и конечного безударного и. Исходное значение — ‘двигать, перемещать’, затем — ‘делать это очень быстро’» [26]. Исследователь указывает родственные слова: *замок*, *замкнуть*, *мочка*, *мочалка* [24. С. 375]. А. Г. Преображенский, рассматривая этимологию данного корня, приводит ряд однокоренных слов:

замкнуть, примкнуть, сомкнуть, отомкнуть, смычок, замок, отмычка, горемыка, помывать, умывать, промчаться [11. С. 540–541]. Г. П. Цыганенко выделяет сему движения у обоих глаголов: *мчатъ* — ‘стремительно перемещать кого- или что-либо’; *мыкаться* — ‘беспорядочно двигаться из стороны в сторону; скитаться, испытывая нужду’ [22. С. 245].

Обращение к Словарю русского языка XI–XVII вв. позволяет сделать вывод, что глагол *мыкати* в данный исторический период имеет следующие значения: ‘бросать, кидать, метать’: «Люди начаша мыкати изъ домовъ своихъ ко езеру въ суды...»; ‘тащить за собой, волочить, бросая из стороны в сторону’: «Привязанъ бы<сть> къ дивымъ конемъ по непроходимомъ мѣстомъ мычемъ в годъ зимы» [13. С. 329. Вып. 9]. Кроме приведенных значений, отмечается использование лексем в составе фразеологической едини-

цы *горе мыкати* — ‘терпеть лишения, испытывать невзгоды’: «Положилась на то, что горе свое мыкати и лѣтовати на Тюмени» [13. С. 329. Вып. 9]. Возвратный дериват *мыкаться* имеет значения ‘быстро, беспорядочно распространяться, передвигаться»; «скитаться, испытывать неудобства, лишения’. Среди рассматриваемых глаголов самым этимологически близким к первоначальному значению оказывается глагол *мчати* со значениями ‘быстро везти’, ‘быстро двигаться’: «И восхити мя Гавриль... и мѣча мя и постави мя предъ лицемъ Господнимъ» [13. С. 326. Вып. 9]. Глагол *мчатъ* в данный исторический период уже не обнаруживает семантической связи с глаголом *мыкати* и имеет значения, совпадающие с современными. Однако наличие семантически близкого глагола *промъкнути ся* — ‘промчаться, распространиться, разнестись’ позволяет возводить данные слова к одному историческому корню.

Динамика семантики глагола *мыкать* (XI–XXI вв.) Dynamics of the semantics of the verb *mykat'* (XI–XXI centuries)

Исторический период	Значение
XI–XVII вв.	1. Бросать, кидать, метать. 2. Тащить за собой, волочить. 3. Горе мыкати — терпеть лишения [13]
XVIII в.	1. Двигать. 2. Чесать лен. 3. Небрежно носить одежду. 4. Постоянно бродить, скитаться [14]
XIX в.	1. Чесать лен. 2. Бедовать [3]
XX в.	1. Чесать (лен, пеньку), щипать (шерсть, хлопок). 2. Горе мыкать (разг.) — терпеть нужду, подвергаться невзгодам [10]
XXI в.	1. Горе мыкать (устар. и прост.) — подвергаться жизненным невзгодам [18]

Семантические различия между этими глаголами, видимо, уже закладываются в праславянский период, когда слово *мчати* пережило фонетические изменения, а именно: переход количественных различий в качественные (этим объясняется чередование *ъ/ы*) и первую палатализацию, итогом которой стало возникновение чередования *к/ч*.

Таким образом, уже в период с XI по XVII вв. мы наблюдаем разрыв семантических связей между рассмотренными глаголами. К XVIII в. глагол *мыкать* сохраняет свои конкретные значения, а абстрактное по-прежнему отмечается как фразеологическое: «Горе мыкаю на чужой сторонѣ» [14]. В словаре В. И. Даля отмечает-

ся диалектное значение ‘чесать лен или пеньку’ и фразеологическое значение, такие же значения фиксируются в словаре Д. Н. Ушакова.

Обратимся к приставочным дериватам и выявим соотношение их семантики с производящим. Глаголы *замкнуть, отомкнуть, примкнуть, перемкнуть, разомкнуть, сомкнуть* в исследуемый исторический период имеют значения, схожие с современными, а значит, мы наблюдаем разрыв семантических связей между производными и производящим *мыкати*. Они пережили деэтимологизацию, но не подверглись опрощению, тогда как их именные дериваты *смычок, перемычка, замок* испытали на себе процесс слияния приставки и корня [16].

Данные лексемы сохраняют семантическое единство, однако вследствие разрыва связей с беспрефиксным производящим они оказались в разных словообразовательных гнездах, что противоречит самому понятию словообразовательного гнезда как совокупности однокоренных слов, упорядоченных согласно словообразовательной мотивации [17].

Ряд исследователей считают, что подобные разрозненные словообразовательные гнезда нужно объединить в единства. Такое видение словообразовательных гнезд было отражено в словаре И. А. Ширшова, который попытался объединить то, что может быть объединено по семантическому и словообразовательному признаку, и создал комплексный словарь гнездового толково-словообразовательного типа [5].

В результате деэтимологизации корень в данных префиксальных образованиях становится связанным, несмотря на то что исходное производящее продолжает функционировать в языке. Утрата словом *мыкати* конкретных значений окончательно размыла связи между производящим и производными.

Траектория изменений, испытанных данной группой лексики, может выглядеть так: фонетические изменения (количественно-качественные превращения, первая палатализация, падения редуцированных) — разрыв семантических связей между *мыкати* и его производными — утрата глаголом *мыкати* всех конкретных значений.

Анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет сделать вывод, что на протяжении 1784–2018 гг. из 166 употреблений слова *мыкать* самым частотным является употребление слова в значении ‘подвергаться жизненным невзгодам’. Такое значение имеют 138 лексем, при этом 115 функционируют в составе фразеологической единицы *горе мыкать*: «*Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости — уж я, сударыня, над вами нынче плакала, инда глаза красны*», а в 22 вместо слова *горе* употребляются его синонимы, в том числе контекстные: *мыкать долю, бессонные ночи, одиночество, лихо, грусть-тоску, век, жизнь, житьишко, старость, дни, скуку, удаль*: «*Таким образом жил я в Петербурге и мыкал свое горе*» [9].

Итак, значение ‘подвергаться жизненным невзгодам’, выражаемое фразеологическим оборотом *мыкать горе*, оказывается самым жизнеспособным и постепенно вытесняет все другие значения. При этом происходят стилистические изменения: фразеологизм из разряда нейтральных

сначала переходит в разряд разговорных, а потом становится устаревшим и просторечным. Разговорную окраску приобретает и сложное слово общего рода *горемыка*, образованное на базе этого фразеологического оборота: ‘*тот, кого постоянно преследуют несчастья, лишения, неудачи и т. п.; неудачник*’.

Второй по частотности (17 употреблений) является лексема со значением ‘вынуждать кого-либо скитаться, подвергать невзгодам, лишениям’. В таких выражениях переходный глагол *мыкать* выступает как каузатив, для которого ведущей семой является сема воздействия: *мыкать ее по чисту полю, она и пошла его мыкать, водоворот мыкал мое сердце, мыкают его сквозь тридцать чудес, она мыкала им по всей России, мыкать старые кости, мыкая по своей прихоти, меня мыкали-судили, премудрость мыкает их по свету, пошли мыкать его туда и сюда, долго мыкали его по свету, меня жизнь так мыкала, мыкает их по горам, мыкать свою музу, черти его по буграм мыкают, удаль мыкали, этих мыкали пять дней, жизнь его так мыкала, мыкали нас по всему Парижу пешком*: «*В общем, жизнь его так мыкала, что он просто перестал сопротивляться судьбе, плыл по течению и только в самой глубине души ожидал — вот-вот с ним случится что-то хорошее*» [9]. Первое употребление данного глагола-каузатива зафиксировано, согласно данным Национального корпуса языка, в 1794 г., а последнее — в 1979 г. Таким образом, значение воздействия было постепенно утрачено глаголом. Однако оно отмечается в префиксальном деривате *помыкать* — ‘притеснять’ и его дериватах (*помыкание, помыкательство*).

Еще одно значение лексемы *мыкать*, зафиксированное в корпусе, — ‘чесать (лен, пеньку), щипать (шерсть, хлопок)’: *мочки мыкать; принялась мыкать лен; мыкали, чесали, связывали в лычки; мыкать кудель* [9]. Последнее употребление слова в данном значении зафиксировано в 1993 г. Угасание связано с изменением жизненных реалий.

Сфера функционирования глагола *мыкати* преимущественно художественная, что говорит о том, что данный фразеологизм используется как выразительное средство. Всплеск употребительности лексемы приходится на 1780–1800 гг. и на 1830–1865 гг., затем употребительность падает и колеблется незначительно. Этот процесс связан с угасанием конкретных значений и изменением стилистической окраски слова в значении ‘подвергаться жизненным невзгодам’.

Частотность употребления слова мыкать; 1784–2018 гг.

Источник: Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 05.04.2022

The frequency use of the word mykat'; 1784–2018

Source: National Corpus of the Russian Language (ruscorpora.ru)

Заключение

Таким образом, у глагола *мыкать* сохранилось лишь фразеологическое значение, а все конкретные были утрачены. Значение 'убегать' с течением времени приобрело абстрактный характер, сему движения можно вычленишь лишь в постфиксальном образовании *мыкаться*, которое стало мно-

гозначным словом. Префиксальные глагольные дериваты пережили деэтимологизацию, не подвергшись опрощению (*замкнуть, отомкнуть, примкнуть, перемкнуть, разомкнуть, сомкнуть, помыкать*). Так сформировались самостоятельные словообразовательные гнезда с корнем-радикалидом.

Список источников

1. Виноградов В. В. История слов. М., 1999. 1138 с.
2. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 435.
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 28.03.2022).
4. Иванова А. В. Гнездо с вершиной -каз- как системно-структурное образование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 15 с.
5. Маршева Л. И. Толковый словообразовательный словарь русского языка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: Филология. 2007. Вып. 3 (9). С. 167–169.
6. Михайлова И. Д. Радикалид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филологическое образование. 2014. № 1 (12). С. 22–28.
7. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. М. : Либроком, 2010. 184 с.
8. Николенко О. Ю. О взаимодействии морфемного и семантического словообразования // Мир культуры, науки, образования. 2010. № 4 (23). С. 69–73.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-quote.html> (дата обращения: 28.03.2022).
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1961. 900 с.
11. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. М. : Тип. Г. Лиссонера и Д. Совко, 1910–1914.
12. Пятаева Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em и *ber 'брать, взять' в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1995. 19 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–.

14. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1–19. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 20.03.2022).
15. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторымъ отдѣлениемъ Императорской Академіи наукъ : в 4 т. Т. 2. СПб. : Тип. Император. Академіи наукъ, 1847. 471 с.
16. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М. : Астрель: АСТ, 2007. 700 с.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. М. : Русский язык, 1990.
18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.
19. Трубочев О. Н. Слово. История. Культура: труды по этимологии: в 2 т. Т. 1. М. : Языки славянской культуры, 2004. 798 с.
20. Улуханов И. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию : сб. науч. докладов (Звенигород, 1989 г.) ; отв. ред. И. С. Улуханов. М. : РАН. Ин-т рус. яз., 1994. 200 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. М. ; СПб. : Азбука, 1996.
22. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.
23. Шептухина Е. М. Эволюция глаголов со связанными основами в общенародном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 51 с.
24. Этимологический словарь русского языка: вып. 10 / под ред. А. Ф. Журавлева, Н. М. Шанского. М. : Изд-во МГУ, 2007. 400 с.
25. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский фонд. Вып. 20 / под ред. О. Н. Трубочева. М. : Наука, 1994. 255 с.
26. Этимологический онлайн-словарь русского языка Н. М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/m/мчать> (дата обращения: 20.03.2022).

References

1. Vinogradov VV. Istorija slov = The history of words. Moscow; 1999. 1138 p. (In Russ.).
2. Vinokur GO. Notes on Russian word formation. In: Izbrannye raboty po russkomu jazyku = Selected works on the Russian language. Moscow; 1959. 435 p. (In Russ.).
3. Dal VI. Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka = Dictionary of the living Great Russian language. Available from: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (accessed 28.03.2022). (In Russ.).
4. Ivanova AV. Gnezdo s vershinoj -kaz- kak sistemno-strukturnoe obrazovanie = A nest with a top -kaz- as a system-structural formation. Abstract of thesis. Moscow, 1999. 15 p. (In Russ.).
5. Marsheva LI. Explanatory word-formation dictionary of the Russian language. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Philology Series.* 2007;(3(9):167-169. (In Russ.).
6. Mikhailova ID. Radixoid as the top of the word-formation nest. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologicheskoe obrazovanie" = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Seriya "Filologicheskoe obrazovanie".* 2014;1(12):22-28. (In Russ.).
7. Nikolaev GA. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problem = Russian historical word formation: theoretical problems. Moscow: Librocom; 2010. 184 p. (In Russ.).
8. Nikolenko OYu. On the interaction of morphemic and semantic word formation. *Mir kul'tury, nauki, obrazovaniya = The world of culture, science, education.* 2010;(4(23):69-73. (In Russ.).
9. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka = The National Corpus of the Russian language. Available from: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-quote.html> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
10. Ozhegov SI. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow; 1961. 900 p. (In Russ.).
11. Preobrazhensky AG. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Printing house of G. Lissoner and D. Sovko; 1910–1914. (In Russ.).
12. Pyataeva NV. Istorija sinonimichnyh jetimologicheskikh gnezd *em i *ber 'brat', vzjat'' v russkom jazyke = History of synonymous etymological nests *em and *ber 'to take, to take' in Russian. Abstract of thesis. Ufa; 1995. 19 p. (In Russ.).
13. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Moscow: Nauka; 1975–. (In Russ.).

14. Sorokin YuS (ed.). Slovar russkogo yazyka XVIII v. = Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Iss. 1–19. Leningrad, St. Petersburg: Nauka; 1984–2011. Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (accessed: 20.03.2022). (In Russ.).
15. Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk = Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second department of the Imperial Academy of Sciences. In 4 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1847. 471 p. (In Russ.).
16. Tikhonov AN. Morfemno-orfograficheskij slovar' = Morphemic and orthographic dictionary. Moscow, Astrel: AST; 2007. 700 p. (In Russ.).
17. Tikhonov AN. Slovoobrazovatel'nyj slovar' = Word-formation dictionary. In 2 vol. Moscow: Russian Language; 1990. (In Russ.).
18. Shvedova NY (ed.). Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proishozhdenii slov = Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the etymology of words. Moscow: Azbukovnik; 2008. 1175 p. (In Russ.).
19. Trubachev ON. Slovo. Istoriya. Kul'tura: trudy po etimologii = Slovo. History. Culture: works on etymology. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Languages of Slavic culture; 2004. 798 p. (In Russ.).
20. Ulukhanov IS. Sostoyanie i perspektivy izucheniya istoricheskogo slovoobrazovaniya russkogo yazyka = The state and prospects of studying the historical word formation of the Russian language. In: Issledovanie istoricheskogo slovoobrazovaniya: sbornik nauchnyh dokladov = Research on historical word formation: collection of scientific reports (Zvenigorod, 1989). Moscow: RAS. In-t rus. yaz: 1994. 200 p. (In Russ.).
21. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Russian Etymological Dictionary. In 4 vol. Vol. 2. Moscow, Saint Petersburg: Azbuka; 1996. (In Russ.).
22. Tsyganenko GP. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language. Kiev: Soviet school, 1989. 511 p. (In Russ.).
23. Sheptukhina EM. Jevoljucija glagolov so svjazannymi osnovami v obshhenarodnom russkom jazyke = the evolution of verbs with bound bases in the national Russian language. Abstract of thesis. Volgograd; 2006. 51 p. (In Russ.).
24. Zhuravlev AF (ed.). Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka = Etymological dictionary of the Russian language. Iss. 10. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1973. 304 p. (In Russ.).
25. Trubachev ON (ed). Etimologicheskij slovar' slavyanskij yazykov. Praslavyanskij fond = Etymological dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic Foundation. Issue 20. Moscow: Nauka; 1994. 255 p. (In Russ.).
26. Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka N. M. Shanskogo = Etymological online dictionary of the 'Russian language' by N. M. Shansky. Available from: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (accessed: 20.03.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Сухова — аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку.

Information about the author

Ekaterina A. Suhova — post-graduate student at the Department of Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language.

Статья поступила в редакцию 07.06.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 07.06.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 26.12.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 8

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-39-46

ЗНАЧЕНИЯ СУФФИКСА -К- В СОСТАВЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ПЕРЕДАЧИ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Бахаре Чераги¹, Маниже Алиаскеровна Амири²

¹ Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, bahareh.cheraghi@yahoo.com, ORCID 0000-0001-7602-1308

² Гилянский университет, Гилян, Решт, Иран, arveen@mail.ru, ORCID 0000-0003-2956-2835

Аннотация. В статье рассматривается суффикс -к- в составе существительных в русском языке и обсуждаются способы выражения его эквивалентов в персидском языке. Сложность заключается в том, что в русском языке активный суффикс -к- образует имена существительные с разными значениями (субъективно-оценочное значение, значение женскости, единичности, предмета и действия), а у персоязычных студентов иногда нет достаточных знаний об этих значениях. В русском языке данные существительные образованы с помощью присоединения суффикса -к- к основе прилагательных, существительных, числительных и глаголов. Каждый из этих вариантов имеет свои условия образования. Целью настоящей работы является выявление различных значений суффикса -к- в русском языке и эквивалентов этих значений в персидском. В результате исследования установлено, что большинство образованных существительных — это существительные женского рода. Русский суффикс -к- передаётся на персидский язык суффиксами, прилагательными и существительными.

Ключевые слова: суффикс, образование существительных, эквивалент, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Чераги Б., Амири М. Значения суффикса -к- в составе существительных в русском языке и способы их эквивалентной передачи на персидский язык // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 39–46. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-39-46.

Original article

THE MEANINGS OF THE SUFFIX “K” IN THE COMPOSITION OF NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE WAYS OF EXPRESSING THEIR EQUIVALENTS IN THE PERSIAN LANGUAGE

Bahareh Cheraghi¹, Manizhe A. Amiri²

¹ Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, bahareh.cheraghi@yahoo.com

² University of Guilan, Guilan, Rasht, Iran, arveen@mail.ru

Abstract. The article considers the suffix -k- in the composition of nouns in Russian and the ways of expressing their equivalents in Persian. The problem is that in Russian the active suffix -k- forms nouns with different meanings, such as subjective-evaluative meaning, the meaning of femininity, singularity, object and action. However, Persian-speaking students sometimes do not have sufficient knowledge about these meanings. In Russian, these nouns are formed by adding the suffix -k- to the stem of adjectives, nouns, numerals and verbs. Each of the options has its own formation conditions. The aim of the present article is to identify various meanings of this suffix in Russian and to determine its equivalents in Persian. It was revealed that the majority of formed nouns are feminine nouns, and the Russian suffix -k- is conveyed in Persian by suffixes, adjectives and nouns.

Keywords: suffix, noun formation, equivalent, the Russian language, the Persian language

For citation: Cheraghi B, Amiri M. The meanings of the suffix “k” in the composition of nouns in the Russian language and the ways of expressing their equivalents in the Persian language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):39-46. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-39-46.

Введение

Суффикс -к- в русском языке выражает разнообразные значения, и персоязычным студентам иногда трудно понять данные различия, поэтому мы провели подробный анализ значений данного суффикса и выявили способы их адекватной передачи в персидском языке. Актуальность работы заключается в том, что в большинстве случаев персоязычные студенты рассматривают этот суффикс как аффикс, передающий только значение женского пола, и даже путают его с другими суффиксами, в том числе с -ок-, из-за сходства по звучанию и форме. Новизна нашего исследования обусловлена тем, что в нем впервые подробно и детально представлены примеры и выявлены различные значения, передающиеся данным суффиксом в русском языке, а также способы их передачи в сопоставительном аспекте двух языков.

Н. Ю. Шведова указывает на то, что «словообразование рассматривает слова, значение и звучание которых обусловлены другими однокоренными словами» [6. С. 131]. Н. С. Валгина отмечает, что «аффиксация — это наиболее продуктивный способ словообразования у существительных. Суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный — это три вида аффиксации. В суффиксальном способе словообразования суффикс присоединяется к производящей основе» [1. С. 98]. По мнению Н. М. Шанского, «при аффиксации к основе производящего слова или к слову в целом присоединяются аффиксы. В суффиксальном способе словообразования суффикс присоединяется к образующей основе» [9. С. 67].

Е. А. Озерова отмечает, что «слова в русском языке можно разделить на приставку, корень, суффикс, окончание, постфикс. Суффикс — это часть слова после корня. Формообразующий суффикс меняет только форму слова. Суффиксы, которые имеют семантическое значение и образуют новые слова, называются словообразовательными суффиксами, которые образуют имена существительные и имена прилагательные» [4. С. 6]. В. И. Максимов считает, что «существует два вида соотносительности суффиксов: параллельная и последовательная. В первом виде соотносительности суффиксы сочетаются с одной и той же производящей основой, а во втором виде суффикс, замыкающий производящую основу, непосредственно присоединяет к себе корреспондирующий суффикс» [3. С. 15–16].

П. Натэл Ханлари заключает, что «аффиксы не имеют самостоятельного значения и не используются отдельно, они придадут другим словам новые значения. Префиксы располагаются в начале слова, а суффиксы в конце слова» [12. С. 164]. Ю. А. Рубинчик перечисляет наиболее продуктивные суффиксы имен существительных в персидском языке (рис. 1) [5. С. 143].

-estan (<i>Pakestan</i> 'Пакистан'),
-dan (<i>ghälämdan</i> 'пенал'),
-ban (<i>baghban</i> 'садовник'),
-gär (<i>ahängär</i> 'кузнец'),
-chi (<i>mä'dänchi</i> 'шахтер'),
-i (<i>sorkhi</i> 'краснота'),
-esh (<i>danesh</i> 'знание'),
-iyyät (<i>ghabeliyyät</i> 'способность'),
-e (<i>sabze</i> 'зелень').

Рис. 1 (Fig. 1)

Методы и материалы

В процессе исследования использовался метод сопоставительно-сравнительного анализа значений существительных с суффиксом -к- в русском языке и способы выражения их эквивалентов в персидском языке. Базой исследования послужили 20 слов с суффиксом -к-, взятые методом сплошной выборки из книг Е. А. Озеровой [4] и А. Н. Тихонова [7]. Примеры эквивалентной передачи значений данного суффикса на персидский язык отобраны из переводов на персидский язык романов «Идиот» (перевод Соруша Хабиби) и «Война и мир» (перевод Казема Ансари). Некоторые переводы представлены авторами данного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Существительные с продуктивным суффиксом -к- передают значение женскости, субъективно-оценочное значение, значение единичности, предмета и действия. По способу образования (от существительных, прилагательных, глаголов и числительных) мы разделили данные существительные на четыре группы, которые рассмотрим ниже:

I. Суффикс -к- в составе существительных, образованных от существительных

При этом суффикс даёт существительному:

1. Значение женскости

Данное значение представляет большая группа производных имён существительных. В качестве

производящего выступает одушевлённое имя существительное мужского рода, называющее лицо или животное. Значением женскости обладают:

1. Существительные женского рода со значением лица женского пола. Здесь суффикс -к- добавляется к существительному мужского рода со значением лица мужского пола: артист — артистка (лицо женского пола от существительного артист)¹.

Молодая артистка очень волновалась, впервые выходя на сцену.

Bazigäre zâne javan ke bāraye āvvalin bar bār ruye sähne miamād besiar negāran bud;

Рис. 2 (Fig. 2)

2. Названия самок животных, мотивированные названиями животных мужского рода: перепел — перепёлка (самка перепела) [4. С. 58–59].

На ветке дерева сидит белая голубка
Kābutāre madde sefid ruye shakheye derākht neshāste āst.

Рис. 3 (Fig. 3)

А. Н. Тихонов в своей книге «Современный русский язык: морфема, словообразование, морфология» приводит следующие примеры существительных с суффиксом -к- со значением лица женского пола (в скобках перевод на персидский язык) [7. С. 133].

белорус — белоруска
(mārde Belarusi — zâne Belarusi),
литовец — литовка
(mārde Litvaniayi — zâne Litvaniayi),
аспирант — аспирантка
(daneshjuye tāhsilate tākmili zān — daneshjuye tāhsilate tākmili mārde),
солдат — солдатка
(sārbaze mārde — sārbaze zān),
перепел — перепёлка
(belderchine nār — belderchine madde),
голубь — голубка
(kābutāre nār — kābutāre madde).

Рис. 4 (Fig. 4)

В русском языке, в отличие от персидского языка, определяемое слово употребляется после определения. Как видно из указанных выше примеров,

¹ Здесь и далее перевод авторский.

в персидском языке слова «Belarusi» и «Litvaniayi» (белорусский и литовский) указывают на принадлежность человека к определенной нации и мужской и женский пол в целом, но если необходимо конкретно обозначить лицо мужского пола, тогда к данным словам добавляется слово «mārde», а если обозначаем лицо женского пола, добавляем слово «zān». Видно, что определяемые слова «mārde» и «zān» в качестве существительных ставятся перед определениями «Belarusi» и «Litvaniayi».

Однако мы видим, что существительные «mārde» и «zān» ставятся после слов «аспирант» и «аспирантка», «солдат» и «солдатка», а при обозначении пола животных после определяемых слов приводятся существительные «nār» и «madde».

Эквиваленты некоторых слов этой группы в персидском языке выражаются прилагательными (Belarusi), а других — существительными, как и в русском языке. Поэтому можно сказать, что эквиваленты существительных данной группы в двух языках совпадают не всегда.

2. Субъективно-оценочное значение

А. Н. Тихонов приводит следующие примеры слов с уменьшительным или уменьшительно-ласкательным значением [7. С. 135]:

Суффикс -к(а)

береза — березка (derākhte tus — derākhtcheye tus),
гора — горка (kuh — kuhe kuchāk),
голова — головка (sār — säre kuchāk),
санки (разг.) — саночки (surtme — surtmeye kuchāk).

Рис. 5 (Fig. 5)

Суффикс -к(о)

окно — окошко (pānjāre — pānjāreye kuchāk, dāriche),
полено — полешко (konde — kondeye kuchāk),
яйцо — яичко (tokhm — tochme kuchāk),
ухо — ушко (gush — gushe kuchāk).

Рис. 6 (Fig. 6)

Наташа через голое плечо оборотила к красавцу свою хорошенькую головку и улыбнулась.
Natasha sāre zārīf vā zibāye khod ra āz ruye shanehayе oryan be suye in jāvane khoshgel bārgārdand vā lābkhānd zād.

Рис. 7 (Fig. 7) [8. С. 1188; 13]

В данном предложении суффикс -к- передаётся на персидский язык прилагательным «zārīf». Наличие прилагательного хорошенькую усиливает ласкательное значение.

А она, зная, подгляддела в окошко: «Что же бы ты, говорит, со мной сделал, кабы обман увидал?»
 Äz pänjäre negah kârd vâ goft: «Ägâr dide budi ke be to khianät mikonäm che mikârdi?»

Рис. 8 (Fig. 8) [2. С. 201; 3. С. 340]

Правду ли я слышал, что вы того мнения, что стоит вам только четверть часа в окошко с народом поговорить?

Shenideäm ke mo'tâghedid ke kafist yek rob' saät äz hâman pänjäre-ye otaghetan bâraye mârdom härif bezânid.

Рис. 9 (Fig. 9) [2. С. 281; 10. С. 471]

Как видно, все существительные данной группы передаются на персидский язык тоже существительными, но эквивалент суффикса -к- в персидском языке выражается или суффиксом «che», или прилагательными «kuchäk» и «zârif». По мнению переводчиков, в некоторых случаях этот суффикс не имеет эквивалента в персидском языке. Русские существительные данной группы имеют мужской и средний род.

Х. Кэшани в своей книге отмечает что, «суффикс «che» придает существительному уменьшительное значение: bagh — baghche (сад — огород), тарих — тарихче (история — краткая история), дэруа — дэруаче (море — озеро) или образует новое существительное, выражающее сходство с корнем первоначального слова: рiyаз — рiyазче (репчатый лук — зеленый лук)» [11. С. 44].

Е. А. Озерова считает, что «семантика производящего существительного и контекст оказывает влияние на выражение конкретных словообразовательных значений» [4. С. 54]. Она разделяет существительные с суффиксом -к- со значением уменьшительности и сопровождающиеся экспрессией уничижительности или ласкательности следующим образом (рис. 10) [4. С. 54].

- ручка (dâste zarif), шубка (palto puste ziba) — уменьшительно-ласкательное значение;
- горка (kuhe kuchäk), картинка (tabloye kuchäk) — уменьшительное значение;
- берёзка (deräkhte tuse ziba), ночка (shäbe ziba) — ласкательное значение;
- идейка (ideye mäskhäre) — уменьшительно-уничижительное значение.

Рис. 10 (Fig. 10)

Приведем примеры перевода слова *ручка* на персидский язык (рис. 11–14) [2. С. 37, 124; 8. С. 623, 629; 13. С. 6, 9; 10. С. 37].

Всё та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, также слабо отворялась.

Hânuz hâman dastgîre-ye dâr ke kontes äz napakiye an ghâzâbnak mishod vâ hengame charkhidân gir mikârd dideh mishod.

Рис. 11 (Fig. 11)

Сидя в своей прежней классной комнате, на диване с подушечками на ручках, и глядя в эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Ростов опять вошел в тот свой семейный, детский мир...

Rastof dâr otaghe dârse sabeghe khod ruye nimkât ke dâste ash balesh dasht neshâste vâ be cheshmhaye jazzabe Natasha minegârist.

Рис. 12 (Fig. 12)

Подойдя поздороваться с супругой и поцеловать у ней ручку, он заметил в лице ее на этот раз что-то слишком особенное.

Vâghti be zânesh nazdik shod ta dâst-e zârif-e ura bebusâd motavajjeh shod ke halâte chehreye vey besiar cheshmgir äst.

Рис. 13 (Fig. 13)

И генерал взялся за ручку колокольчика, князь решился окончательно убежать.

Jeneral dâste ye zang ra gereft, präns täsmim gereft begorizâd.

Рис. 14 (Fig. 14)

Очевидно, что эквивалент суффикса -к- в слове *ручка* в вышеуказанных примерах передаётся или прилагательным (zârif), или суффиксом «e», или существительными dâst и dâstgîre в персидском языке. Отметим, что контекст играет важную роль в понимании и переводе текста.

3. Значение единичности

Данное значение возникает с помощью суффикса -к(а) у имён существительных, образованных от основы существительного. В этой группе выделяются несколько подгрупп, но рассматриваемая нами подгруппа с суффиксом -к- — это слова, мотивированные существительными со значением вещества, материала и называющие один кусок, часть этого материала.

Мы видим, что эквивалент суффикса -к- в этих словах передаётся на персидский язык существительными «boresh» и «tekke» (рис. 15) [4. С. 64–65].

Шоколад — шоколадка (shokolat — tekke yi āz shokolat) — «кусок, плитка шоколада».
 Девочка съела шоколадку с орехами.
 (Dokhtār bāche tekke yi āz shokolat gerduyi ra khord.)

Морковь — морковка (hāvij — yek boresh āz hāvij) — «отдельный корешок моркови».
 В кастрюле варятся две морковки.
 (Do boresh āz hāvij dār ghablāme abpāz mishāvānd.)

Рис. 15 (Fig. 15)

II. Суффикс -к- в составе существительных, образованных от прилагательных

При этом суффикс даёт существительному значение предмета (рис. 16).

кожаный — кожанка (chārmī — kote chārmī),
 овсяный — овсянка (jovin — fereniye jo),
 сгущенный — сгущенка (ghālīz — shir āsāle ghālīz),
 пышный — пышка (pof kārde — nane hājim, donat).

Рис. 16 (Fig. 16)

Эквиваленты русских прилагательных и образованных от них существительных в персидском языке также выражаются прилагательными и существительными.

III. Суффикс -к- в составе существительных, образованных от глаголов

При этом суффикс даёт существительному:

1. Значение предмета

Имена существительные данной группы имеют предметное значение и образуются с помощью суффикса -к- (-лк-) от производящей основы глагола. Часто встречаются примеры, когда производное существительное образовано от словосочетания «переходный глагол + существительное» или (реже) «глагол + наречие». Значение производного, таким образом, состоит из семантики действия и семантики предмета, которая появляется благодаря суффиксу с предметным значением [4. С. 28].

А. Н. Тихонов приводит следующие примеры [7. С. 139]:

сушить — сушилка (khoshk kārdān — dastgahe khoshk kon),
 зажигать — зажигалка (atāsh zādān, roshān kārdān — fāndāk),
 копить — копилка (pāsāndāz kārdān — ghollāk),
 сеять — сеялка (kashtān — mashine bāzr āfshan).

Рис. 17 (Fig. 17)

Этот суффикс образует имена существительные женского рода. В качестве производящего может выступать глагол или словосочетание «переходный глагол + существительное» [4. С. 30].

Примеры образования существительных от глаголов (рис. 18)

• точи(ть) — точи + лк(а) = точилка (tārash).
 То, чем точат что-либо. Точилка для карандашей; точилка для ножей; хорошая точилка.
 Если сломался карандаш, поможет точилка.
 Dār surāte shekāstāne medad mitāvan āz medad tārash estefade kārd;

• копи(ть) — копи + лк(а) = копилка (ghollāk).
 Емкость, в которой копят что-либо (обычно деньги). Положить монету в копилку; копить мелочь в копилке.
 Деньги на подарок мы возьмём из копилки.
 Pule hādiye ra āz ghollāk bārmidarim;

• расчѐс(ывать) — расчѐс + к(а) = расчѐска (shane).
 Возьми расчѐску и причѐшись.
 Shane ra bārdar vā muhaye khod ra shane bezān;

• зажига(ть) — зажига + лк(а) = зажигалка (fāndāk).
 Устройство, предназначенное для того, чтобы зажигать огонь. Зажечь с помощью зажигалки; бензиновая зажигалка.
 Если нет зажигалки, воспользуйтесь спичками.
 Āgār fāndāk nādarid āz kebrit estefade konid.

Рис. 18 (Fig. 18)

В данных примерах суффикс не переводится, а только участвует в создании существительного.

Примеры образования существительных от глаголов + существительных (рис. 19 а, б)

• моло(ть) + кофе = кофемол + к(а) = кофемолка (dāstgahe asiab ghāhve).
 Бытовой прибор, предназначенный для того, чтобы молоть кофе. Электрическая кофемолка; засыпать кофе в кофемолку.
 Мама помолота кофе в кофемолке.
 Madār ghāhve ra dār dāstgahe asiab ghāhve khord kārd;

• косить + газон = газонокоси + лк(а) = газонокосилка (dāstgahe chāmān zāni).
 Машина, предназначенная для того, чтобы косить газон.
 Отец взял газонокосилку и стал косить траву возле дома.
 Pedār dāstgahe chāmān zāni ra bārdasht vā shoru be chidāne ālāfhaye nāzdike khane kārd.

Рис. 19 а (Fig. 19 а)

• меша(ть) + бетон = бетономеша + лк(а) = бетономешалка (mixere beton).
 Машина, предназначенная для того, чтобы мешать бетон.
 На стройку приехала бетономешалка. Рабочие залили бетон в бетономешалку [4. С. 30–31].
 Mixere beton varede mähälle sakhtosaz shod. Kargāran beton ra dār mixere beton rikhtānd.

Рис. 19 б (Fig. 19 b)

Итак, все образованные существительные данной группы указывают на устройства или машины. Суффикс -к- не переводится и только участвует в создании существительных. Эквиваленты русских глаголов и существительных в персидском языке также выражаются глаголами и существительными.

2. Значение действия

Данные существительные называют действие и образуются от основы глагола с помощью различных суффиксов, в том числе -к(а).

Имена существительные со значением действия могут называть **отвлечённое действие** (варка, рубка, стрижка, резка, подготовка, сушка,) и **отдельный акт действия** (вспышка) (рис. 20) [4. С. 37–38].

Оценива(ть) — оцен + к(а) = оценка (ārzyabi). Действие по глаголу оценивать, оценить. Оценка результатов теста (ārzyabi-e nātayeje test), дать высокую оценку (ārzyabi-e balayi ra ānjām dadān).
 Стриж(ёт) — стриж + к (а) — стрижка. Действие по глаголу стричь. Сделать стрижку, стрижка волос (eslahe miye sār), стрижка газона (kutaḥ kārdāne chāmān).
 Руби(ть) — руб +к(а) = рубка (ghāt', boresh). Действие по глаголу рубить. Рубка деревьев (ghāt'e derakhtan).

Рис. 20 (Fig. 20)

А. Н. Тихонов приводит следующие примеры (рис. 21).

рубить — рубка (ghāt' kārdān, shekāstān — ghāt', shekāstān),
 добавить — добавка (ezafe kārdān — ezafe),
 регулировать — регулировка (tānzim kārdān — tānzim),
 укладывать — укладка (ja dadān, gozashtān — gozashtān),
 стегать — стежка (dukhtān, kuk zādān — kuk),
 гладить — глажка (utu keshidān — utu).

Рис. 21 (Fig. 21)

Здесь суффикс также не переводится, а только участвует в создании существительного. Все существительные, образованные от глаголов, имеют абстрактное значение. Таким образом, с помощью данного суффикса от глаголов образуются существительные женского рода.

IV. Суффикс -к- в составе существительных, образованных от числительных

При этом суффикс даёт существительному числовое значение (рис. 22).

двое — двойка (do nāfār — nomreye do),
 трое — тройка (se nāfār — nomreye se),
 четверо — четверка (chaḥar nāfār — nomreye chaḥar).

Рис. 22 (Fig. 22)

Все существительные, образованные от собирательных числительных, имеют значение количества и принадлежат к женскому роду.

Заключение

В результате нашего исследования было выявлено что:

- в русском языке существительные образуются с помощью суффикса -к- от разных частей речи, в том числе существительных, прилагательных, глаголов и числительных;
- мы в своей работе указали на такие типы семантики этого суффикса, как значение женскости, субъективно-оценочное значение, значение единичности, предмета, отвлеченного действия и значение количества, но, вероятно, можно выделить и другие типы семантики данного суффикса в русском языке;
- все образованные существительные — это существительные женского рода, за исключением тех, которые имеют субъективно-оценочное значение. В данную группу входят существительные женского и среднего рода;
- существительные с суффиксом -к- со значением женскости в персидском языке выражаются или существительными, или прилагательными;
- персидский эквивалент суффикса -к- в существительных со значением женскости — это слова «mārd» и «zān», «nār» и «madde»;
- персидский эквивалент суффикса -к- в существительных с субъективно-оценочным значением — это такие прилагательные, как «kuchāk», «ziba», «zārif» и др., в существительных с оценочным значением — суффиксы «che» и «e». При понимании значений слов данной группы важную роль играет контекст;

- персидский эквивалент суффикса -к- в существительных со значением единичности — существительные «boresh» и «tekke»;
- эквивалент русских существительных, образованных от прилагательных, в персидском языке выражается существительными;
- суффикс -к- в существительных со значением предмета, образованных от глаголов, не переводится и только участвует в создании существительных. Эквивалент данных существительных в персидском языке также выражается существительными;
- суффикс -к- в существительных со значением действия, образованных от глаголов, не переводится и только участвует в создании существительных. Данные существительные в персидском языке имеют абстрактное значение;
- существительные с данным суффиксом, образованные от числительных, имеют значение количества и указывают на отметку; их персидский эквивалент выражается существительным “номрэ” плюс количественные числительные до (2), се (3), чахар (4).

Список источников

1. Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. 6-е изд. М. : Логос, 2002. 528 с.
2. Достоевский Ф. М. Идиот: роман. 2-е изд., стер. М. : Дрофа, 2003. 688 с.
3. Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л. : Ленингр. ун-т, 1975. 222 с.
4. Озерова Е. А. Суффиксальное словообразование имен существительных и прилагательных : пособие для иностранных учащихся. М., 2008. 96 с.
5. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М. : Восточная литература, 2001. 600 с.
6. Русская грамматика. Т. II. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 709 с.
7. Тихонов А. Н. Современный русский язык. М. : Цидатель-Трейд, 2003. 464 с.
8. Толстой Л. Н. Война и мир. М. : Правда, 1986. Т. 1–2. 1266 с.
9. Шанский Н. М., Тихонов. А. Н. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
10. Достоевский Ф. М. Идиот / пер. Соруша Хабиби. Тегеран : Чэшмэ, 2004. 1019 с.
11. Кэшани Хосро. Производные суффиксальные слова в современном персидском языке. Тегеран : Университетский издательский центр, 1992. 130 с.
12. Натэл-Ханлари П. Грамматика персидского языка. Тегеран : Тус, 2010. 367 с.
13. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1–2 / пер. Казэма Ансари. Тегеран : Амир Кабир, 2008. 663 с.

References

1. Valgina NS et al. *Sovremenny russki yazyk = Modern Russian language*. 6th ed., Moscow: Logos; 2002. 528 p. (In Russ.).
2. Dostoevsky FM. *Idiot = Moron*. 2nd ed. Moscow: Drofa; 2003. 688 p. (In Russ.).
3. Maksimov VI. *Suffiksialnoe slovoobrazovanie imen sushestvitelnyh v russkom yazyke = Making suffix names in Russian language*. Leningrad: Leningr. University, 1975. 222 p. (In Russ.).
4. Ozerova EA. *Suffiksialnoe slovoobrazovanie imen sushestvitelnyh i prilagatelnyh = Suffixal word formation of nouns and adjectives*. Moscow; 2008. 96 p. (In Russ.).
5. Rubinchik JuA. *Grammatika sovremennovo persidskovo literaturnovo yazyka = Grammar of modern Persian literary language*. Moscow: Vostochnaja literature; 2001. 600 p. (In Russ.).
6. Shvedova NYu (ed.) *Russkaya grammatika. T. II. = Russian grammar. Vol. II*. Moscow: Nauka; 1980. 709 p. (In Russ.).
7. Tikhonov AN. *Sovremenny russki yazyk = Modern Russian language*. Moscow: Tsidatel-Trade; 2003. 464 p. (In Russ.).
8. Tolstoy LN. *Voyna i mir. T. 1–2 = War and Peace. Vol. 1–2*. Moscow: Pravda; 1986. 1266 p. (In Russ.).
9. Shanski NM, Tikhonov AN. *Sovremenny russki yazyk = Modern Russian language*. Moscow: Prosvishenie; 1987. 256 p. (In Russ.).
10. Dostoevsky FM. *Idiot = The Idiot*. Translated by “Soroush Habibi”. Tehran: Cheshme; 2004. 1019 p. (In Pers.).
11. Keshani Hosro. *Proizvodnie suffiksialnye slova v sovremennom persidskom yazyke = Suffix derivation in modern Persian language*. Tehran: University Publishing Center; 1992. 130 p. (In Pers.).

12. Natel-Hanlari P. Grammatika persidskovo yazyka = Grammar of the Persian language. Tehran: Tus; 2010. 367 p. (In Pers.).

13. Tolstoy LN. Voyna i mir = War and Peace. Transl. by “Kazem Ansari”. Vol. 1st and 2nd. Tehran: Amir Kabir; 2008. 663 p. (In Pers.).

Информация об авторах

Б. Чераги — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель иностранных языков.

М. А. Амири — кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра иностранных языков.

Information about the authors

Bahareh Cheraghi — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of Philological Sciences, Assistant Professor, Teacher of Foreign Languages.

Manizhe A. Amiri — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of Philological Sciences, Assistant Professor, Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 03.07.2022; одобрена после рецензирования 21.08.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 03.07.2022; approved after reviewing 21.08.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.367.633

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-47-56

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДЛОГАМИ *ДО* И *ПО* ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ЛИБО КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПРЕДЕЛА: АНАЛИЗ СИТУАЦИЙ, ДОПУСКАЮЩИХ НЕОДНОЗНАЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Анна Александровна Ширшикова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, symphonie333@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1185-6395

Аннотация. В статье рассматриваются особенности обозначения временного и количественного предела при помощи предложно-падежных конструкций «ДО + имя в род. п.» и «ПО + имя в вин. п.». Анализируются ситуации, в которых употребление данных конструкций не позволяет сделать однозначный вывод о включении обозначенного в высказывании предела в заявленный временной либо количественный диапазон. Обсуждаются способы устранения возможной неоднозначности с целью реализации установки на успешность коммуникации. Особое внимание уделяется юридической сфере, поскольку именно в ней проблема обозначения крайнего срока совершения действия отличается выраженной остротой и актуальностью.

Ключевые слова: предлог, семантика предлога, предложно-падежная конструкция, временной предел, количественный предел, неоднозначный характер семантики предлогов, целеустановка на успешность коммуникации, коммуникативная неудача, юридический текст

Для цитирования: Ширшикова А. А. Употребление предложно-падежных конструкций с предлогами *ДО* и *ПО* для обозначения временного либо количественного предела: анализ ситуаций, допускающих неоднозначное толкование // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 47–56. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-47-56.

Original article

THE USE OF PREPOSITIONAL-CASAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITIONS *DO* AND *PO* FOR EXPRESSING TEMPORAL OR QUANTITATIVE LIMIT: ANALYSIS OF SITUATIONS ALLOWING FOR AMBIGUOUS INTERPRETATION

Anna A. Shirshikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, symphonie333@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1185-6395

Abstract. The article considers the peculiarities of expressing temporal and quantitative limit using the prepositional-casal constructions «ДО + name in gen. c.» and «ПО + name in acc. c.». It analyses the situations in which the use of these constructions does not allow drawing an unambiguous conclusion as to whether the limit named in the utterance is included in the time or quantitative range. It discusses the ways to eliminate potential ambiguity in order to ensure successful communication. Special attention is paid to the legal sphere, where the problem of expressing deadlines is characterized by pronounced acuteness and relevance.

Keywords: preposition, prepositional semantics, prepositional-casal construction, temporal limit, quantitative limit, ambiguous nature of prepositional semantics, goal setting for successful communication, communication failure, legal text

For citation: Shirshikova AA. The use of prepositional-casal constructions with the prepositions ДО and ПО for expressing temporal or quantitative limit: analysis of situations allowing for ambiguous interpretation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):47-56. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-47-56.

Введение

Как известно, в основе любого коммуникативного акта лежит достижение определенной **коммуникативной цели**, т. е. «того, к чему стремится говорящий, предполагаемого реального результата речевого общения» [16. С. 150]. Вступая с кем-то в контакт, мы обычно желаем быть правильно понятыми и услышанными, достигнуть **коммуникативного успеха**, т. е. такого результата, при котором «сообщение без существенных помех передается адресантом и адекватно воспринимается, усваивается, оценивается адресатом» [14. С. 261; 26. С. 49]. Именно это целеполагание «определяет все речевое поведение человека, результативную направленность высказываний и текстов» [16. С. 150].

Однако в процессе реального общения нередки ситуации, в которых коммуникативного успеха достигнуть не удастся по причине неверного либо двоякого толкования адресатом полученной информации.

Одним из факторов, способствующих возникновению подобных ситуаций, являются семантические особенности ряда предложных единиц. Предлоги, входя в число самых частотных слов [10. С. 929; 13. С. 83-84; 15; 20 и др.], без которых «нельзя создать ни одного текста» [1. С. 25], оказываются очень важны для формирования смысла высказывания и текста в целом. В настоящее время все больше исследователей признают, что предлоги «имеют сложную структуру, значения, функции, вступают в сложные семантические отношения между собой и с другими языковыми единицами» [27. С. 5]. В то же время «теория предлога, несмотря на длительную традицию изучения, еще нуждается в доработке» [19. С. 21], а употребление предлогов в реальной коммуникации сопряжено с немалым количеством трудностей и противоречий.

Целью настоящей статьи является рассмотрение употребления предложно-падежных конструкций «ДО + имя в род. п.» и «ПО + имя в вин. п.» для выражения временного либо количественного предела в ситуациях, допускающих неоднозначное толкование, а также рассмотрение способов, помогающих избежать неоднозначности.

В качестве эмпирической базы исследования выступает Национальный корпус русского языка, откуда были извлечены высказывания, в которых конструкции «ДО + имя в род. п.» и «ПО +

имя в вин. п.» используются для обозначения временного либо количественного предела. Всего проанализировано 532 высказывания с предлогом ДО и 554 высказывания с предлогом ПО.

I. Конструкция «ДО + имя в род. п.»

Серьезные трудности может вызывать употребление предложно-падежной конструкции «ДО + имя в род. п.», в которой предлог ДО имеет **временное** (или, иначе говоря, темпоральное) значение, определяемое в словарных статьях как указание на «предел, ограничение во времени какого-либо действия, события, явления и т. п.» [23. С. 830]; «временной предел действия, состояния, качества и т. д.» [21. С. 406]; «временной предел, которым ограничивается протекание действия, состояния» [17. С. 107]; «конечную границу отрезка времени» [11. С. 46]. Как видим, в приведенных словарных дефинициях содержится указание на временной предел, временную границу, однако ни в одном из источников нам не удалось найти каких-либо пояснений того, включен ли сам этот предел во временной диапазон, в который должно совершиться действие. При этом, как показал анализ эмпирического материала, ответ на данный вопрос не всегда может быть с полной уверенностью и определенностью получен из смысла высказывания:

1. *Заявление от учителя для обучения в группе «Коллективный ученик» нужно выслать до 15 сентября 2008 года* («Наука и жизнь», 2008).
2. *Заявки на участие в Советании необходимо направить до 20 марта по e-mail* (О проведении всероссийского совещания, 2004).
3. *Выбор этот — оставить свои деньги в Пенсионном фонде или доверить нарачивать их частной управляющей компании — нужно сделать до 15 октября* (И. Невинная. «Российская газета», 04.07.2003).

Вышеприведенные высказывания характеризуются выраженной информационной недостаточностью, способной вызвать у адресата вполне резонные вопросы: «Можно ли выслать заявление непосредственно 15 сентября? Будет ли возможность подать заявку на участие 20 марта? Можно ли определиться с выбором 15 октября?»

4. *Строятся спортивные комплексы, до 2005 года ставится задача ввести 30 объектов,*

14 из них — в этом году (Отчет совета директоров, 2003).

В высказывании не до конца ясен временной диапазон строительства спортивных объектов: включен ли в этот диапазон сам 2005 год?

Лингвист М. Н. Эпштейн, подчеркивая двойственный, дискуссионный характер семантики предлога ДО, пишет, что «часто в речи возникает неудобство при обозначении такого момента времени, который следует за окончанием какого-то действия или периода в будущем» [28].

Эту двойственность М. Н. Эпштейн весьма красноречиво именуется «прорехой в языке» [28] и в качестве примера приводит высказывание *До вторника вы меня не застанете*, отмечая: «Хочется задать встречный вопрос: а во вторник я вас застану? Или уточнить: до начала вторника или до конца вторника? <...> Такова мистика этого русского предлога: он не различает начала и конца того временного промежутка, на который указывает. Поэтому можно истолковывать „до вторника“ в любом благоприятном смысле: до начала вторника и до конца вторника. Ведь вторник, как и любой день недели, имеет начало и конец, поэтому „до вторника“ может относиться и к полночи с понедельника на вторник, и к полночи со вторника на среду. <...> В этом вольном, растянутом ДО целый день выпадает из временного оборота» [28; 5].

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что определенные трудности для восприятия могут также представлять высказывания, в которых предлог ДО в составе предложно-падежной конструкции употребляется в значении, определяемом в словарно-справочной литературе как указание на **количественный предел** [17. С. 108; 21. С. 407; 23. С. 831 и др.] (при этом в словарях опять-таки не приведено каких-либо пояснений касательно включения этого предела в общий количественный диапазон):

5. В электроустановках напряжением до 1000 В переключения проводятся без составления бланков переключений, но с записью в оперативном журнале (Правила технической эксплуатации электроустановок потребителей, 2003).
6. Приведенные значения коэффициентов условий работы применимы при выполнении горных работ на глубине до 500 м... (Правила охраны сооружений и природных объектов от вредного влияния подземных горных разработок на угольных месторождениях, 1998).

В данных выдержках из правил не совсем ясна верхняя граница указанных величин: нужно ли заполнять бланк переключений, если напряжение в электроустановке составляет ровно 1000 В? Применимы ли коэффициенты условий работы, если глубина составляет ровно 500 метров?

Таким образом, как можно видеть из представленных выше высказываний, употребление предложно-падежной конструкции «ДО + имя в род. п.» для выражения **временного либо количественного предела** действия или состояния далеко не всегда позволяет получателю сообщения ясным и недвусмысленным образом интерпретировать содержание высказывания. Эта ситуация может стать причиной коммуникативной неудачи, которая, в свою очередь, вполне способна повлечь иные серьезные негативные последствия.

Осознавая потенциально неопределенный, двойственный характер информации, передаваемой при помощи конструкции с предлогом ДО, адресант нередко решает прибегнуть к использованию тех или иных уточнений, поясняющих элементов либо же к полному перестроению, перефразированию сообщения, что позволяет компенсировать информационную недостаточность и обеспечить достижение коммуникативной цели:

7. Мы будем ждать ваших звонков до 29 декабря включительно («Комсомольская правда», 1991).
 8. Как сообщает Интерфакс, заявки на оба конкурса будут приниматься до 25 августа включительно (А. Полухин, С. Рябов. «Время МН», 2003).
 9. Они включают в себя требования к Потребителям, эксплуатирующим действующие электроустановки напряжением до 220 кВ включительно (Правила технической эксплуатации электроустановок потребителей, 2003).
 10. Согласно документу, льгота будет действовать на легковые автомобили с мощностью двигателя до 150 лошадиных сил включительно («Парламентская газета», 2021).
- В приведенных высказываниях использовано уточняющее наречие «включительно», благодаря чему возможная неопределенность снимается: получатель сообщения может быть полностью уверен в том, что указанная в высказывании конечная граница входит в состав заявленного временного либо количественного диапазона.
11. Заявки на участие в конкурсе принимаются до 10.00 мск 13 марта («РИА Новости», 2020).

В высказывании дано точное время окончания приема заявок, что опять-таки позволяет устранить неоднозначность толкования и достигнуть коммуникативного успеха.

12. *Принявшими участие в общем собрании акционеров, проводимом в форме заочного голосования, считаются акционеры, бюллетени которых получены до даты окончания приема бюллетеней* (Федеральный закон «Об акционерных обществах», 2004).

В высказывании дается пояснение, что дата, заявленная как верхний временной предел, в сам период совершения действия (получения бюллетеней для голосования) уже не входит.

II. Конструкция «ПО + имя в вин. п.»

Определенные сложности могут быть связаны с употреблением предложно-падежной конструкции «ПО + имя в вин. п.», где предлог ПО используется для выражения **временного** значения, определяемого в словарных статьях как указание на «временной предел действия, состояния» [22. С. 149]; «завершающую, конечную границу того, что имеет начальную, исходную границу» [17. С. 261]; «конечную временную границу процесса или состояния» [11. С. 211], при этом «на оси времени “зарубками”, метками предела являются даты, месяцы, годы» [3. С. 57].

Достаточно часто предлог ПО в данном значении употребляется в комплексе с предлогом С (конструкция «С + имя в род. п.»), указывающим на начальную границу временного диапазона:

13. *На конкурс представляются материалы, прошедшие в СМИ с 1 мая 2003 года по 10 сентября 2003 года* («Восточно-Сибирская правда», 17.06.2003).

Однако предлог ПО может употребляться и вне сочетания с предлогом С (начальная граница в таких случаях не называется открыто, но зачастую подразумевается; возможно, она уже была обозначена в контексте ранее):

14. *Поэтому присутствие людей на выставке обязательно по 10 апреля* («Столица», 04.03.1997).

В ряде словарных статей дополнительно сообщается, что предлог ПО в рассматриваемом временном значении «соответствует по значению предлогу ДО» [17. С. 261; 22. С. 149; 24. С. 9]. Аналогичная точка зрения высказывается специалистами Справочно-информационного портала «Грамота.ру» (см., например, ответ справочной службы портала [7]). При этом семантика пред-

лога ДО, как уже было отмечено ранее, характеризуется дискуссионностью выражения временного предела, что, по всей видимости, распространяется и на предлог ПО. Так, например, Е. Н. Вавилова, говоря об употреблении конструкции «ПО + имя в вин. п.», подчеркивает, что «вопрос о включении/исключении самой границы остается спорным и в некоторых случаях юридически важным» [3. С. 57] (о сложностях, связанных с обозначением временного предела в юридических текстах, будет отдельно сказано далее).

15. *Эксперимент продлится по 1 марта 2022 года* («Парламентская газета», 2020).

16. *Срок приема материалов на первый конкурс — с 15 сентября по 1 декабря 2008 года* («Наука и жизнь», 2008).

17. *Конференция продлится по 11 декабря 2015 г.* («Ведомости», 2015).

Представляется, что у получателя вышеприведенных сообщений могут возникнуть вполне обоснованные сомнения касательно включения верхней границы в заявленный в высказываниях временной диапазон.

Для устранения возможной неоднозначности и реализации целеустановки на успешность коммуникации, как и в случаях с предлогом ДО, используются уточняющие элементы (обычно таким уточнением является наречие «включительно»):

18. *7 января в Большом зале консерватории начнутся концерты третьего тура конкурса, которые продлятся по 9 января включительно* («Советское искусство», 1939).

19. *По всей Москве открылось 207 ёлочных базаров, они будут работать по 31 декабря включительно* («Парламентская газета», 2020).

20. *Съезд начнется 1 сентября и продолжится по 10 сентября включительно* («Мариупольская жизнь», 1913).

Аналогичное уточнение встречаем и в высказываниях, где предлог ПО в составе предложно-падежной конструкции «ПО + имя в вин. п.» употребляется для выражения **количественного предела**:

21. *На третьем этаже — зал, комната учебных пособий и пять классов, с четвертого по восьмой включительно* (Д. А. Засосов, В. И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов, 1976).

22. *Работа дизеля при аварийной подаче топлива допускается на позициях контроллера с 1-й по 5-ю включительно* («Локомотив», 28.06.2001).

III. Конструкции «ДО + имя в род. п.» и «ПО + имя в вин. п.» в текстах юридической направленности

Отдельно следует остановиться на употреблении рассматриваемых предложно-падежных конструкций в **юридической сфере** (юридические договоры, соглашения, приказы, постановления, доверенности, судебные решения, ходатайства и т. п.), поскольку, как показал анализ теоретических источников и эмпирического корпусного материала, именно в таких текстах обозначение временного и количественного предела сопряжено с наибольшими трудностями и противоречиями, а неверное толкование предела адресатом способно привести к наиболее серьезным последствиям.

23. При применении пункта 7 статьи 381 Кодекса следует иметь в виду, что данная льгота действует до 1 января 2006 года (А. А. Глинкин. «Учет, налоги, право», 03.08.2004).
24. Если ни одна из сторон до 20 декабря текущего года не оповестит другую сторону о прекращении договора, договор считается продленным на тот же срок и на тех же условиях (Договор о доступе в интернет, 2003).
25. Комиссии проверить организацию регистрации и условия хранения управленческих документов в структурных подразделениях и представить на утверждение акт проверки до 26.07.02 (Приказ, 2002).
26. Законопроект устанавливает, что плательщиками этого налога должны являться все транспортные организации с численностью работающих до 100 человек («Адвокат», 18.01.1999).
27. Настоящий Договор вступает в силу с момента уплаты страхового взноса и действует по _____ 20__ г. (Договор о медицинском страховании, 2003).

Как видим, во всех приведенных выдержках из юридических документов и текстов юридической направленности существует вероятность двоякого толкования временной либо количественной границы. Однако юридическая практика — это та сфера, в которой максимальная ясность и недвусмысленность передаваемой информации имеет особую важность, а малейший намек на неопределенность не только нежелателен, но даже опасен, поскольку может обернуться конфликтными ситуациями между сторонами, судебными исками, репутационными издержками, финансовыми потерями и т. п. Так, юрист М. М. Гулый в качестве примера подобного отрицательного результата от-

мечает, что «пропустить срок исковой давности из-за неправильно исчисленной даты окончания срока обязательства может быть фатально» [8].

Иными словами, рассматриваемые особенности семантики предложных единиц относятся к числу именно тех крайне непростых случаев, когда «неясности русского языка <...> порождают юридические коллизии» [2].

Некоторые специалисты в области права справедливо отмечают, что «оптимальным способом решения указанной проблемы было бы внесение изменений в основные кодексы <...>, устанавливающие единые требования к исчислению срока» [5]. Такое решение позволило бы «устранить лингвистическую неточность и любые разногласия в применении» [25]. Однако в настоящее время все сводится к тому, что единое правило употребления конструкций с предлогами ДО и ПО для юридических документов по-прежнему не выработано, а вопрос о правильном понимании временного предела является поистине «одним из “вечных” вопросов договорного права» [25].

Подчеркнем, однако, что в юриспруденции распространена точка зрения, в соответствии с которой предлог ДО необходимо использовать для указания на «рубеж времени, после пересечения которого срок закончится» [8]. Что касается предлога ПО, то его употребление во временной конструкции означает «включение в себя последней даты как временного рубежа» [8]. То есть, например, если в договоре указано, что срок его действия длится до 25 января 2022 года, то сама дата 25 января в этот временной диапазон не входит, последним днем действия договора является 24 января 2022 года. Если же в договоре прописано, что он действителен по 25 января 2022 года, то это означает, что 25 января входит в данный диапазон и является последним днем действия договора.

Эта позиция получила достаточно широкое распространение в юридической практике. Например, Горячая линия портала «Гарант.ру» отмечает, что данное разграничение «можно встретить даже в некоторых нормативных актах» [4]. М. М. Гулый указывает на то, что арбитражные суды в своих решениях последних лет весьма последовательно опираются именно на такое толкование [8]. Подобная разница находит отражение и в судах общей юрисдикции [4].

Если принять эту разницу в употреблении предлогов ДО и ПО за основу, то в использовании каких-либо уточняющих элементов (например, наречия «включительно») просто отпадает необходимость. Более того, в этом случае «конструкция

типа “ДО 20.03.21 включительно” будет грамматически неграмотной, а конструкция типа “ПО 20.03.21 включительно” будет грамматически излишней» [8].

Однако дальнейший анализ источников по рассматриваемой проблеме свидетельствует о том, что, несмотря на явное удобство использования такого разграничения и его довольно широкую распространенность, при ближайшем рассмотрении все оказывается далеко не так просто.

Во-первых, как уже было отмечено ранее, данная разница в семантике предлогов *ДО* и *ПО* не зафиксирована в лингвистической словарно-справочной литературе. Специалисты портала «Грамота.ру» в рубрике «Непростые слова» также говорят о том, что обозначенная разница в значении предлогов им неизвестна [6].

Во-вторых, в юридической сфере можно встретить самое разное толкование исчисления сроков, отнюдь не ограничивающееся представленным выше разграничением. Например, Высший арбитражный суд РФ (существовавший до объединения судов в 2014 году) в своей практике не разделял указанную позицию, «давая обоим предлогам одно и то же значение, суть которого сводится к тому, что договор действует по указанную в нем дату включительно» [5]. А Верховный Суд РФ в определении от 2018 года, в свою очередь, указывает на то, что «формулировка „до 30 апреля“ не позволяет достоверно и без неустранимых сомнений определить, какое число является предельным сроком» [4].

Таким образом, в настоящее время единственным способом, позволяющим свести к минимуму риск возникновения проблемных ситуаций при исчислении сроков в юридических документах, является следование ряду основных рекомендаций, которые дают как лингвистические, так и юридические источники.

Во-первых, при составлении договоров либо других текстов юридической направленности рекомендуется указывать «конкретные даты, а не периоды» [8] либо давать другие максимально определенные указания сроков, не допускающие намека на двоякую интерпретацию:

28. *Договор вступает в силу с момента его заключения и действует до конца текущего календарного года* (Договор о доступе в интернет, 2003).

Как языковеды, так и эксперты в области права настоятельно рекомендуют использовать уже не раз упомянутый ранее прием постановки рядом с датой наречия «включительно», что позволяет внести «хотя бы какую-то ясность» [12] (следует,

однако, подчеркнуть, что даже этот прием не гарантирует отсутствие противоречий, поскольку «иное может следовать из закона, договора, обычаев или какого-то контекста» [12]):

29. *Срок действия договора с «__» _____ 200__ г. по «__» _____ 200__ г. включительно* (Договор «Квартира», 2003).

Некоторые специалисты в своих рекомендациях заходят еще дальше и в качестве одного из способов обезопасить себя и клиента от возможных негативных последствий, связанных с двояким толкованием условий юридического договора, предлагают прописывать в тексте договора следующее условие: «Во всех случаях, когда в настоящем договоре срок определяется с использованием предлога *ДО*, в отсутствие слова «включительно» после даты, следующей после предлога *ДО*, применение предлога *ДО* подразумевает, что последним днем срока признается день, предшествующий дате, указанной после предлога *ДО*» [29].

Наконец, еще одним действенным способом избежать возможной неоднозначности является замена конструкций с предлогами *ДО* и *ПО* оборотом *НЕ ПОЗДНЕЕ*, «проблем с применением которого в судебной практике не выявлено» [29]:

30. *Наниматель оплачивает наймодателю платежи за пользование жилым помещением ежемесячно по прилагаемому расчету с оплатой не позднее 10 числа следующего месяца проживания* (Договор о найме помещения, 2003).

31. *Учредительные документы обществ с ограниченной ответственностью <...> подлежат приведению в соответствие с настоящим Федеральным законом не позднее 1 июля 1999 года* (Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», 1998).

32. *Уплата налога производится не позднее 15-го числа следующего месяца* («Учет, налоги, право», 03.08.2004).

Заключение

Несмотря на выраженную служебность, предлоги являются неотъемлемой и крайне важной частью практически любого высказывания, не просто выступая в качестве неких формальных связующих элементов, своего рода «крепежных деталей» [1. С. 25] между знаменательными словами, но и выполняя ряд других функций, в том числе оказывая непосредственное (а порой самое что ни на есть ключевое) влияние на общий смысл высказывания. Семантика предложных единиц таит в себе немало противоречий, некоторые из которых еще

только начинают внимательно изучаться и анализироваться, а другие ждут своего часа, чтобы оказаться в поле зрения исследователей.

Проведенный анализ употребления предложно-падежных конструкций «ДО + имя в род. п.» и «ПО + имя в вин. п.» для выражения временного и количественного предела выявил дискуссионный характер семантики предлогов в составе данных конструкций, далеко не во всех случаях позволяющий получателю сообщения сделать уверенный и однозначный вывод о включении конечной границы в обозначенный в высказывании диапазон, что идет вразрез с реализацией целеустановки на успешность коммуникации.

Особые трудности связаны с выражением временного (иногда также количественного) предела в юридической практике, где на первый план выходит предельная точность формулировок, а малейшая потенциальная двусмысленность, допущенная при составлении договора либо иного юридического документа, может иметь самые серьезные последствия. Ряд специалистов в области

права считают необходимым выработать и документально закрепить единое для всего юридического оборота правило, в котором четко прописывалась бы разница в значении и употреблении конструкций с предлогами ДО и ПО. Однако в настоящее время ни среди лингвистов, ни среди юристов нет общего мнения касательно существования такой разницы, не обозначена она и в лингвистической словарно-справочной литературе.

Во избежание неверного толкования адресатом информации о крайнем сроке совершения действия отправителям сообщения рекомендуется с особым вниманием подходить к вопросу формулировок (в первую очередь это опять-таки справедливо для всех тех случаев, когда необходимо обеспечить максимальную точность передаваемых сведений, например, в юридических документах) и при любом намеке на двойственность восприятия прибегать к тем или иным вариантам уточнений либо же полностью перефразировать сообщение, отказавшись от использования в нем конструкций с предлогами ДО и ПО.

Список источников

1. Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. М. : Наука, 1988. 184 с.
2. Ахмадеев Р. Процессуальное значение словосочетания в СРОК ДО и предлога ПО. 2015. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/12/11/processualnoe_znachenie_slovosochetaniya_v_srok_do_i_predloga_po (дата обращения: 15.05.2022).
3. Вавилова Е. Н. Предлог ПО как предлог меры и степени // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). Ч. 2. С. 57–59.
4. Гарант.ру. Какова позиция судов по истолкованию предлогов ДО и ПО при исчислении сроков? (Ответ Горячей линии ГАРАНТ). URL: <https://base.garant.ru/77236175/> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Гохлернер Д. И. Коварные предлоги ДО и ПО. 2010. URL: <http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/44964-kovarnye-predlogi-do-i-po/> (дата обращения: 18.03.2022).
6. Грамота.ру: справочно-информационный портал. Непростые слова: ДО и ПО. URL: http://new.gramota.ru/spravka/hardwords?layout=item&id=25_317 (дата обращения: 15.05.2022).
7. Грамота.ру: справочно-информационный портал. Ответ справочной службы портала. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=209896> (дата обращения: 15.05.2022).
8. Гулый М. М. ДОйти ДО воды. 2021. URL: <https://pravorub.ru/articles/98791.html?> (дата обращения: 01.05.2022).
9. Ёрш А. В. Комментарий к Информационному письму ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума ВАС РФ / под ред. А. Л. Новоселовой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2007. Вып. 1. 260 с.
10. Засорина Л. Н., Аграев В. А., Бородин В. В. Частотный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1977. 936 с.
11. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Едиториал УРСС, 2011. 440 с.
12. Карапетов А. Хождения по мукам, или Исчисление сроков в праве. 2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/1/19/hozhdeniya_po_mukam_ili_ischislenie_srokov_v_prave (дата обращения: 01.06.2022).
13. Комарова З. И., Краев С. В. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование. Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2008. 303 с.

14. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. М. : Флинта : Наука, 2003. 840 с.
15. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 10.05.2022).
16. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
17. Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачёва Г. Ф. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М. : Астрель : АСТ, 2003. 421 с.
18. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2022).
19. Раевская М. В. Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике // Вестник ЮУрГУ. Лингвистика. 2014. Т. 11. № 2. С. 21–24.
20. Сичинава Д. В. Части речи. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2011. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).
21. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985. 696 с.
22. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1987. 752 с.
23. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 3 / под ред. С. Г. Бархударова, В. В. Виноградова, С. П. Обнорского [и др.]. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1954. 1340 с.
24. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 10 / под ред. К. А. Тимофеева, Н. М. Меделец, А. М. Бабкина, В. В. Виноградова [и др.]. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 1776 с.
25. Харитонов И. Еще раз про предлоги *ДО* и *ПО* при установлении сроков в договоре. 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/10/esche_raz_pro_predlogi_do_i_po_pri_ustanovlenii_srokov_v_dogovore (дата обращения: 17.05.2022).
26. Цейтлин С. Н., Погосян В. А., Еливанова М. А., Шапиро Е. И. Язык. Речь. Коммуникация : междисциплинарный словарь. СПб. : КАРО, 2006. 128 с.
27. Чепасова А. М., Голощапова Т. Г., Павлова Н. А., Шиганова Г. А. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке. М. : Флинта : Наука, 2007. 176 с.
28. Эпштейн М. Н. О языковой критике // Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. 2009. URL: <https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200906/29070544.html> (дата обращения: 20.05.2022).
29. Яровенко В. Использование предлога *ДО* при определении срока исполнения обязательства и связанные с этим лексические тонкости русского языка, создающие правовую неопределенность. 2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/9/17/ispolzovanie_predloga_do_pri_opredelenii_sroka_ispolneniya_obyazatelstva_i_svyazannye_s_etim_leksich? (дата обращения: 20.05.2022).

References

1. Arapov MV. Kvantitativnaja lingvistika = Quantitative linguistics. Moscow: Nauka; 1988. 184 p. (In Russ.).
2. Ahmadeev R. Processual'noe znachenie slovosochetaniya *V SROK DO* i predloga *PO* = The procedural meaning of the word combination в *СРОК ДО* and the preposition *ПО*. 2015. Available from: https://zakon.ru/discussion/2015/12/11/processualnoe_znachenie_slovosochetaniya_v_srok_do_i_predloga_po (accessed: 15.05.2022). (In Russ.).
3. Vavilova EN. Preposition *ПО* as preposition of measure and degree. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory and Practice*. 2013;(9(27):57-59. (In Russ.).
4. Garant.ru. Kakova pozicija sudov po istolkovaniju predlogov *DO* i *PO* pri ischislenii srokov? (otvet Gorjachej linii GARANT) = What is the position of courts on the interpretation of prepositions *ДО* and *ПО* when calculating deadlines? (Response given by the GARANT Hotline). Available from: <https://base.garant.ru/77236175/> (accessed: 01.05.2022). (In Russ.).
5. Gohlerner DI. Kovarnye predlogi *DO* i *PO* = Treacherous prepositions *ДО* and *ПО*. 2010. Available from: [http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/44964-kovarnye-predlogi-do-i-po?](http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/44964-kovarnye-predlogi-do-i-po/) (accessed: 18.03.2022). (In Russ.).
6. Gramota.ru. Neprostye slova: *DO* i *PO* = Difficult words: *ДО* and *ПО*. Available from: http://new.gramota.ru/spravka/hardwords?layout=item&id=25_317 (accessed: 15.05.2022). (In Russ.).
7. Gramota.ru. Otvet spravocnoj sluzhby portal = Response given by the reference service of the portal. Available from: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=209896> (accessed: 15.05.2022). (In Russ.).

8. Gulyj MM. *DOjti DO vody = TO walk TO the water*. 2021. Available from: <https://pravorub.ru/articles/98791.html?> (accessed: 01.05.2022). (In Russ.).
9. Jorsh AV. Comment to the Information letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated the 11th of January 2002 No 66 “Review of the practice of resolving rent-related disputes”. In: *Praktika rassmotreniya kommercheskikh sporov: analiz i kommentarii postanovleniy Plenuma i obzorov Prezidiuma VAS RF = Practice of commercial dispute resolution: analysis and comments to the resolutions of the Plenum and reviews of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. Moscow: Statut; 2007. 260 p. (In Russ.).
10. Zazorina LN, Agraev VA, Borodin VV. *Chastotnyj slovar' russkogo jazyka = Frequency Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Russkij jazyk; 1977. 936 p. (In Russ.).
11. Zolotova GA. *Sintaksicheskij slovar'. Repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa = Syntactic Dictionary. Repertory of Elementary Units of Russian Syntax*. Moscow: Editorial URSS; 2011. 440 p. (In Russ.).
12. Karapetov A. *Hozhdenija po mukam, ili Ischislenie srokov v prave = Wanderings through Hell, or Calculating terms in law*. 2017. Available from: https://zakon.ru/blog/2017/1/19/hozhdeniya_po_mukam_ili_ischislenie_srokov_v_prave (accessed: 01.06.2022). (In Russ.).
13. Komarova ZI, Kraev SV. *Jadernye sluzhebnye slova v russkom podjazyke informatiki: kvantitativno-kvalitativnoe issledovanie = Core functional words in the Russian sublanguage of information science: quantitative-qualitative research*. Yekaterinburg: Ural'skoe literaturnoe agentstvo; 2008. 303 p. (In Russ.).
14. Ivanov LJu, Skovorodnikov AP, Shirjaev EN et al. (eds.). *Kul'tura russkoj rechi: Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik = Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Flinta: Nauka; 2003. 840 p. (In Russ.).
15. Ljashevskaja ON., Sharov SA. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka) = Frequency Dictionary of Modern Russian (based on the Russian National Corpus)*. Moscow: Azbukovnik; 2009. Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: 10.05.2022). (In Russ.).
16. Matveeva TV. *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov = Complete Dictionary of Linguistic Terms*. Rostov-on-Don: Fenix; 2010. 562 p. (In Russ.).
17. Morkovkin VV, Luckaja NM, Bogachjova GF. *Objasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: Strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly = Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Introductory Words, Pronouns, Numerals, Linking Verbs*. Moscow: Astrel': AST; 2003. 421 p. (In Russ.).
18. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = Russian National Corpus*. Available from: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 15.08.2022). (In Russ.).
19. Raevskaja MV. Theoretical problems in studying prepositions in Russian linguistics. *Vestnik juzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*. 2014;(2):21-24. (In Russ.).
20. Sichinava DV. *Chasti rechi. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki. Na pravah rukopisi = Parts of speech. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. As a manuscript*. Available from: <http://rusgram.ru/> (accessed: 10.03.2022). (In Russ.).
21. Evgen'eva AP (ed.). *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. T. 1 = Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. Vol. 1*. Moscow: Russkij jazyk; 1985. 696 p. (In Russ.).
22. Evgen'eva AP (ed.). *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. T. 3 = Dictionary of the Russian Language: In 4 vol. Vol. 3*. Moscow: Russkij jazyk; 1987. 752 p. (In Russ.).
23. Barhudarov SG, Vinogradov VV, Obnorskij SP et al. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. T. 3 = Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 vol. Vol. 3*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR; 1954. 1340 p. (In Russ.).
24. Timofeev KA, Medelec NM, Babkin AM, Vinogradov VV et al. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. T. 10 = Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 vol. Vol. 10*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR; 1960. 1776 p. (In Russ.).
25. Haritonov I. *Eshhe raz pro predlogi DO i PO pri ustanovlenii srokov v dogovore = One more time about the prepositions DO and PO when setting deadlines in contracts*. 2018. Available from: https://zakon.ru/blog/2018/2/10/esche_raz_pro_predlogi_do_i_po_pri_ustanovlenii_srokov_v_dogovore (accessed: 17.05.2022). (In Russ.).

26. Cejtlin SN, Pogosjan VA, Elivanova MA, Shapiro EI Jazyk. Rech'. Kommunikacija: mezhdisciplinarnyj slovar' = Language. Speech. Communication: Interdisciplinary Dictionary. St. Petersburg: KARO; 2006. 128 p. (In Russ.).

27. Čepasova AM, Goloshhapova TG, Pavlova NA, Shiganova GA. Leksicheskie i frazeologicheskie predlogi v sovremennom russkom jazyke = Lexical and phraseological prepositions in modern Russian language. Moscow: Flinta: Nauka; 2007. 176 p. (In Russ.).

28. Jepshtejn MN. O jazykovej kritike = On language criticism. In: a gift of word. Mikhail Epstein's weekly lexicon. 2009. Available from: <https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200906/29070544.html> (accessed: 20.05.2022). (In Russ.).

29. Jarovenko V. Ispol'zovanie predloga *DO* pri opredelenii sroka ispolnenija objazatel'stva i svjazannye s jetim leksicheskie tonkosti russkogo jazyka, sozdajushhie pravovuju neopredelennost' = The use of the preposition *DO* in determining the deadline for fulfillment of obligations and related lexical subtleties of the Russian language leading to legal uncertainty. 2021. Available from: https://zakon.ru/blog/2021/9/17/ispolzovanie_predloga_do_pri_opredelenii_sroka_ispolneniya_obyazatelstva_i_svyazannye_s_etim_leksich? (accessed: 20.05.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Ширшикова — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Information about the author

Anna A. Shirshikova — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 20.09.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ,
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ,
СОЦИОЛИНГВИСТИКИ**

**RESEARCH IN THE FIELD OF LINGUOCULTUROLOGY,
PSYCHOLINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 57–65.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(5(475)):57-65. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 378.016 + 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-57-65

**ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
КИТАЙСКОГО СТУДЕНТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Ядвига Леонидовна Березовская^{1✉}, Сюецзе Ню², Елена Владимировна Харченко³

^{1,2,3} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ berezovskaia@mail.susu.ru

² xuejieniu49364@gmail.com

³ kharchenkoev@susu.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования языковой личности изучающего русский язык китайского студента в условиях профессионального учебного дискурса. Анализ языковой личности представлен на основе модели Ю. Н. Караулова, включающей в себя вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни. В работе уделяется внимание особенностям каждого из этих уровней. Выделены ошибки, которые допускают китайские студенты при построении диалогических и монологических высказываний при изучении русского языка как иностранного на уровнях В1-С1. На основе проведенного анкетирования выявлена степень владения системой русского языка, а также показано знание прецедентных имен.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, вторичная языковая личность китайского студента, уровни языковой личности, прецедентные феномены, языковые лакуны

Для цитирования: Березовская Я. Л., Ню С., Харченко Е. В. Формирование вторичной языковой личности китайского студента при изучении русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 57–65. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-57-65.

Original article

**FORMATION OF SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY
OF CHINESE STUDENTS LEARNING RUSSIAN**

Yadviga L. Berezovskaya^{1✉}, Xuejie Niu², Elena V. Kharchenko³

^{1,2} South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

¹ berezovskaia@mail.susu.ru

² xuejieniu49364@gmail.com

³ kharchenkoev@susu.ru

Abstract. In this article, we consider the specifics of the linguistic personality formation of Chinese students learning Russian in the context of professional academic discourse. The linguistic personality analysis is based on the model by Yu.N. Karaulov, which comprises the verbal-and-semantic, thesaurus, and motivation levels. In our work, we pay

attention to the specific features of each level. We distinguished the mistakes, which B1-C1 Chinese students learning Russian as a foreign language make when they construct monologues and dialogues. Based on the conducted questionnaire survey, we have determined the Russian proficiency level in terms of the language system, as well as revealed the knowledge of precedent names.

Keywords: Russian as a foreign language, secondary linguistic personality of Chinese students, levels of linguistic personality, precedent phenomena, lexical gaps

For citation: Berezovskaya YaL, Niu X, Kharchenko EV. Formation of secondary linguistic personality of Chinese students learning Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):57-65. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-57-65.

Введение

Многие исследователи, занимающиеся разработкой концепции языковой личности, опираются на трехчастную структуру, предложенную Ю. Н. Карауловым, считавшим, что коммуникативные свойства языковой личности обнаруживаются в ее деятельности, то есть в устных и письменных высказываниях монологического и диалогического характера (И. И. Халеева, А. Н. Плехов и др.) [5; 9; 11].

Особый интерес при изучении коммуникативных особенностей представляет вторичная языковая личность китайского студента, которая формируется при освоении русского языка и культуры. Указанными вопросами на современном этапе развития лингвокультурологии, психолингвистики, лингводидактики занимаются Ю. А. Антонова, Л. Ван, И. Г. Гончаренко, Т. Л. Гурулева, И. С. Ивашов, Л. П. Мухаммад, Х. Нин, Н. М. Румянцева, С. Цзинь, Ф. Ян и др. [1–4; 7; 8; 10; 12; 13].

Рассмотрим специфику уровней языковой личности китайского студента, изучающего русский язык, на основе трехчастной модели, включающей в себя вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровни.

На вербально-семантическом уровне мы проанализировали владение китайскими студентами системой русского языка. Вербально-семантический уровень отражает степень общей грамотности китайских студентов и выявляет специфику, связанную с нарушением грамматических, стилистических и фонетических норм владения современным русским литературным языком. Для оценки степени сформированности тезаурусного уровня вторичной языковой личности китайских студентов обучающимся было дано задание объяснить значения некоторых слов русского языка. Мотивационный уровень языковой личности представляет собой совокупность представлений говорящего, целевых установок и коммуникативно-деятельностных потребностей. В формировании вторичной языковой личности китайских учащихся основную культурную нагрузку несет

лексика, что наиболее наглядно проявляется на примере идиоматических выражений. В качестве задания, направленного на выявление сформированности данного уровня, китайским студентам было предложено объяснить значения русских пословиц и поговорок, прецедентных текстов.

Материалы и методы

Материалом исследования явились 75 работ 53 китайских студентов ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»: сочинения, эссе, письменные и устные ответы на вопросы в соответствии с заданными темами.

В первой фокус-группе магистрантов института лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ занятия по дисциплине «Русский язык как иностранный» ведутся по учебному пособию М. Н. Маковой, О. А. Усковой «В мире людей. Письмо. Говорение. Выпуск 1» [6]. Уровень владения русским языком оценивается как ТРКИ-1/ТРКИ-2. В соответствии с указанным уровнем студенты изучают лексику и грамматику, позволяющую им осуществлять коммуникацию с носителями языка на социально-бытовые, культурные, учебные и профессиональные темы. Обучающиеся владеют набором языковых средств, необходимым для осуществления успешной коммуникации в условиях языковой среды, умеют составлять устные и письменные высказывания разных стилей в соответствии с коммуникативной задачей. Таким образом, можно говорить о формировании профессионально ориентированной языковой личности носителя китайского языка.

Анализ письменных и устных работ реципиентов показал, что магистранты демонстрируют высокий уровень владения языковой системой русского языка. Они способны построить высказывание, соответствующее коммуникативной задаче, составлять законченные предложения, диалоги, тексты заданной стилистики и ситуации общения. Студенты демонстрируют знания лексико-грамматического строя языка, позволяющие им общаться на такие темы, как *биография (семья, учеба, работа, интересы), выбор*

профессии, система образования, образ жизни, увлечения, хобби, природа, экология, страна и ее регионы, город и культура. Они могут выражать свое отношение к предложенным для обсуждения проблемам, проводить сравнение. Например, одна из задач состояла в написании эссе на тему «Любимая работа или потребности общества?». Студенты обнаруживали сходства и различия не только по формальным признакам, но и приводили аргументы в пользу той или иной системы, выявляя их положительные и отрицательные стороны, проблемные аспекты. То есть опрошенные способны оперировать основными языковыми единицами в зависимости от коммуникативной ситуации, правильно подбирая языковые и стилистические средства, в том числе межкультурного характера. В качестве примера приведем несколько цитат из эссе обучающихся: «Я думаю, что работа — это часть жизни, а жизнь требует любви, например, я люблю рисовать и могу рисовать каждый день. Но я не могу каждый день делать то, что мне не нравится. Я предпочитаю делать то, что мне нравится каждый день. Если вы любите свою работу, вы будете полны энергии во время работы и будете выполнять ее с легкостью и с удовольствием, что очень важно...» Отвечая на вопрос «Любимая работа или потребности общества?», обучающийся демонстрирует умение строить рассуждение: «Поэтому, если мне придется выбирать профессию, я выберу ту профессию, которая мне нравится, потому что я могу делать это хорошо, я думаю, что это потребность общества».

В следующем задании обучающимся было предложено выразить свою позицию относительно проблемы, рассмотренной в тексте «Современная жизнь: город или деревня?». Один из опрошенных привел следующую аргументацию: «Некоторым людям нравится жить в городах, потому что путешествовать по городу, — это очень удобно, в городе много магазинов и вкусной еды, в городе можно заработать много денег».

Студенты продемонстрировали умение оперировать различными средствами выражения при составлении устных и письменных ответов. Так, в задании на трансформацию высказываний на вопрос «Богатых людей от небогатых отличает свобода выбора?» опрошенные дали следующие ответы: «люди свободно выбирают бедных и богатых»; «богатые люди предпочитают покупать дорогие, но качественные вещи»; «богатые могут покупать дорогие вещи, а бедные — дешевые»; «богатые люди, которые любят помогать другим людям».

Анализируя вербально-семантический уровень языковой личности китайских студентов, изучающих русский язык, обратим внимание на выражение «эти ценности отошли на задний план». Обучающиеся понимают его следующим образом: «эти ценности исчезли из поля зрения»; «эти ценности уже не важны»; «эти ценности ушли на задний план»; «эти ценности отошли на второй план». Здесь мы видим использование различных синонимических конструкций. Исходя из этого, можно говорить о богатстве лексико-грамматических средств, которые студенты используют в соответствии с коммуникативной ситуацией.

Таким образом, мы убедились в том, что уровень владения русским языком китайскими магистрантами соответствует I-II сертификационному уровню; реципиенты показывают достаточно высокий уровень профессионального языкового сознания, который продолжает активно формироваться.

В работах китайских студентов, обучающихся в различных институтах и высших школах ЮУрГУ, можно обнаружить нарушения норм современного русского литературного языка.

Наиболее частотными ошибками являются следующие:

1. Лексико-синтаксические ошибки — изменение порядка слов в предложении: «Готовность получать всегда новые знания, не стоять на месте и развиваться, привносить новые идеи в процесс».
2. Изменение структурных границ простого предложения / границ частей сложного предложения, пунктуационные ошибки: «Выбор профессии, когда я закончу колледж, я буду искать работу, и я выберу работу, которая мне нравится обычно люди выбирают работу которая им не нравится, но она очень прибыльная, я не могу согласиться на такую работу. потому что лучше выбрать работу, которая им нравится» (орфография и пунктуация автора сохранены).
3. Неверное образование словоформ: *родился в КитаЙ (родился в КитаЕ); поступил на факультет электротехникаА (поступил на факультет электротехникИ); работает в школеА (работает в школеЕ); в должности генеральный директор (в должности генераль-ного директораА; Дмитриы (ДмитриЮ).*
4. Нарушение грамматических связей слов в предложении: *Я была так взволнован (взволнована).*
5. Стилистические нарушения при написании текстов научного / официально-делового стиля:

«Уважаемый поставщик фруктов. Привет. Я хочу купить фрукты оптом. Но у меня вопрос. Сколько стоит 10 килограммов бананов?». Студенты допускают употребление разговорных оборотов и форм при составлении официальных документов или текстов научного стиля. Чаще подобные ошибки встречаются в устной речи и являются компонентом речемыслительной деятельности. Происходит нарушение норм делового этикета, несоблюдение правил официально-делового общения, пропуск значимых лексико-грамматических единиц.

Неразличение парных согласных звуков русского языка по глухости/звонкости, твердости/мягкости, что отражается на письме и приводит к орфографическим ошибкам, опечаткам, отождествлению лексем: «казета» (*газета*), «баба» (*папа*), «организовать» (*организовать*). Это связано с особенностями фонетической системы родного языка обучающихся — китайского: отсутствие некоторых звуков, наличие противопоставления согласных по эмфатичности/неэмфатичности, что приводит к интерференции и замене мягких и твердых согласных в устной речи на близкие по звучанию звуки родного языка.

Для оценки тезаурусного уровня вторичной языковой личности китайским студентам, изучающим русский язык, было предложено дать определение понятиям, связанным с социальной, культурной и духовной сферами жизни общества. Задание не вызвало каких-либо затруднений. Студенты давали определения, пользуясь доступными им средствами русского языка и опираясь на собственный жизненный опыт и моральные ценности.

Ответы студентов показали, что большое значение имеет духовное развитие человека, семья, социальное положение в обществе. Например, при определении словосочетания «высокопоставленный человек» были получены следующие ответы: «это тот человек, который имеет большое влияние, авторитет, также занимает высокую профессиональную должность»; «занимающий высокое общественное положение», «высокопоставленная особа».

Другим заданием, которое было дано реципиентам, стало чтение и анализ текста, посвященного поиску работы «Желаете работать — нет ничего невозможного».

В ходе чтения текста студентам нужно было объяснить слова и выражения, которые не входят в их активный словарный запас и могут являться для них незнакомыми. Обучающиеся дали опре-

деления таких слов, как «няня», «интервьюер», «аудитор», значения которых разбирали при опросе. Часть этих слов студенты объясняли, опираясь на знания языковой системы русского языка. Например, объяснение лексем путем подбора однокоренных слов, составления словообразовательной цепочки: «интервьюер» — «человек, который берет интервью».

Затруднения вызвали слова «перечень», «вакансия», «зарботок». Для их определения потребовалось использование словаря, объяснение посредством слов-синонимов и обращение к знакомым студентам процессам и реалиям: *перечень* — *список*, *вакансия* — *свободное место*, *зарботок* — *зарплата*, *сотрудник* — *работник*, *карануз* — *малыш*.

Интересно также проанализировать определение, данные студентами, неизвестных им лексем с помощью знакомых понятий и терминов: *богоугодный* — *угодный богу*; *первозданный* — *создать первым*. Как мы видим из данных примеров, особую роль в формировании языкового сознания играет сфера интересов обучающихся и факт нахождения их в среде профессионального общения и профессионально ориентированного дискурса.

Анализ ответов учащихся показал достаточно высокую степень сформированности тезаурусного уровня. Активный словарный запас позволяет им не только строить высказывания на повседневные бытовые темы, но также формировать суждения по проблемным вопросам социальной, культурной, научной, морально-этической и других сфер.

В качестве задания, направленного на выявление сформированности мотивационного уровня, студентам было предложено объяснить значения русских пословиц и поговорок, прецедентных текстов. Ответы реципиентов показали, что они в большинстве случаев адекватно воспринимают языковые единицы с переносным значением и верно определяют их семантику. Например, пословицу «Каждый кулик своё болото хвалит» студент объяснил следующим образом: «В этой пословице говорится о человеке, который хвалит своё место жительства. Каждый человек думает, что его дом — лучший». Из примера видно, что китайский студент не только понимает и интерпретирует предложенные им языковые единицы, но и употребляет знакомые языковые лексемы в процессе коммуникации. Нередко при выполнении этого задания студенты обращаются к собственному опыту, родной культуре. Например, ср.: пословицу в китайском языке: «Ван По продает дыни и хвалит себя за продажу дынь».

Что касается ценностных ориентаций говорящего, то можно отметить, что студенты чаще приводят примеры из китайской культуры: «Золотая берлога и серебряная берлога не так хороши, как собственная конура»; «Сын не считает мать некрасивой, а собака не считает семью бедной».

Особо отметим специфику владения прецедентными текстами. Из русских имен реципиенты называют таких личностей, как *Юрий Гагарин*, *Игорь Курчатов*, *Александр Пушкин*, *Владимир Ленин* и др.

Анализ мотивационного уровня показал, что формирование вторичной языковой личности китайского студента происходит под влиянием широкого социокультурного контекста, немаловажную роль играет профессиональная среда общения и сфера профессиональных интересов учащихся. В результате под влиянием социального окружения, процесса профессионального обучения и изучения русского языка формируется особая языковая картина мира, сочетающая в себе элементы национальной, общемировой и изучаемой русской культуры.

С целью анализа уровней языковой личности китайского студента было проведено анкетирование, в котором приняли участие 53 китайских студента в возрасте от 21 года до 28 лет, изучающих русский язык. Самый короткий период овладения русским языком для всех респондентов составил 1 месяц, самый продолжительный — 8 лет.

На основании полученных результатов мы выяснили, что все опрошенные правильно указали количество букв в русском алфавите, хорошо владеют терминологией, связанной со знанием частей речи русского языка. При этом отметим, что трудности вызвал вопрос, посвященный определению понятия «причастие». Согласно проведенному анкетированию, 12 человек ответили «не знаю» или «не понимаю» (11 из опрошенных изучали русский язык менее 3 лет, один студент — 4 года).

Используя метод незаконченных предложений, реципиентам необходимо было заполнить пропуски (*В современном русском языке выделяют три формы времени глагола: настоящее, _____, будущее время*). Только 3 реципиента из 53, изучавшие русский язык 2 месяца, не смогли ответить на поставленный вопрос. Следующий вопрос был призван определить, знают ли респонденты форму императива глагола (*Глаголы «читайте», «пишите», «слушайте» указаны в форме _____*). 39 из 53 опрошенных верно ответили на вопрос. Приведем не-

которые из неверных ответов: *глагол формы, местоимения, настоящее время, множественное число, почетный, инфинитив глагола, Вы*.

Вопрос в сфере лексикологии был посвящен определению термина «омограф» (*Слова, которые пишутся одинаково, но произносятся по-разному, называются «_____»*). Пятая часть респондентов ответили правильно — 11 человек (3 человека, изучавшие русский язык менее 1 года); 12 человек ошибочно указали определение понятия «омофон»; 15 человек ответили «не знаю» (в том числе 2 человека, изучавшие русский язык 6 лет); 8 человек привели примеры — «*видение*», «*угольный*», «*ирис*»; и 7 человек ответили — «*ударный слог*» (реципиенты изучали русский язык от 1 года до 4 лет).

Вопрос по фонетике касался разницы в произношении между звуками [д] и [т], знание таких характеристик, как «твердость — мягкость» согласных звуков. Только 1 человек, изучавший русский язык в течение двух месяцев, не знал разницы между ними; 3 человека ответили — «*передний*» и «*задний*» (они изучали русский язык в течение 1, 2 и 5 лет соответственно); 49 человек ответили правильно.

Следующие вопросы направлены на выявление знания прецедентных имен: *А. С. Пушкин* и его роман «*Евгений Онегин*». 48 человек знают великого русского поэта и писателя *А. С. Пушкина*; 2 ответили «не знаю» и 3 ответили «неизвестно». Из 53 респондентов 21 не знал романа в стихах «*Евгений Онегин*» (большинство изучали русский язык менее двух лет); 3 только слышали о нем; 1 ответил «неизвестно»; 7 опрошенных считают *Евгения Онегина* русским писателем (респонденты, изучавшие русский язык менее трех лет). При этом процент студентов, которые знают роман «*Война и мир*», написанный *Л. Н. Толстым*, составляет 66 % (35 опрошенных); 3 респондента ответили — «*фантастика*».

Результаты и их обсуждение

Анализ полученных результатов анкетирования позволил нам сделать следующие выводы.

Во-первых, вопросы были разделены на следующие 4 группы: 1) вопросы, показывающие владение системой современного русского языка, понимание прецедентных текстов; 2) знание русской литературы; 3) осведомленность в сфере русской музыки; 4) знание русской архитектуры, достопримечательностей. Средние показатели для каждой из четырех групп явились следующими: 85 %, 66 %, 63 %, 75 %.

Во-вторых, все респонденты были разделены на три группы по продолжительности изучения русского языка: 1) 42 человека, изучавшие русский язык три года или менее; 2) 6 чело-

век, изучавшие русский язык четыре-пять лет; 3) 5 человек, изучавшие русский язык шесть-восемь лет.

Представим результаты в таблице.

**Результаты анкетирования китайских студентов,
изучающих русский язык**
The results of a survey of Chinese students, Russian language learners

Параметр	Изучение русского языка до 3 лет	Изучение русского языка 4–5 лет	Изучение русского языка 6–8 лет
Система русского языка	85 %	89 %	86 %
Русская литература	69 %	100 %	93 %
Русская музыка	62 %	75 %	60 %
Русская архитектура	69 %	100 %	100 %

Таким образом, на основании проведенного анализа, мы пришли к следующим выводам:

1. По мере увеличения времени, затраченного на изучение русского языка, китайские студенты приобретают базовые знания русской грамматики, лучше понимают русскую литературу, музыку и архитектуру, способны оценить и прочувствовать их с эстетической точки зрения реального выражения восприятия и выражения эмоций в русской культуре. Согласно модели языковой личности, китайские студенты переходят от семантического к когнитивному и прагматическому уровням.
2. Из четырех блоков вопросов наименее понятным для респондентов оказался вопрос о русской музыке. На начальном этапе изучения русского языка китайские студенты уделяют больше внимания изучению русской грамматики, освоению системы русского языка. В этот момент их языковая личность находится на нулевом уровне языковой семантики, и они могут общаться лишь очень кратко на бытовые темы. Из-за недостаточного владения русским языком они не могут оценить русскую музыку, литературу и искусство, то есть не могут выйти на второй уровень языковой личности — тезаурусный (владение словарным запасом).

Респонденты, изучавшие русский язык в течение трех лет или менее, имели высокие показатели точности в категории «русская грамматика». Большинство китайских студентов, изучавших русский язык менее трех лет, все еще находятся на начальном уровне формирования языковой личности, то есть изменения фиксируются на семантическом уровне языка, в то время как те, кто

изучал русский язык более четырех лет, демонстрируют расширение когнитивного уровня. Поэтому при обучении китайских студентов следует уделять больше внимания русской культуре, особенно на продвинутом уровне. Это позволит избежать недопонимания из-за недооценки разницы культур, поскольку у культур Китая и России есть определенные общие черты, обусловленные историческими событиями XX века.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели структуру вторичной языковой личности носителя китайского языка, изучающего русский язык как иностранный, на материале письменных и устных высказываний. На вербально-семантическом уровне были выявлены общее знание языковой системы русского языка китайскими студентами и представления об ее отдельных элементах и их отношениях. Выделены отступления от норм современного русского литературного языка: нарушение грамматических связей между единицами языка, фонетические неточности, инверсионный порядок слов, нарушение содержательности речи и другие. В большинстве случаев подобные ошибки усложняют, но не препятствуют пониманию речи студентов-иностранцев. Студенты продемонстрировали способность использовать языковые средства в соответствии с предложенной коммуникативной ситуацией, а также умение свободно оперировать основными языковыми единицами для достижения коммуникативной цели. В то же время процесс формирования данного уровня не является завершенным, поскольку усвоение норм языковой системы русского языка китайскими студентами продолжается.

Тезаурусный уровень показал, что в сознании китайских студентов отражены объекты окружающей действительности, соотносимые с различными сферами жизни, в том числе со сферой профессионального общения. Широкий социокультурный контекст дает возможность интерпретации незнакомых языковых единиц, основываясь на аналогиях и ассоциациях из других языков и культур. Особое место занимают знания, соотносимые с профессиональными навыками студентов и являющиеся следствием нахождения их в среде профессионального общения. Ошибки, допущенные при выполнении заданий на определение слов и выражений, свидетельствуют о наличии языковых лагун в сознании исследуемой группы китайских студентов.

Мотивационный уровень показал высокую степень сформированности вторичной языковой личности, что проявляется в способности понимать переносный смысл устойчивых выражений и прецедентных текстов, а также продемонстрировал процесс расширения языковой картины мира за счет включения в нее инокультурных элементов. Студенты общаются в рамках принятых в обществе правил речевого этикета, способны понимать и объяснять переносные значения идиоматических выражений русского языка, в процессе коммуникации обращаются к элементам общемировой и русской национальной культуры.

В целом можно говорить о том, что вторичная языковая личность китайского студента находится в процессе формирования, происходит расши-

рение и углубление области знания, усложнение ее структуры. Новые инокультурные элементы гармонично встраиваются в национальную языковую картину мира иностранных студентов и способствуют более качественному усвоению языкового материала при изучении русского языка как иностранного.

Помимо изучения системы русского языка, от китайских студентов требуется постижение лингвокультуры, которую воплощает этот язык. Изучение специфики вторичной языковой личности китайских студентов необходимо для выбора стратегий обучения, а также для создания комплекса упражнений, выделения наиболее значимых элементов русской лингвокультуры и т. д., необходимых для эффективной межкультурной коммуникации. Наше исследование еще раз подтвердило тезис о том, что система языковой личности тесно связана с культурой родного и изучаемого языка.

Поэтому китайским студентам следует начинать с базовых знаний русского языка, с основных приветствий и поздравлений, наращивая свой словарный запас, а затем более подробно знакомиться с русскими обычаями, осваивать прецедентные феномены. Недостаточно учиться только по учебнику. Вне аудитории китайские студенты могут изучать русский язык при просмотре российских фильмов и телевизионных программ, интернет-ресурсов. Из этих источников они могут получать более детальное представление о русской культуре и жизни в России.

Список источников

1. Антонова Ю. А. Национально-психологический портрет китайского студента, изучающего русский язык // *Филологический класс*. 2022. Т. 27. № 2. С. 161–171.
2. Ван Л. Особенности языковой личности китайского студента в лингводидактическом аспекте // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 6 (48). Ч. 3. С. 20–23.
3. Гончаренко И. Г., Ивашов Г. С. Особенности языковой личности носителя китайского языка и их учет при выборе педагогических средств обучения фонетике русского языка. URL: http://https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/32276/1/sprz_2020_9_007.pdf (дата обращения: 06.01.2023)
4. Гурулева Т. Л. Китайская языковая личность. Характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ : монография. М. : Изд. дом ВКН, 2020. 162 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Макова М. Н., Ускова О. А. В мире людей. Выпуск 1. Письмо. Говорение : учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 — ТРКИ-3). СПб., 2013. 290 с.
7. Мухаммад Л. П. Описательный дискурс китайских студентов-филологов в аспекте обучению русскому языку // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 7. С. 139–142.
8. Нин Х. Этнокультурная специфика российско-китайской бизнес-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2020. 20 с.
9. Плехов А. Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2007. 23 с.

10. Румянцева Н. М. Этноориентированный подход к организации процесса обучения китайских учащихся русскому языку на довузовском этапе на базе электронных средств обучения // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2017. Т. 9. № 1. С. 80–100.
11. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова. М. : Институт русского языка РАН, 1995. С. 277–285.
12. Цзинь С. Гуманитарные ценности конфуцианства в формировании духовно-нравственных качеств китайских студентов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 345–349.
13. Ян Ф. Обучение русскому языку китайских студентов-русистов в грамматическом аспекте // Язык и культура. 2014. № 1. С. 168–173.

References

1. Antonova YuA. National-Psychological Portrait of a Chinese Student Studying Russian Language. *Filologicheskij klass = Philological Class*. 2022;27(2):161-171. (In Russ.).
2. Wang L. Language Features of Chinese Students in Aspect of Lingvodidactics. *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Research Journal*. 2017;6(48)(3):20-23. (In Russ.).
3. Goncharenko IG, Ivashov GS. Osobennosti yazykovoy lichnosti nositelya kitayskogo yazyka i ikh uchyot pri vybore pedagogicheskikh sredstv obucheniya fonetike russkogo yazyka = Specialties of the Linguistic Identity of a Native Speaker of the Chinese Language and Their Accounting during the Choosing Pedagogical Teaching Aids in the Russian Language Phonetics. Available from: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/32276/1/sprz_2020_9_007.pdf (accessed: 06.01.2023). (In Russ.).
4. Guruleva TL. Kitayskaya yazykovaya lichnost. Kharakteristika rechevogo portreta i ego sopostavitelny analiz = Chinese Linguistic Personality. Characteristics of Speech Portrait and its Comparative Analysis. Moscow: VKN Publ. House; 2020. 162 p. (In Russ.).
5. Karaulov YuN. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost = Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: LKI Publ. House; 2010. 264 p. (In Russ.).
6. Makova MN, Uskova OA. V mire lyudey. Vypusk 1. Pismo. Govorenie: uchebnoe posobie po podgotovke k ekzamenu po russkomu yazyku dlya grazhdan zarubezhnyh stran (TRKI-2 — TRKI-3) = In the World of People. Issue 1. Writing. Speaking: a manual of Russian language examination preparing for foreigners (TRKI-2 — TRKI-3). St. Petersburg; 290 p. (In Russ.).
7. Mukhammad LP. Descriptive Discourse of Chinese Philology Students in the Aspect of Learning Russian Language. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 2014;(7):139-142. (In Russ.).
8. Ning H. Etnokulturnaya spetsifika rossiysko-kitayskoy biznes kommunikatsii = Ethnocultural Specifics of the Russian-Chinese Business Communication. Abstract of thesis. Ekaterinburg; 2020. 20 p. (In Russ.).
9. Plekhov AN. Psikhologicheskie usloviya razvitiya vtorichnoy yazykovoy lichnosti prepodavatelya-lingvista = Psychological Conditions of Development of the Secondary Language Personality of the Teacher-linguist. Abstract of thesis. Nizhny Novgorod; 2007. 23 p. (In Russ.).
10. Rummyantseva NM. Ethno-oriented Approach to the Organization of Russian Language Learning by Chinese Students at the Pre-university Stage Using E-learning Tools. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt = Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*. 2017;9(1):80-100. (In Russ.).
11. Khaleeva II. Secondary Language Personality as a Recipient of Non-native-language Texts. In: *Yazyk — sistema. Yazyk — tekst. Yazyk — sposobnost': K 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN Yu. N. Karaulova = Language — system. Language — text. Language — ability: For the 60th anniversary of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Yu.N. Karaulov*. Moscow: Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; 1995. Pp. 277–285. (In Russ.).
12. Jin X. Humanitarian Values of Confucianism in Forming of Chinese Students' Spiritual and Moral Qualities. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;(96):345-349. (In Russ.).
13. Yan F. Teaching Russian Language in Grammatical Aspects to Chinese Students Majoring in Russian Philology. *Yazyk i kultura = Language and Culture*. 2014;(1):168-173. (In Russ.).

Информация об авторах

Я. Л. Березовская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного.

С. Ню — магистрант кафедры русского языка как иностранного.

Е. В. Харченко — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного.

Information about the authors

Yadviga L. Berezovskaya — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Xuejie Niu — Master's degree student of the Department of Russian as a Foreign Language.

Elena V. Kharchenko — Dr. Sci. (Philology) Sciences, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-66-73

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Юйин Ван¹, Елена Владимировна Харченко²

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ alinawangyuying@gmail.com

² ev-kharchenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу понимания гастрономического дискурса в русской и китайской лингвокультурах. В данной работе национальная еда и ее вкус рассматриваются как важная часть культуры и один из способов идентификации при межкультурной коммуникации. В статье излагается анализ опроса русских и китайских студентов, в результате которого выделено универсальное и специфическое в культуре питания двух народов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, гастрономический дискурс, русская и китайская кухня

Благодарности: Автор выражает признательность ее научному руководителю Елене Владимировне Харченко за поддержку, помощь в проведении опроса и консультирование при проведении настоящего исследования.

Для цитирования: Ван Ю., Харченко Е. В. Гастрономический дискурс как важная составляющая национальной лингвокультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 66–73. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-66-73.

Original article

GASTRONOMIC DISCOURSE AS A COMPONENT OF NATIONAL LINGUOCULTURE

Yuying Wang¹, Elena V. Kharchenko²

^{1,2} South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

¹ alinawangyuying@gmail.com

² ev-kharchenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the understanding of gastronomic discourse in Russian and Chinese linguistic cultures. In this paper, national food and its taste are considered as an important part of culture and one of the means of identification in intercultural communication. The article presents an analysis of a survey of Russian and Chinese students, as a result of which the universal and specific in the food culture of the two peoples are highlighted.

Keywords: international communication, gastronomic discourse, Russian and Chinese dishes

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to her scientific adviser Elena Vladimirovna Kharchenko for her support, assistance in conducting the survey and consulting during the conduct of this study.

For citation: Wang Yu, Kharchenko EV. Gastronomic discourse as an important component of national linguo-culture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):66-73. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-66-73.

Введение

Для анализа гастрономической культуры России и Китая сначала необходимо определить следующие термины: «гастрономический дискурс», «глюттонический дискурс», «кулинарный дискурс». Во многих работах ученых (например, Е. С. Руфовой, М. В. Ундринцовой, К. М. Федоровой) эти определения являются синонимичными. Автор работы «Гастрономический дискурс» — А. В. Олянич — ввёл это понятие в 2003 году и определил его как «смешанный тип коммуникации, личностно-ориентированный, проявляемый в бытовой сфере общения, и статусно-ориентированный, носящий институциональный характер» [6. С. 159]. М. В. Ундринцова, основываясь на этом определении, добавила, что «под глуттоническим дискурсом понимается особый вид вербально-социального дискурса в совокупности с социально-культурными, религиозно-этическими, лингвофилософскими свойствами, целью которого является достижение глуттонической коммуникации» [7. С. 86]. Н. П. Головницкая в своей работе дала похожую трактовку гастрономического дискурса: «смешанный тип коммуникации, личностно-ориентированный, проявляемый в бытовой (обиходной) сфере общения, и статусно-ориентированный, носящий институциональный характер» [3. С. 15]. По словам А. Ю. Земскова и Л. Р. Ермаковой, гастрономический дискурс является «сложным коммуникативным явлением... которое соотносится с языковым отражением физиологических потребностей человеческого организма в области пищевых предпочтений» [4. С. 14]. Без сомнения, питание является не только важной потребностью для физического выживания человека, но и значимой частью народной культуры. Еда часто сопровождает традиционные праздники, ритуалы и межкультурные контакты. Можно сказать, что прием пищи во время общения создает приятную и непринуждённую атмосферу, закладывает основу для культурного обмена между людьми. Поскольку гастрономический дискурс несет в себе элементы личной и национальной идентификации, изучение гастрономической культуры имеет важное значение в контексте взаимодействия между носителями китайской и русской лингвокультуры.

Результаты и их обсуждение

Язык представляет собой сложное явление, с его помощью описывается окружающий мир. Е. Ю. Бутенко считает, что «поскольку культуры познаются в сравнении, то и „культурное“ в смыс-

ле выявляется в сопоставительном анализе и задается менталитетом народа» [2. С. 326].

На сегодняшний день интерпретация культурных кодов представляет сложную задачу, так как опрос носителей языка позволяет выявить ментальные образы мира у представителей того или иного этноса. При изучении языкового сознания и национально-культурной специфики это считается одним из самых эффективных способов.

В связи с вышесказанным, для понимания русской и китайской глуттонической культуры, мы провели эксперимент. В качестве испытуемых выступили 47 русских студентов — филологов, изучающих китайский язык, и 43 китайских студента, которые специализируются в русском языке. Студентам были предложены вопросы, которые были зеркальными для русских и китайских студентов. Ответы испытуемых также фиксировались в письменном виде. Отвечать можно было как на русском, так и на китайском языке. Ответы на китайском языке впоследствии были переведены на русский.

Для понимания того, насколько студенты в общем знают глуттоническую культуру другой страны, был задан такой вопрос «Что вы знаете о культуре питания в Китае (блюда, традиции, запреты, необычное и другое)? Приведите примеры». В итоге мы получили 43 ответа от русских студентов и 38 ответов от китайских студентов. Стоит отметить, что несколько слов в ответах русских студентов часто повторяются: *острый (18), палочки (13), рис (13) и чай (7)*. Далее студентам предлагалось высказаться по следующим темам: вкус, столовые приборы, типичные блюда, традиции и обычаи, этикет за столом, китайская философия и др. Приведем ответы русских студентов по этим темам:

- вкус: «*Блюда в Китае совмещают различные вкусные компоненты: кисло-сладкое, солено-острое, остро-пряная и т.д. Еда в Китае для европейцев кажется очень острой, а та еда, что для нас является пресной, для китайцев кажется сладкой*» // «*Китайская кухня очень острая. А также сладкая. Может быть сладким мясо, сало (что для русских очень необычно). Нет молочных продуктов (сыр, творог, сметана). Китайские блюда: пекинская утка, хого, рис, лапша, пельмени, свинина в соусе*»;
- столовые приборы: «*В Китае едят палочками. Блюда в основном острые. Необычно, что супы очень жидкие*» // «*В Китае принято*

есть палочками. Основными блюдами считаются хлеб, лапша, лепёшки. Традиционно мясо всегда было дорогим удовольствием. Кухня в Китае различается в разных провинциях — например, на юге еда более сладкая;

- типичные блюда: «Самое популярное блюдо — это утка по-пекински. В Китае принято есть лунные пряники во время праздника середины осени, а каждый год 5-го числа 5-го месяца китайцы устраивают гонки на драконьих лодках и едят цзуюцзы» // «Китайские пельмени, лапша, утка по-пекински, 月饼, чай, пить много горячей воды»;
- традиции и обычаи: «На Новый год готовят очень много блюд, вкусные пельмени»;
- этикет за столом: «Принято приступать к еде только после того, как старшие по возрасту приступают»;
- китайская философия: «Чтобы не нарушать гармонию Инь и Янь, перед приемом пищи китайцы обязательно соблюдают традиционный этикет».

Из 47 ответов русских студентов на этот вопрос было 4 отказа и 2 очень подробных, например: «В Китае преобладает в пище не «чистый» вкус, а кислый, сладкий, солёный и острый. В больших количествах используют приправы. Принято, чтобы показать хозяину, что еда была вкусной, нужно оставить немного еды на тарелке. Запрещено втыкать палочки в рис» // «В Китае принято, чтобы была общая чаша с едой, откуда все раскладывают себе по тарелкам. В Китае в большинстве случаев едят палочками. На юге в основ-

ном едят рис, на севере — лапшу. В Китае принято все доедать до конца, это признак уважения к хозяину». Можем отметить, что в этих ответах студенты продемонстрировали разные мнения о китайском этикете за столом (следует оставлять еду в тарелке или нет). Важно отметить, что нет точного ответа на этот вопрос. В разных регионах Китая имеются разные обычаи, поэтому это зависит от ситуации: если хозяин много приготовил, то до конца доедать все в тарелке не считается обязательным; если хозяин приготовил не так много из экономии, то стоит все доесть, чтобы не разочаровать хозяина. Некоторые считают, что это говорит не о нехватке еды, а показывает, что приготовленные блюда очень вкусные. Необходимо подчеркнуть, что блюда в общих тарелках можно как оставить, так и съесть полностью, но в личной миске или тарелке не принято оставлять еду, нужно всё доесть, недоеденная пища — признак расточительства. В процессе приема пищи хозяин, ухаживая за гостями, делится с ними блюдами, но если блюдо гостю не нравится, то он может выразить свой отказ вежливо с улыбкой вместо прямого отказа. Например: 太感谢了,我自己来就可以了 (Благодарю, давай я сам).

Что касается ответов китайских студентов, то высокочастотными словами являются: хлеб (13), борщ (11), салат (4) и блины (4). Китайские студенты выразили свое мнение по следующим аспектам: типичные блюда, порядок подачи блюд, традиции и обычаи, этикет за столом и др. Приведем ответы китайских студентов по этим аспектам (рис. 1).

- типичные блюда: «红菜汤是文化, 大串印象深刻» («Борщ является частью культуры, от шашлыка у меня осталось глубокое впечатление») // «红菜汤, 奶渣饺子, 土豆馅饺子» («Борщ, пельмени с творогом, пельмени с картошкой»);
- порядок подачи блюд: «俄餐第一道菜一般是汤, 喝酒前习惯说祝酒辞等等» («Первым блюдом русской кухни обычно является суп, а перед тем, как выпить, принято произносить тосты и так далее») // «俄菜一般要上三次菜: 汤, 主菜, 甜点一般用面包和盐礼待客人最为特色的菜为鱼子酱» («Русскую кухню обычно подают трижды: суп, второе блюдо, десерт.

Обычно угощают гостей хлебом-солью, самое отличительное блюдо — икра»;

- традиции и обычаи: «上菜上单数, 上菜有顺序前菜 主菜 甜点等等, 吃饱了可以用手在脖子前比一下, 表示吃不下了, 等等» («Блюда подаются в нечетном количестве, и блюда подаются по порядку. Закуски, основные блюда, десерты и т. д., Вы можете использовать руку, чтобы показать жест у шеи, когда вы наелись, и т. д.»);
- этикет за столом: «吃西餐, 请左手持叉, 右手持刀, 面包用手拿» («При приеме блюд западной кухни держите вилку в левой руке, нож — в правой, хлеб — в руке»).

Рис. 1. Фрагмент глуттонического дискурса, посвященного русской (западной) кухне

Fig. 1. An excerpt of gluttonic discourse dedicated to Russian (Western) cuisine¹

¹ Перевод здесь и далее наш — Ван Юйин.

Стоит отметить, что из 43 опрошенных китайских студентов шестеро ответили отказом, трое по

разным аспектам дали развернутое описание, приведем один из примеров (рис. 2; перевод см. ниже).

Россиянская култура имеет важные символические значения: хлеб символизирует богатство и урожай, соль имеет отпугивающее значение; хлеб с солью символизирует гостеприимство и благополучие. В начале и в конце трапезы россияне съедают кусок хлеба, который обмакнули в соль, чтобы выразить свое пожелание удачи. Таким образом, русская традиция встречать гостей хлебом-солью показывает благополучие хозяина, а также выражает гостеприимство и уважение к гостям. Этот обычай постепенно стал важ-

но с мясным или грибным бульоном. Добавляют сметану или гречку. Каши к супу очень соответствуют русским вкусам. Первое блюдо русской еды – суп, с научной точки зрения это очень хорошая привычка, потому что суп перед едой может эффективно согреть желудок, унять аппетит и принести пользу для здоровья. Помимо черного хлеба и супа, на столе в русских семьях также не-

Рис. 2 Фрагмент описания, посвященного русской (западной) кухне
Fig. 2. An excerpt of a description dedicated to Russian (Western) cuisine

«Питание может отражать характер данной нации. Русские смелые и прямые, честные и искренние, их традиционная диета относительно проста. У россиян нет высоких требований к пище, она должна быть только сытная и горячая. Этому стандарту соответствуют супы и черный хлеб, поэтому это стало традиционной едой россиян. Черный хлеб твердый и грубый снаружи, кислый и соленый. Его выпекают из муки, гречки, овса и другого сырья. Дрожжи, используемые для брожения, содержат множество витаминов и биологических ферментов. Корочка твердая и имеет темный цвет, что немного похоже на северную *馒头* (китайскую пампушку). Если оставить ее на несколько дней, то будет слишком сложно жевать. Но, с другой стороны, это также гарантирует, что она не испортится. Черный хлеб — самый древний и самый ценный продукт в России. Хлеб и соль имеют важное символическое значение в русской культуре питания: хлеб символизирует достаток и хороший урожай, соль означает отпугивание злых духов. В начале и в конце трапезы россияне съедают кусок хлеба, который обмакнули в соль, чтобы выразить свое пожелание удачи. Таким образом, русская традиция встречать гостей хлебом-солью показывает благополучие хозяина, а также выражает гостеприимство и уважение к гостям. Этот обычай постепенно стал важ-

ной частью ритуала при встрече с уважаемыми гостями. Помимо черного хлеба, в России широко любят суп. В повседневном рационе россиян самый распространенный суп — это суп из квашеной капусты, говядины или свинины. Помимо капусты, добавляют картофель, морковь и красную свеклу. Люди едят его, добавив в тарелку с супом ложку сметаны, чтобы было вкуснее. Кроме того, суп с квашеной капустой также оказывает отвлекающее действие. Русские любят пить водку, и поэтому особенно необходимо пить суп из квашеной капусты. Традиционным русским супом является свекольный суп, также известный как *борщ*, который подают с черным хлебом, он имеет сладковатый вкус, сильный аромат и более приятный запах. В России наиболее популярны щи. Есть старинная русская поговорка: «Щи да каша — пища наша». Щи готовят из свежей капусты или маринованного корня квашеной капусты, затем нужно добавить молодой крапивы и кислых булочек, после чего отваривают всё это с мясным или грибным бульоном. Добавляют сметану или гречку. Каши к супу очень соответствуют русским вкусам. Первое блюдо русской еды — суп, с научной точки зрения это очень хорошая привычка, потому что суп перед едой может эффективно согреть желудок, унять аппетит и принести пользу для здоровья. Помимо черного хлеба и супа, на столе в русских семьях также не-

заменяемы мясо и сахар. Неважно, в старину или сейчас, эти два вида пищи являются жизненно необходимыми для россиян. Привычка к употреблению высококалорийной пищи определяется холодным климатом России. Россия находится в холодно-умеренном поясе, и зима здесь относительно долгая, поэтому россияне могут противостоять ветру и холоду, удовлетворяя физиологические потребности в еде только путём употребления в пищу высококалорийные продуктов питания. Отсюда мы можем заметить, что на культуру питания страны также влияет климатическая среда. Русские любят есть мясо и пить молоко. Стейки, котлеты и колбасы тоже являются любимыми блюдами русских. Россия расположена недалеко от моря, и рыболовство относительно развито, поэтому, помимо свинины, говядины и баранины, россияне также часто едят рыбу. Видно, что на культуру питания страны влияет сочетание природных и климатических условий, а не только личные предпочтения»).

Наблюдение приводит к следующему выводу: несмотря на то, что учащиеся изучают язык другой страны, при восприятии и понимании чужой культуры существует когнитивное искажение. Л. А. Боброва указывает на то, что «на появление когнитивных ошибок сильное влияние оказывают социальные и культурные установки» [1. С. 71]. Мы согласны с этой точкой зрения, особенно в глоттоническом дискурсе, так как, по мнению К. М. Федоровой и Е. С. Руфовой, этот дискурс «по своей форме и структуре содержит большой набор экстралингвистических свойств. Он отражает культурные, языковые, религиозные, этнические и идеологические картины мира и является частью гастрономической картины мира» [8. С. 47]. Например, в ответе русского студента о китайской культуре был представлен такой ответ: «Если часто сильно чавкать, то это выражает ваше уважение и удовольствие». Стоит отметить, что это очень распространённое мнение в России. Однако китайцев также с детства учат, что нельзя чавкать во время еды, это составляющая этикета за столом, хотя некоторые все-таки нарушают это правило. В ответе китайского студента о русской культуре было такое утверждение: «不吃猪肉» («Не едят свинину»). Без сомнения, иудеи и мусульмане, живущие в России, свинину не едят, но для прочих русских есть свинину — это нормально. Кроме этого, результаты исследования также показали, что на процесс переименования чужой культуры большое влияние оказывает наличие стереотипов, например, ответ русского студента: «Любимое блюдо китайцев — это рис.

Они не едят хлеб. Китайцы не любят кофе и молоко», — не верен. Китайцы едят хлеб, пьют кофе. Много считают, что китайцы не пьют молоко либо из-за непереносимости лактозы, либо они молоко совсем не любят. Частично это правда, однако не для всех. Любит ли конкретный китаец кофе и молоко зависит от личного вкуса человека. Со стороны китайских студентов тоже прослеживаются стереотипы, например: «送女人礼物不能送酒, 不然以为是酒鬼» («Если хочешь подарить женщине подарок, то нельзя дарить алкоголь, так как она может подумать, что вы считаете ее пьяницей»). В Китае алкоголь дарят обычно мужчине, например, мужчине старшего поколения, высокого статуса и т. д. В России независимо от пола и социального положения можно дарить алкоголь любому человеку, если ты с ним близко знаком или в знак благодарности.

Без сомнения, когда человек пытается принять и понять другую культуру, перед ним возникают определенные сложности. И тогда, как правило, он прибегает к помощи своих знаний, к наблюдениям за поведением представителей данной культуры, изучению информации, которая выложена в интернете и, используя другие методы, разбирается в непонятных культурных явлениях. Но, как говорит Л. В. Чеснокова, «средства массовой информации зачастую тиражируют имеющиеся стереотипы, транслируя готовые упрощенные схемы и шаблоны, которые преувеличивают черты сходства и игнорируют различия представителей других культур» [10. С. 91]. Важно отметить, что носители другой культуры, воспринимая новую информацию, в первую очередь, склонны сравнивать полученные знания с элементами своей культуры, пробовать найти схожие явления. И для более легкого понимания в этом процессе бессознательно игнорируют различия между культурами. На самом деле, только когда это явление воспринимается как новое, чужую культуру проще понять и воспринять.

К. М. Федорова и Е. С. Руфова в своей работе цитируют слова А. В. Олянич, указывая на то, что «еда (пища) и связанный с ней дискурс представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы «культурный капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), тендерные характеристики и характеристики социальные (классовые)» [6. С. 46]. Вкус как важный компонент глоттонического дискурса играет значительную роль. В работе «Гастрономический дискурс» А. В. Олянич также указывает, что «восприятие вкуса находится в различной лексико-семантической сочетаемости и обладает

спецификой имплицитного и эксплицитного выражения в разных лингвокультурах» [5, С. 158]. Иными словами, люди принимают и выражают вкус по-разному, в соответствии со своей родной культурой. Безусловно, вкусовые предпочтения у каждого человека индивидуальны, но в целом в Китае есть основной принцип распределения вкусовых предпочтений по местонахождению. Если обобщить, то блюда на юге Китая сладкие, на севере — солёные, на востоке — острые, и на западе — кислые. Для понимания того, насколько русским студентам это известно, мы в левой части таблицы перечислили эти четыре направления, а четыре вкуса перечислили в правой части таблицы. Студентам нужно было линиями соединить их, опираясь на свои знания о китайской культуре. По результатам данного вопроса, мы обнаружили, что из 47 русских студентов правильно выбрали вкус, предпочитаемый на юге — 12 (25.53 %), на севере — 14 (29.79 %), на востоке — 11 (23.40 %) и на западе — 15 (31.91 %). В русской кухне нет такого принципа распределения вкусовых предпочтений, поэтому мы задали следующий вопрос китайским студентам: «Как вы думаете, какая разница между китайскими и русскими блюдами?» Что касается китайских студентов, они в своих ответах выделили следующие аспекты: вкус, привычка, связанная с питанием, выбор ингредиентов, способ приготовления, вид блюд, использование приправ, использование столового прибора. По мнению Е. А. Чередниковой и Т. В. Евсюковой, «вкусовые ощущения воспринимаются в процессе еды, которая занимает первое место на аксиологической шкале человеческого сообщества» [9, С. 108]. Стоит отметить, что в ответах на этот вопрос аспект «вкус» по частотности упоминаний занимает первое место среди китайских студентов (16 из 43 студентов написали об этом). Приведём типичные ответы (рис. 3, 4):

На основании полученных в результате анализа данных, можно сделать вывод о том, что 1) в обеих культурах есть интерес к гастрономической культуре; 2) существуют стереотипы о правилах приема пищи в другой культуре; 3) в русской и китайской культурах существует разница в выделении некоторых аспектов. Так, в китайской культуре важное место занимает вкус. По мнению китайских студентов, по сравнению с русской кухней, китайская использует больше видов ингредиентов и способов приготовления. А со стороны вкуса — китайское питание более смешанное, русское — более чистое. Стоит отметить, что по ответам русских студентов мало из них знают китайское

вкусовое предпочтение по месту нахождения Китая, хотя они изучают китайский язык.

«中餐讲究色香味俱全, 中国大厨的手艺更是各具特色! 俄罗斯更喜欢用保存原有营养和状态的情况下烹饪, 没那么多花里胡哨» («Китайская еда полна вкусов и ароматов, а мастерство китайских поваров уникально! Русскую еду предпочитают готовить с сохранением первоначального состояния и питательности, без сложных вкусов и приправ») // «俄餐口味集中, 少用食材和调料» («Русская еда имеет концентрированный вкус, при приготовлении используется меньше приправ и разнообразных ингредиентов») // «中餐多以炒为主, 味偏辣! 俄餐相对清淡、以煮食偏多!» («Китайская еда в основном жареная и острая, русская еда относительно легкая, в большинстве тушёная»).

Рис. 3. Фрагменты о вкусе еды
Fig. 3. Excerpts on the taste of food

«中餐合餐制, 俄餐分餐制» («В китайской кухне принято есть все блюда на одной тарелке, а в русской кухне все блюда будут подаваться на разных тарелках») // «中餐食材丰富, 蔬菜占食材很大一部分, 俄餐食材比较单一, 食材以肉类为主» («Китайская еда богата ингредиентами, и большая часть ингредиентов — это овощи. Русская кухня относительно проста, а ее ингредиенты, это в основном мясо») // «中式炒菜偏多, 俄式偏煎烤» («Китайские блюда обычно жарятся в сковороде, а русские — на гриле»); «中餐几乎没有冷盘, 俄餐有冷盘, 中餐的主食以米饭 面条为主, 俄餐更多是面包, 土豆等, 而且绿叶蔬菜在一餐中的占比也比较少» («В китайской кухне почти нет холодного ассорти, а в русской есть. Основные продукты китайской кухни — это в основном рис и лапша, в русской кухне больше хлеба, картофеля и т. д., листовые овощи занимают меньше места в русской кухне») // «中餐中会加入较多的香料, 且菜色较多, 俄餐香料会少一些» («В китайскую еду добавляют больше специй, и ассортимент блюд шире, чем в русской кухне, в русскую еду добавляют меньше специй») // «中餐用筷子» («Палочки для китайской еды»).

Рис. 4. Фрагменты об особенностях приготовления и употребления пищи
Fig. 4. Excerpts about the features of cooking and eating

Заключение

Таким образом, мы пришли к выводам, что кухня, блюда и питание несут в себе богатую информацию о культуре; представители разных культур склонны переоценивать свою культуру и ее

составляющие (в том числе пищу) и недооценивать другие. Во-вторых, часто происходит смешение близких к чужой культуре блюд. Например, китайские студенты путают русскую, украинскую и белорусскую еду, а русские — китайскую, японскую и вьетнамскую.

В заключение хочется сказать, что понимание языка не означает понимание культуры. Кроме языка, отражение культуры имеет ещё много вариантов, например: традиции и обычаи, праздни-

ки, культура питания и т. д. Стоит отметить следующее: многие считают, что культура питания не так важна, однако мы считаем, что для эффективной межкультурной коммуникации нужно иметь представления о важных правилах приема пищи в другой стране. Понимание культуры питания не только помогает понять культуру другой страны, но и избежать недоразумений и конфликтов во взаимодействии при межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Боброва Л. А. Когнитивные искажения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 2021. № 2. С. 69–79.
2. Бутенко Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2008. № 26. С. 321–328.
3. Головницкая Н. П. Лингвокультурные концепты «пища» и «das Essen» в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глуттонических номинаций) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (20). С. 14–18.
4. Ермакова Л. Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 236 с.
5. Олянич А. В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2 (19). С. 157–160.
6. Олянич А. В. Потребности — дискурс — коммуникация : монография. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.
7. Ундрцова М. В. Гастрономический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2012. № 2. С. 86–91.
8. Федорова К. М., Руфова Е. С. Глуттонический дискурс как объект лингвистического исследования // Наука, образование и культура. 2016. № 9 (12). С. 45–48.
9. Чередникова Е. А., Евсюкова Т. В. Вербализованная категория вкуса как компонент гастрономического дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 108–112.
10. Чеснокова Л. В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт. 2015. № 4. С. 91–95.

References

1. Bobrova LA. Cognitive distortions. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3. Filosofiya = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 3. Philosophy.* 2021;(2):69-79. (In Russ.).
2. Butenko EY. Basic units of cultural linguistics. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH) = Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH).* 2008;(26):321-328. (In Russ.).
3. Golovnickaya NP. Linguistic and cultural concepts “food” and “das Essen” in comparative coverage (semantics of Russian and German gluttonic nominations). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University.* 2007;(2(20):14-18. (In Russ.).
4. Ermakova LR. Glyuttonicheskiye pragmatonimy i natsional'nyy kharakter = Gluttonic pragmatonyms and national character. Thesis. Belgorod, 2011. 236 p. (In Russ.).
5. Olyanich AV. Gastronomic discourse. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi.* 2015;(2(19):157-160. (In Russ.).
6. Olyanich AV. Potrebnosti — diskurs — kommunikatsiya = Needs — discourse — communication. *Volgograd: Paradigma; 2004. 507 p.* (In Russ.).
7. Undricova MV. Gastronomic Discourse: Linguo-cultural and Translation Aspects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda = Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation.* 2012;(2):86-91. (In Russ.).

8. Fedorova KM, Rufova ES. Gluttonic discourse as an object of linguistic research. *Nauka, obrazovaniye i kul'tura = Science, Education and Culture*. 2016;(9(12):45-48. (In Russ.).

9. Cherednikova EA, Evsyukova TV. Verbalized category of taste as a component of gastronomic discourse. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki = News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences*. 2012;(1):108-112. (In Russ.).

10. Chesnokova LV. Stereotypes in intercultural communication. *Kontsept = Concept*. 2015;(4):91-95. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. Ван — аспирант института лингвистики и международных коммуникаций.

Е. В. Харченко — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного.

Information about the authors

Yuying Wang — postgraduate student of the Institute of Linguistics and International Communications.

Elena V. Kharchenko — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.581.11

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-74-79

КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СЕМАНТИКЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Татьяна Геннадьевна Волошина¹, Яна Владимировна Лазарева²,
Наталья Николаевна Копытина³

^{1,2,3} Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹ tatianavoloshina@rambler.ru

² lazareva_ya@bsu.edu.ru

³ kopytina@bsu.edu.ru

Аннотация. Исследование выполнено в рамках лингвокультурной парадигмы на стыке культурологии, лингвокультурологии и семантики. Статья посвящена анализу культурного фона устойчивых выражений на примере британской лингвокультуры. Предлагается обзор ценностей как культурологических категорий. Раскрывается понятие «ценность». Детализируются типы ценностей, предлагаются их краткие характеристики. Предпринимается попытка анализа ценностей британского народа, хранящихся в семантике устойчивых выражений.

Ключевые слова: язык и культура, лингвокультурологическая категория, культурные ценности, характеристики типов ценностей, семантика устойчивых выражений

Для цитирования: Волошина Т. Г., Лазарева Я. В., Копытина Н. Н. Культурная составляющая в семантике устойчивых выражений // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 74–79. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-74-79.

Original article

CULTURAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF SET EXPRESSIONS

Tatyana G. Voloshina¹, Yana V. Lazareva², Natalya N. Kopytina³

^{1,2,3} Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

¹ tatianavoloshina@rambler.ru

² lazareva_ya@bsu.edu.ru

³ kopytina@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with a study at the intersection of cultural studies, linguoculturology and semantics. It is devoted to the analysis of the cultural background of stable expressions on the example of British linguoculture. An overview of values as cultural categories is offered. The concept of “values” is revealed. The types of values are detailed, their brief characteristics are offered. An attempt is made to analyze the values of the British people stored in the semantics of set expressions.

Keywords: language and culture, linguoculturological category, cultural values, characteristics of values types, semantics of set expressions

For citation: VoloshinaTG, Lazareva YaV, Kopytina NN. Cultural components in the semantics of set expressions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):74-79. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-74-79.

Введение

Лингвокультурология считается одной из новых отраслей современного языкознания. Как новая научная парадигма она характеризуется несколькими этапами становления, когда, отделяясь от лингвострановедения, были утверждены объект и предмет исследования, собственные принципы анализа языкового материала и выработаны категории. «Своеобразие лингвокультурологии определяется тем, что новые парадигмы современного языкознания, окончательно укрепив свои позиции в лингвистике XXI века, предполагают не столько взаимодополнение, сколько глубинное имплицитное взаимодействие лингвистики, психологии и культурологии на уровне общей методологии и частных методов» [1. С. 6].

На современном уровне развития науки многие исследования проводятся на стыке нескольких наук. Психологи осознают, что дальнейшее изучение мозга и процессов, которые в нем происходят, станет возможным только в результате интеграции ряда смежных наук. Выдвигается вопрос: человек получает информацию об окружающем его мире, но каким образом эта информация отражается в его мозге? Каков сам процесс получения информации, её обработка мозгом и формирование ценностно-смысловой интерпретации?

Ученые предполагают, что «объективность знания — всегда и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия... содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение» [2]. В связи с этим была поставлена проблема: как происходит процесс внутренней репрезентации знаний и каковы механизмы отражения мира в сознании человека. Об этом много писали исследователи: Д. Р. Андерсон, работающий над теорией когнитивной нейронауки [3]; американский психолог, один из создателей когнитивной психологии У. Найссер [9], Р. Л. Солсо [10].

Для нашего исследования важно отметить детали процесса формирования смыслов и ценностей. Данный процесс состоит из нескольких этапов. Суть первого этапа состоит в том, что смысловые установки направляются на определенный предмет или явление реального мира. Далее, этот предмет или явление постепенно наполняются новым смыслом, существенным для определенного человека или социума. Постепенно смысл становится важным для определенного человека или социума и начинает мотивировать их деятельность. С течением времени образуется груп-

па предметов или явлений реального мира, которые наполнены новыми смыслами. Позднее формируется ценностно-смысловое пространство для определенного человека или социума. По мнению учёных, работающих в разных направлениях науки, процесс формирования смыслов имеет разные основы: «Жизнь человека — процесс формирования смыслов» [7. С. 147]. «Итак, под чтением понимается процесс формирования смыслов, стимулируемый текстом...» [4], «Центром смыслового образования считается система личностных смыслов индивида к общечеловеческим вневременным смыслам» [8. С. 97] и др.

Ценностно-смысловое пространство не гомогенно. Одной из его частей является ценностно-символическая интуиция, которая определяет адекватную передачу смысла предмета или явления реального мира. Ценностно-смысловое пространство основывается на ценностях, которые представляют собой особые культурологические категории. Существует мнение: «Опираясь в том числе и на комплексный характер феномена ценностных ориентаций личности, С. Шварц и В. Билски построили теорию „универсальных типов ценностей“, в основу которой была положена гипотеза о наличии у людей любой культуры „универсальной структуры ценностей“, состоящих из отдаленных друг от друга мотивационных областей» [5. С. 211].

Ценности, выделяемые в лингвокультурологии, подразделяются на типы. К группе *витальных ценностей* относят наиболее определяющие, жизненно-важные ценности. Данная группа включает понятия «жизнь», «здоровье», «среда обитания человека и социума» и т. д. Не менее важной группой являются *социальные ценности*. Группу создают ценности: статус человека в обществе; различные качества, соотносимые с жизнью человека в обществе; отношение к труду, финансам и т. д. В указанной группе существует подгруппа ценностей, связанных с семьей. *Политические ценности* образуют еще одну группу ценностей. Свобода слова, гражданские свободы, законодательство — ценности группы. *Религиозные ценности* включают в себя традиции общества в сфере религии. Особая группа *моральных ценностей* состоит из отношения общества к понятиям: «добро» и «зло»; «порядочность» и «непорядочность»; «долг», «честь», «дружба», «любовь». К группе *эстетических ценностей* относят понятия: «гармония», «идеал», «красота» и др.

В языке ценности могут быть представлены неодинаково. В соответствии с критерием «степень представленности духовных ценностей в языке»

различают *общечеловеческие ценности*, которых придерживаются многие народы. В жизни определенного общества распознаются *национальные ценности*, они характеризуются материальной направленностью и конкретными установками на поведение. Этот вид ценностей формирует уникальность культуры народа, которая отличает её от этнокультуры другого народа.

Помимо указанных двух больших групп духовных ценностей, выделяют несколько маленьких, но не менее важных, видов ценностей. *Групповые ценности* отражают стереотипы поведения, отношение к предметам и явлениям реального мира, свойственные группам людей, объединенных по возрасту, профессии, месту жительства и т. д. *Семейные ценности*, чьим источником является семья, которая сама по себе рассматривается как ценность в культуре многих народов.

Материалы и методы

Для изучения теоретического и практического материала исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукция и дедукция. Организация и обобщение теоретического материала были проведены с помощью метода металингвистического анализа. Описание корпуса фактического материала велось с помощью методов дефиниционного и контекстуального анализа, систематизации и классификации языкового материала.

Результаты и обсуждение

Исследование выявило, что все типы и виды духовных ценностей отображаются в виде коннотативных сем в семантике специфичных языковых единиц разных уровней, которые называются культурно-маркированными единицами. Такие языковые единицы существуют в системе всех языков, в их семантике содержится информация о культуре народа, о его ценностях. Исследуя семантику таких языковых единиц, становится возможным понять, какие ценности выделяются народом как приоритетные.

Цель статьи — провести анализ коннотативных сем, несущих культурную информацию в семантике устойчивых выражений в системе английского языка.

Take to something like a duck to water «чувствовать себя как утка в воде» (ср. русскую идиому «чувствовать себя как рыба в воде»): (образно) начиная делать что-либо, чувствовать себя естественно и комфортно. (Simile, idiomatic) very naturally; without effort; to do something very quickly and

enjoy doing it, easily and naturally, to have a usual aptitude to do something. (Сравнение, идиома) естественно; без усилий; делать что-то очень быстро и получать от этого удовольствие, легко, иметь обычную способность что-то делать [13].

Культурная коннотация в рассматриваемом примере положительна, она основана на информации о культурном фоне идиомы: в британской культуре вода всегда представляла собой ценность: люди чувствовали себя комфортно, в безопасности рядом с водой. Именно вода обеспечивала базовые потребности человека, поэтому она высоко ценилась не только в древние времена, но и в современном британском обществе.

В семантике идиомы заложена информация о витальных ценностях. Вода — один из самых необходимых продуктов, который необходим человеку для жизнедеятельности. Этот тип ценностей относится к общечеловеческим ценностям.

Идиома основана на сравнении. Если она употребляется вместе с глаголом, то она выполняет номинативно-коммуникативную функцию.

Рассмотрим культурную составляющую идиомы на примере книги Д. Эррола (D. Errol), которая посвящена истории его семьи, начиная с описания жизни прапрадеда — работоторговца и заканчивая автобиографическими очерками автора о собственной жизни.

Perhaps it was because she was forced to speak Dutch earlier and that when she learned English, she took to it like a duck to water (Возможно, все трудности были вызваны тем, что раньше ее заставляли говорить по-голландски, но когда она смогла выучить английский, то смогла свободно излагать свои мысли — буквально «плавала как утка в воде», то есть свободно адаптировалась) [11].

Контекст, содержащий изучаемую идиому, взят из главы, посвященной жизни бабушки писателя, которая знала несколько языков. Автор употребляет идиому как метафору, указывающую на то, с какой легкостью бабушка могла учить иностранные языки и насколько свободно могла говорить на иностранных языках — также естественно, как утка плавать по воде.

To go through fire and water «пройти сквозь огонь и воду»: (образно) символизирует преодоление препятствий волевым человеком, который стремится прийти к своей цели. To experience many difficulties or dangers in order to achieve something (испытать множество трудностей или опасностей, чтобы чего-то достичь) [13].

Культурная коннотация приведенной идиомы положительна. Она указывает на качества

человека, у которого сильный характер и непреодолимое желание достичь своей цели, что расценивается как необходимость при достижении успеха. Умение проявлять силу воли и характер, отстаивать свою точку зрения и убеждать других, проявлять целеустремленность в сложных ситуациях — все эти качества принято воспитывать в детях с самого раннего детства в культуре Великобритании. Этимология выражения восходит к Средневековью, когда одним из самых распространенных способов проверки виновности или невиновности обвиняемого, служила его способность пройти по раскаленному железу и выплыть связанным, в воде [13].

Устойчивое выражение является идиоматическим выражением (*tournaire idiom*) и выполняет номинативно-коммуникативную функцию, так как его основной компонент представлен глаголом.

Изучаемая идиома интересна для анализа в контексте, взятом из автобиографии американской писательницы, которая после войны переехала с семьей в Новую Зеландию.

These experiences fore filled a prophecy told to me by a fortune-teller who predicted that I would have to go through fire and water to live at the other end of the earth (Эти переживания послужили основанием для пророчества, сказанного мне гадалкой, которая предсказала, что мне придется пройти через огонь и воду, чтобы жить на другом конце земли) [12. С. 5].

Книга автора описывает все трудности взросления маленькой девочки на фоне бурных периодов истории Российской империи и СССР, основные этапы которых составили Первая мировая война, голод в отдельных районах СССР, вторжение Германии на территорию СССР, Великая Отечественная война, угон советского населения в концлагеря. При описании страданий автор использует идиомы, подчеркивая, что трудности казались непреодолимыми препятствиями в процессе выживания маленькой девочки.

The apple never falls far from the tree «яблоко от яблони недалеко падает»: (образно) говорят, когда кто-то проявляет черты характера или ведет себя так же, как его родственники (особенно родители) [13].

Устойчивые выражения английского языка часто включают в свой состав компонент «дерево», в большей степени освещающий саму проблему, а также при установлении причинно-следственных связей между явлениями. Черты внешности и качества характера людей, их индивидуальные способности описываются с точки зрения оцен-

ки, причём, как правило, оценка бывает отрицательной, например: идиома *the apple never falls far from the tree*, акцентирует внимание на схожести родителей и потомков в основном не в лучших качествах.

Коннотация идиомы отрицательная. В большинстве контекстов выражение используется как порицание негативных действий и поступков детей, причиной которых служит образ жизни родителей, их действия и поступки. Коннотативная сема, несущая информацию о культурных ценностях британцев, выявляет два типа: социальные ценности и моральные ценности. Социальные ценности указывают на то, что негативные, порицаемые с точки зрения общества поступки родителей, часто наследуются следующим подрастающим поколением. Моральные ценности подчеркивают неправильность поведения родителей с точки зрения морально-этических норм поведения, принятых в обществе как эталон.

Семантика идиомы мотивированна и понятна на основании системного значения, так как она основана на соответствии сорта дерева и плода. Однако отрицательная коннотация не всегда является актуальной, иногда исследуемая идиома говорит и о положительных характеристиках, которые передались от родителей детям.

«The apple doesn't fall far from the tree is a proverb with uncertain origin. A proverb is a short, common saying or phrase that may be a famous quote, an inspirational quote, an epigram or the topic of a parable. These common sayings are language tools that particularly give advice or share a universal truth, or impart wisdom... the phrase the apple doesn't fall far from the tree came into the English language in the mid-1700s». Пословица — это короткое, распространенное высказывание или фраза, которая может быть известной цитатой, афоризмом, эпиграммой или темой притчи. Такие высказывания являются языковыми инструментами, которые, в частности, дают советы или делятся своей универсальной истиной, или передают мудрость народа [13].

Необходимо отметить, что в контекстах изучаемая идиома, как правило, используется с отрицательной коннотацией, например:

Basically, when an apple falls from a tree, it doesn't roll away far from where it lands. Got it? ... When I did something wrong, my mother used to say «the apple never falls far from the tree» (По сути дела, когда яблоко падает с дерева, оно не откатывается далеко от того места, где приземлилось. Понял?.. Когда я делал что-то не так, моя мама обычно говорила: «Яблоко от яблони недалеко падает») [14].

Контекст с идиомой взят из книги, написанной учителем, и содержит истории из реальной жизни, которые были рассказаны ему коллегами. Все истории разные, но, их объединяет желание разобраться в сложной ситуации, обратить внимание на психологические моменты поведения школьников и учителей. Отдельное внимание уделяется всем типам ценностей и необходимости их признания детьми и подростками.

Заключение

В настоящем исследовании мы еще раз убедились, что лингвокультурология — наука, изучающая наличие культурной информации в семантике языковых единиц разных уровней — отно-

сительно новая парадигма знания. Процесс формирования смысла непросто. Из смыслов языковых единиц строится общее ценностно-смысловое пространство языка. Рассмотренные идиомы показывают, что ценности присутствуют во всех сферах деятельности и оказывают влияние на поведение человека, его приоритеты, взаимодействие с миром. Помимо культурной информации в семантике языковых единиц заложена оценка того или иного предмета, события или явления. Оценка зависит от витальных, социальных, политических, религиозных, моральных или эстетических типов ценностей, которые приняты у определенного народа и которые отражаются в семантике языковых единиц.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2020. 288 с.
2. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М. : Академия наук СССР, 1957.
3. Андерсон Д. Р. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2002. 312 с.
4. Глазков А. В. Семантика: от слова к тексту. М. : Юрайт, 2022. 230 с.
5. Гусельцева М. Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М. : Смысл, 2016. 320 с.
6. Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М. : ИП РАН, 2021. 448 с.
7. Завалкевич Л. Психология эффективного менеджера. Гибкость. Эффективное управление. Психология менеджера. Книга 3. Процесс управления. М. : ЛитРес, 2015. 200 с.
8. Мосунова Л. Анализ художественных текстов. М. : Юрайт, 2021. 228 с.
9. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 232 с.
10. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб. : Питер, 2006. 589 с.
11. Errol D. The Rattling of the Chains. NY : Xlibris, 2015. 438 p.
12. Krecchowec M. Through Fire and over Water. NZ : Xlibris, 2018. 400 p.
13. ODoP — Oxford Dictionary of English Proverbs. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228> (дата обращения: 02.04. 2022).
14. Yevtishenkov I. School Stories in English and Russian. М. : ЛитРес, 2016. 110 p.

References

1. Alefirenko NF. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka = Linguoculture. Sense and value language space. Moscow: Flinta; 2020. 288 p. (In Russ.).
2. Rubinshtejn SL. Bytie i soznanie: O meste psihicheskogo vo vseobschej vzaimosvjazi javlenij materialnogo mira = Being and consciousness: about the place of physical in global relations of the material world. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1957. (In Russ.).
3. Anderson DR. Kognitivnaja psihologija = Cognitive psychology. St. Peterburg: Piter; 2002. 312 p. (In Russ.).
4. Glazkov AV. Semantika: ot slova k tekstu = Semantics: from word to text. Moscow: Jurajt; 2022. 332 p. (In Russ.).
5. Guseltseva M. Pozitivnaja sotsializatsija detej i podrostkov: metodologija i empirika = Positive socialization of children and teenagers: methodology and empiric. Moscow: Smysl; 2016. 320 p. (In Russ.).
6. Znakov VV. Psihologija ponimaniya mira cheloveka = Psychology of the man's world understanding. Moscow: IP RAN; 2021. 448 p. (In Russ.).

7. Zavalkevich L. Psihologija effektivnogo menedzhera. Gibkost. Effektivnoe upravlenie. Psihologija menedzhera. Kniga 3 Protsess upravlenija = Psychology of effective manager. Flexibility. Effective management. Psychology of a manager. Book 3. Managing process. Moscow: LitRes; 2015. 200 p. (In Russ.).
8. Mosunova L. Analiz hudozhestvennyh tekstov = Fiction texts analysis. Moscow: Jurajt; 2021. 228 p. (In Russ.).
9. Najsser U. Poznanie i realnost. Smysl i printsipy kognitivnoj psihologii = Understanding and reality. Sense and principles of cognitive psychology. Moscow: Progress; 1981. 232 p. (In Russ.).
10. Solso R. Kognitivnaja psihologija = Cognitive psychology. Saint Petersburg: Piter. 2006. 589 p. (In Russ.).
11. Errol D. The Rattling of the Chains. NZ: Xlibris; 2015. 438 p.
12. Krechowec M. Through Fire and over Water. NZ: Xlibris; 2018. 400 p.
13. ODoP — Oxford Dictionary of English Proverbs. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228> (accessed: 02.04.2022).
14. Yevtishenkov I. School stories in English and Russian. Moscow: LitRes; 2016. 110 p.

Информация об авторах

Т. Г. Волошина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка.

Я. В. Лазарева — ассистент кафедры второго иностранного языка.

Н. Н. Копытина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии.

Information about the authors

Tatiana G. Voloshina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of the Second Foreign Language.

Yana V. Lazareva — Assistant of the Department of the Second Foreign Language.

Natalia N. Kopytina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.42

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-80-87

УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ В ИРАНСКОЙ ЦЕРЕМОНИИ: ОПЫТ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК РЕЧЕВОГО АКТА БЛАГОДАРНОСТИ-ЭМПАТИИ

Асгар Годрати¹, Александр Иванович Полищук²

¹ Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, Asghar_ghodrati@atu.ac.ir, ORCID 0000-0002-6803-8211

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, polyshuk20@mail.ru, ORCID 0000-0002-4169-6775

Аннотация. Речевой акт «благодарность» в иранской лингвокультурной среде может передавать не только семантическое значение лексических единиц, в форме которых принято высказывать признательность, но и выражать широкий спектр эмоций, суммирующихся в понятии эмпатии. Это проявляется в разных формулах специфического иранского кода вежливости, известного как таароф. Разнообразие форм вежливости в персидском языке и их несовпадение с формами выражения благодарности в русском языке затрудняет понимание между реципиентами в связи с отсутствием адекватных аналогов при переводе. Был произведен анализ форм выражения речевого акта «благодарность» в русском и персидском языках. На его основании была предпринята попытка перевести иранские формы вежливости на русский язык и показать их большую вариативность в различных ситуациях общения. Проведенный анализ позволит понять различия в культурном коде носителей обоих языков и поможет избежать возможных недоразумений при общении, а также нацелит преподавателей персидского и русского языков на создание учебных материалов и методик для более целенаправленного коммуникативного обучения студентов обоих языков с учетом прагматики речи.

Ключевые слова: речевой акт «благодарность», эмпатия, церемония таароф, лингвокультура, перевод на русский, устойчивые обороты, клише

Для цитирования: Годрати А., Полищук А. И. Устойчивые обороты в иранской церемонии: опыт перевода на русский язык речевого акта благодарности-эмпатии // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 80–87. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-80-87.

Original article

STANDARD STABLE WORDINGS TO EXPRESS THANKING AND EMPATHY IN TRANSLATION OF THE IRANIAN TAAROF CEREMONY INTO RUSSIAN

Asghar Ghodrati¹, Alexander I. Polishchuk²

¹ Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, Asghar_ghodrati@atu.ac.ir, ORCID 0000-0002-6803-8211

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, polyshuk20@mail.ru, ORCID 0000-0002-4169-6775

Abstract. The speech act “gratitude” in the Iranian linguocultural environment can convey not only the direct meaning of lexical units in which it is customary to express gratitude on various occasions; but also a wide range of psychic emotions — the speaker’s empathies in various forms and formulas of a specific Iranian politeness code known as taarof. The variety of forms of politeness in the Persian language and their non-coincidence with the forms of expressing gratitude in Russian sometimes hampers understanding between recipients due to the lack of adequate correlates in translation. Based on the analysis of the forms of expression of the speech act “gratitude” in Persian and Russian and their comparison, we have made an attempt to translate these forms of politeness into Russian and show their great variability in various situations of communication. The performed analysis will make it possible to better and more fully understand the difference in the cultural code of the speakers of both languages and help them avoid possible misunderstandings in communication, as well as focus teachers of Persian and Russian on creating educational materials and methods for more targeted teaching of students of both languages, taking into account the speech pragmatics.

Keywords: speech act “gratitude”, empathy, taarof ceremony, linguoculture, translation into Russian, turns of speech, cliches

For citation: Ghodrati A, Polishchuk AI. Standard stable wordings to express thanking and empathy in translation of the Iranian taarof ceremony into Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):80-87. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-80-87.

Введение

Лингвокультурология

В последнее время чрезвычайно актуальными стали исследования языка в плане его взаимодействия с культурой. Лингвокультурология является новым самостоятельным направлением лингвистики, которое исследует особенности культуры, отраженные в языке. Она появилась в 90-е годы XX в. Впервые термин «лингвокультурология» разработан в трудах фразеологической школы, возглавляемой В. Н. Телия, Ю. С. Степановым, А. Д. Арутюновой, В. А. Воробьевым и др. [3. С. 43]. «Лингвокультурология — это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые закрепились в языке» [6. С. 78].

Язык служит средством познания культуры и национальной идентичности. В связи с этим специфической особенностью проявления лингвокультурологических знаний является рассмотрение человека с точки зрения его языковой деятельности.

В иранском обществе очень часто можно слышать такие высказывания, как «*Вся наша беда выходит из плохой культуры, у нас неправильная культура*», «*Пока наша культура не исправляется, ничего хорошего не выходит*», что само по себе указывает на утверждение народной мудрости о важности компонента культуры в родном языке [13. С. 48].

Культура отражает «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [9. С. 222]. Культура есть совокупность тех представлений, в которых так или иначе отражается, как представители данного сообщества «видят, ощущают, понимают, интерпретируют, оценивают, объясняют» окружающий мир [5. С. 9].

Культура общения различается как между представителями разных социальных слоев одного и того же общества, так и между представителями разных лингвокультурных сред (среди разных наций). Первый случай охватывает обширную пеструю языковую картину носителей одного и того же языка, делает язык разнообразным, интересным с точки зрения используемых языковых

средств. Разница в культурах разных народов рассматривается в науке о межкультурной коммуникации. Если в первом случае для лингвистов интересно изучение разнообразия, то во втором случае, наоборот, ученые стараются помочь преодолеть то, что, возможно, препятствует удачному общению (коммуникации) между носителями разных культур. Цель лингвокультурологии заключается в развитии межкультурной коммуникации при общении представителей различных культур [4. С. 17]. Помимо этого, культурные ценности могут выступать в качестве средств освоения культуры изучаемого языка, их понимание помогает в полной мере осваивать и языковые структуры [2. С. 25].

Отношение между языком и культурой — двустороннее, и на него сильно влияет образ мышления народа: любой выбор слов и стилистической конструкции языка указывает на культуру речи говорящего [13. С. 49]. Обширность взглядов говорящего выявляется в объеме его запаса слов. Выбор того или иного слова в коммуникации представляет социальный имидж говорящего.

Лингвокультурология плотно смыкается с социолингвистикой (от лат. *societas*) — частью языкознания, которая изучает специфику общества с его диалектами, преимущественно социальными диалектами (социолектами), которые охватывают речевые особенности говорящих, в том числе лексические и стилистические характеристики речи определенных социальных групп. Социолингвистика пересекается с лингвокультурологией, поскольку социолект отражает лингвокультуру разных социальных страт, включая профессиональные, возрастные и сословные [10. С. 66].

Взаимодействие языка и культуры проявляется в следующих феноменах:

- 1) фразеологический фонд языка;
- 2) мифологизированные языковые единицы (архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке);
- 3) паремиологический фонд языка;
- 4) эталоны, стереотипы, символы;
- 5) речевое поведение;
- 6) область речевого этикета;
- 7) коды культуры;
- 8) концепты культуры;
- 9) ценности культуры [7. С. 79].

Обсуждение

Речевой акт «благодарность»

В целом для персидской лингвокультуры специфична церемония, или *таароф*, — это особая реалья в жизни иранцев [8. С. 43]. Речевой акт благодарности в ней может использоваться с двумя главными целями: а) выражение признательности; б) косвенно — передача эмпатии и побуждение собеседника к выполнению просьбы [об этом см.: Моради, Шафаги, Горячкова, 2022. С. 43–47; Шафаги, 2016. С. 343–348]. Итак, косвенная цель речевого акта благодарности состоит в проявлении эмпатии, подразумевающей вежливость, доброжелательность и уважение говорящего к ситуативному коммуниканту, и такой прагматический смысл благодарности нередко подразумевает побудительную роль в его адрес [11. С. 344–345]. Благодарность и просьба могут служить компонентами единого речевого акта. Благодарность-эмпатия в таарофе может сочетаться с просьбой-мольбой, просьбой-клятвой, и также такими инфлюктивами, как комплимент и похвала.

Остановимся на понятии эмпатии как центральной составляющей такого речевого акта. «Эмпатия является одним из регуляторов взаимоотношений между людьми; проявляется она в стремлении оказывать помощь и поддержку другим людям; ведет к развитию гуманистических ценностей личности; сопровождает личностный рост и становится одним из ведущих ее признаков» [12. С. 60]. Проявление эмпатии может иметь и формальное значение: в ряде случаев предложение помощи говорит о внимании и уважении к коммуниканту, но не подразумевает действительного оказания помощи; комплимент, похвала и благодарность в адрес коммуниканта тоже содержат компонент эмпатии, поскольку сближают коммуникантов. Одни лингвисты считают, что эмпатию можно определить как способность личности проникать в психику другого человека «с помощью вчувствования субъекта в себя, в другого или в объект»; другие лингвисты уверены, что эмпатия есть «процесс, свойство, состояние психики» [1. С. 102]. В обоих суждениях звучит мысль о роли эмпатии в обеспечении психической взаимосвязи коммуникантов. Эмпатийный процесс включает в себя целый ряд звеньев: а) сопереживание; б) сочувствие; в) внутреннее содействие. Сопереживание есть эмоциональный отклик на переживания собеседника; сочувствие ориентирует в ситуации, которая актуализирует психическое содействие коммуникантов; послед-

нее связано с эмоциональным состоянием адресата речи, удовлетворяет психическую потребность в благополучии [1. С. 104].

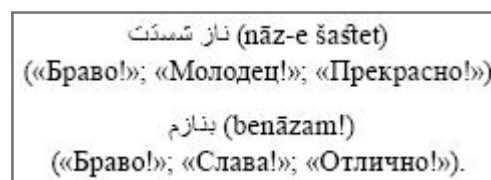
Как упоминалось выше, в иранской церемонии благодарность-эмпатия может выражать и собственно благодарность, и внимание, уважение говорящего к собеседнику. Она может быть независимым высказыванием или играть роль ответной реплики. Среди формул благодарности встречаются: а) свободные конструкции; б) специфичные формулы в ответ на определенную реплику коммуниканта, совместно образующие диалоговую структуру.

Слово «благодарить» означает выражать признательность. Необходимость использования благодарности и ответа на нее проявляется, когда кто-то делает для вас что-то, чего он не обязан делать, или тратит свое время, помогая вам, поэтому вежливость требует, чтобы вы его благодарили. Однако это чувство и его прагматическое выражение принимают особый смысл в персидской культуре и литературе, что требует определенного внимания к переводу соответствующих высказываний.

Устойчивые формулы и стереотипы благодарности в персидском языке и опыт их перевода на русский

Группа «а»

Устойчивые обороты (рис. 1).

Данные междометия используются для выражения похвалы/одобрения, поощрения, мотивации в адрес художника, деятеля искусств, артиста, который создает удивительные произведения искусства или выступает с необычными номерами.

Устойчивый оборот (рис. 2):

لطف کردید (lotf kardid)

буквально означает «оказывать милость, выказывать благосклонность» и переводится на русский язык как «Очень любезно с Вашей стороны»; «Вы очень любезны»; «Благодарю Вас». Этот оборот является формулой благодарности-эмпатии, которая специфична, как правило, в ситуациях речевых актов благодарности. При прощании же этот оборот переводится на русский язык как «Всего хорошего!».

Устойчивые обороты (рис. 3) могут переводиться русским «Храни Вас Бог».

لطف / مرحمت عالی مستدام
(lotf-e āli mostadām / marhemaṭ-e āli mostadām)
«Пусть Ваша слава будет вечной!»);
لطف عالی مزید (lotf-e āli mazid)
«Вы очень любезны!»);
سایهتون مستدام (sāiatoon mostadām)
«Да не уменьшится Ваша тень!»)

Эти формулы пожелания говорящего чаще встречаются в ситуациях прощания, используются в речи людей среднего и старшего поколения и характерны для высокого стиля речи.

Формула (рис. 4):

سایهتون بالا سر ما باشه
(sāiatoon bālā sar-e mā baše)
(букв. «Пусть Ваша тень
будет над нашими головами!»)

используется в возрастной социальной иерархии от нижестоящего по возрасту относительно вышестоящего, она может также переводиться русским «Храни Вас Бог». Все вышеперечисленные формулы специфичны в Вы-форме обращения.

Устойчивый оборот (рис. 5).

از شما به ما رسیده (az šomā be mā reside)
(букв. «Мы от Вас получили!»)

Это формула иранского таарофа, означающая «Вы (адресат речи) всегда благоволили нам», «Вы всегда были очень добры к нам!» Это предложение является формой выражения интереса к человеку и означает благодарность и признательность в его адрес. Данная фраза еще может звучать как ирония по отношению к адресату, который совершил неблагоприятный поступок по отношению к говорящему.

Устойчивый оборот (рис. 6):

دمت گرم (dam-et garm)
«Будьте счастливы!», «Желаю Вам
хорошо провести время/повеселиться!»)

есть разговорная форма благодарности-эмпатии в молодежной среде при прощании со сверстниками и друзьями. Фраза означает, что собеседник многое сделал для говорящего.

Устойчивый оборот (рис. 7).

خوبی از خودتونه (xoobi az xodetooneh)
«Добро исходит от Вас!»)

Может относиться и к группе «а», и к группе «б» как реплика в диалоге. В ответе-благодарности содержится похвала говорящего самому себе (рис. 8).

تعریف از خود نباشه
«Не хочу показаться нескромным!»)

Затем следует комплимент адресату при ответе:

خوبی از خودتونه «Вы тоже хороший!»)

в значении «Вы очень любезны» (рис. 9).

Устойчивый оборот (рис. 10).

خدا خیرت بده (xodā xeiret bedeh)
«Да не оставит Вас Господь своей милостью!»,
«Храни Вас Господь!», «Помилуй Бог!»)

Это формула благодарности-эмпатии, сочетающая в себя одновременно два значения: благодарность за что-либо и доброе пожелание. Она используется, как правило, в речевом акте прощания.

Устойчивый оборот (рис. 11):

جای بخوریم یا خجالت (čāi bexorim ia xejālat)
(букв. «Нам стыдиться либо чай пить?»)

является ответной репликой гостя на сделанное хозяином угощение, формула выражает чувство скромности говорящего и одновременно комплимент в адрес хозяина за прекрасное угощение. Здесь имеет место игра слов: *chai xordan* означает «пить чай», а *xejalat xordan* — «стыдиться». Фраза по-русски может переводиться как «Спасибо за прекрасное угощение!».

Устойчивый оборот (рис. 12)

چشمات قشنگ می بینه (češmāt qašang mibineh)
«У Вас доброжелательный взгляд!» —
букв. «Ваши глаза красиво видят!»)

Является ответной репликой с оттенком благодарности-эмпатии в адрес коммуниканта, которая произносится в ответ на сделанный комплимент о внешности собеседника.

Устойчивый оборот (рис. 13).

دستت درسته (daštet dorost)
«У Вас хорошие руки!»)

Используется, чтобы поблагодарить кого-то, кто сделал или собирается сделать что-то для нас («Спасибо за помощь/содействие!»).

Устойчивый оборот (поговорка) (рис. 14).

چوبکاری می فرمایید (čooob-kāri mifarmāid)
(букв. «Вы меня палкой бьете»)

По своему истинному смыслу означает наказывать кого-либо. Корень этой поговорки восходит к практике наказания правонарушителей палками, которое официально продолжалось со времен Фатх Али Шаха Каджара до времен Насер ад-Дин Шаха. Нарушителей закона наказывали палками, причем иногда это наказание было настолько суровым, что выворачивало наружу сердце и кишки наказываемого. Со временем поговорка приобрела другой смысл.

Следующее выражение имеет иронично-переносное значение: когда высокопоставленный человек хвалит человека, чей ранг ниже его, и возвышает его в глазах других, тот, кого хвалят, говорит (рис. 15):

نفرمایید بزرگوار ... خوب کاری می فرمایید... من لایق اینهمه ... تعریف نیستم
«Не говори, благородный...
Я не заслуживаю стольких комплиментов...»

Выражение также используется при комплиментах.

Устойчивый оборот (рис. 16)

آب نطلابیده مراده
(āb-e natalabideh morādeh)

представляет собой поговорку («Испейте водицы, хотя и не просили напиться!»). В иранской культуре вода символизирует яркий, благоприятный и священный знак. По этой причине вода приобретает у иранского народа особое достоинство, и обыкновенно при питье люди сначала предлагают ее другим, тому, кто предположительно также испытывает жажду. Утоление жажды — это приятное событие, и люди воспринимают его как хороший знак.

Когда человек желает добиться чего-то хорошего и неожиданно получает желаемое, говорят (рис. 17):

آب نطلابیده مراده (āb-e natalabideh morādeh)
«Приятная неожиданность!» —
букв. «Неспрашиваемая вода —
знак сбывания желания!»

Группа «б»

Для иранской лингвокультурной среды, как сказано выше, характерны формулы церемонии, которые могут не содержать никакого серьезного значения, но играют формальную (пустую) роль в общении — роль фатики: они сохраняют и поддерживают отношения коммуникантов. Такие формулы в большом количестве наличествуют в языке персов, и те владеют их применением с самого раннего детства. Слушающий заранее прекрасно знает речевую цель говорящего — проявление вежливости и уважения, соблюдение

иранского этикета. Ниже перечисляем некоторые формулы благодарности-эмпатии, которые можно слышать в ответ на разнообразные речевые акты.

Устойчивый оборот (фраза «а»):

بفرمایید کامتان را شیرین کنید
«Угощайтесь, покушайте сладости!»

Употребляется при угощении гостя сладостями. В ответ на нее можно слышать фразу, выражающую благодарность-эмпатию (фраза «б») (рис. 19):

شیرین کام باشید
«Дай Бог, чтобы у Вас
всегда была сладкая жизнь!»

Устойчивый оборот (рис. 20):

شرمنده مان کردید (šarmandamoon kardid)
«Вы поставили меня в неловкое положение!»

представляет собой фразу «а». Он употребляется в случаях, когда адресат сделал что-нибудь полезное адресанту речи: помог в чем-нибудь, подарил что-либо. Данная формула содержит косвенную благодарность и отражает скромность и признательность говорящего коммуниканту за доброту. В ответ на нее слышим (рис. 21):

دشمنان شرمنده (došmanetoon šarmandeh)
«Пусть Вашим врагам будет стыдно!»

Этот оборот представляет собой фразу «б».

Устойчивый оборот (рис. 22)

چشم‌تون روشن (češmetoon roošan)
«Пусть Ваши глаза будут светлыми!»

представляет собой фразу «а». Это формула поздравления и благопожелания в ситуации покупки дома, рождения детей.

Ответной репликой на нее с оттенком благодарности-эмпатии и благопожелания служит формула (рис. 23). Это — фраза «б».

چشم دل‌تون روشن (češme deletion roošan)
«Пусть глаза Вашего сердца будут светлыми!»

Формула непосредственной благодарности (рис. 24)

دست‌تون درد نکنه (daštetoon dard nakoneh)
«Пусть Ваши руки не болят!»

употребляется с большой частотностью в иранской лингвокультурной среде. В ответ на нее обычно говорится фраза (рис. 25):

سرتون درد نکنه (sarettoon dard nakoneh)
«Пусть у Вас голова не болит!»

Иранский таароф охватывает не только сферу общения хорошо знакомых людей. Таароф можно слышать между незнакомыми людьми. Примером последнего служит ситуация оплаты цены товара продавцу, при этом от продавца обычно слышим фразу (рис. 26):

قابل ندارد (qābel nadāreh)
(букв. «Это ничего не стоит!»)

В ответ на нее покупатель говорит (рис. 27):

خواهش می‌کنم. بفرمایید
(xāheš mikonam. Befarmāid)
(«Пожалуйста, возьмите деньги!»)

В русском языке аналогичную фразу говорят в ответ на благодарность: «Не за что!», «Не стоит благодарности!». Стоит отметить, что персидские формулы имеют характеристику повтора. Так, указанный диалог повторяется несколько раз, как правило, трижды.

Подобный диалог можно слышать и в церемонии дарения, например, при вручении подарка ко дню рождения. Это, с одной стороны, комплимент-благодарность от одного коммуниканта (фраза «а»), а с другой — выражение скромности-эмпатии от другого (фраза «б»).

Частотен устойчивый оборот (рис. 28):

قابل شما رو ندادست
(qābel šomā rā nadāst)
(«Это не стоило затрат/усилий!»)

В ответ коммуникант обычно говорит:

این حرفا چیه ناقابله
(in harfā čieh? nāqābeleh)
(«Что Вы такое говорите?»,
«Не преувеличивайте!»)

Устойчивые персидские обороты, выражающие благодарность в рамках таарофа, могут звучать и переводиться по-разному. Важно учитывать, что обычно коммуникант говорит о себе и других в третьем лице (рис. 30):

صاحبش قابل داره
(sāhābeš qābel dāreh)
(букв. «Хозяин стоит того»);
صاحبش لازم داره
(sāhābeš lāzem dāreh)
(«Хозяин считает необходимым!»).

Также (фраза «а») (рис. 31):

برگ سبزیست تحفه درویش
(barg-e sabzišt tohfeh-ieh darviš)
(«Подарок бедного дервиша/бедняка —
зеленый листочек!»)

Фраза «б» (рис. 32):

بازنده شماست
(barāzنده šomāst)
(«Это подарок, достойный Вас!»)

Заключение

Проведенный анализ форм выражения вежливости показал, что в персидском и русском языках они сильно различаются. В персидском кодексе вежливости «таароф» эти формы более разнообразны, и их перевод на русский язык осложняется как в связи с несовпадением лексических средств выражения, так и из-за лапидарности аналогичных формул в современном русском языке. При переводе с персидского на русский в правильном переводе форм вежливости ключевую роль играет прежде всего сама ситуация общения, а также соблюдение стиля высказывания, который должен по возможности передавать персидскую цветистость и церемонность.

Список источников

1. Алаева М. В. Эмпатия как один из инструментов понимания психического состояния другого человека // Вестник Мордовского университета. 2011. № 2. С. 101–105.
2. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М. : Изд-во РГСУ, 2012. 336 с.
3. Кадибагомаева З. А., Юсупова П. Д. Лингвокультурологический аспект изучения языковых явлений // Системные технологии». 2015. № 15. С. 41–49.
4. Киндря Н. А. Лингвокультурологический аспект обучения русскому языку как иностранному // Современное педагогическое образование. 2017. № 4. С. 17–24.
5. Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 2. С. 7–18.
6. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М. : МГИМО, 1987.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Языкознание и литературоведение. 2014. № 16. С. 78–90.

8. Моради М., Шафаги М. Благодарность и передача эмпатии: персидско-русские параллели // Филологические науки. 2022. № 1. С. 43–47.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
10. Хаджаева Н. Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социолектной лексики // *Lingua mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 66–70.
11. Шафаги М. «Благодарность» в ситуации побуждения к выполнению просьбы // Преподаватель XXI в. 2016. № 2-2. С. 343–348.
12. Шнайдер М. И. Эмпатия как форма отражения другого человека // Гуманизация образования. 2016. № 2. С. 60–65.
13. Пишгадам Р. Представление языка-интонации как средство изменения культуры языка // Исследования языка и перевода факультета гуманитарных наук. 2012. № 4. С. 45–62.

References

1. Alaeva MV. Empathy as one of the tools for understanding the mental state of another person. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Bulletin of the Mordovian University*. 2011;(2):101-105. (In Russ.).
2. Zvegincev VA. Mysli o lingvistike = Thoughts on linguistics. Moscow. Publishing house of the Russian State Social University, 2012. 336 p. (In Russ.).
3. Kadibagomaeva ZA, Yusupova PD. Linguistic and cultural aspect of the study of linguistic phenomena. *Sistemnye tekhnologii = Systematic technologies*. 2015;(15):41-49. (In Russ.).
4. Kindrya NA. Linguistic and cultural aspect of teaching Russian as a foreign language. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2017;(4):17-24. (In Russ.).
5. Krasnyh VV. Lingvoculture as an object of cognitive studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology*. 2013;(2):7-18. (In Russ.).
6. Maslov YuS. Vvedenie v yazykoznanie = Introduction to linguistics. Moscow: Publishing House of the Moscow State Institute of International Relations; 1987. (In Russ.).
7. Maslova VA. Linguoculturology as a science of the most cultural linguistic entities. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Yazykoznanie i literaturovedenie = Modern problems of philology and pedagogical linguistics. Linguistics and philology*. 2014;(16):78-90. (In Russ.).
8. Moradi M, Shafagi M. Gratitude and Empathy Transfer: Persian-Russian Parallels. *Filologicheskie nauki = Philology sciences*. 2022;(1):43-47. (In Russ.).
9. Teliya VN. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow; 1996. (In Russ.).
10. Hadzhaeva NH. Linguistic and cultural aspect of the emergence of sociolectic vocabulary in the language. *Lingua mobilis*. 2011;(6(32):66-70. (In Russ.).
11. Shafaghi M. "Gratitude" in a situation of motivation to fulfill a request. *Prepodavatel' XXI veka = Teachers of the XXI century*. 2016;(2-2):343-348. (In Russ.).
12. Shnajder MI. Empathy as a form of reflection of another person. *Gumanizaciya obrazovaniya = Humanization of Education*. 2016;(2):60-65. (In Russ.).
13. Pishghadam R. Moarrefi "Zabahang" be onvan-e abzari tahavvolgara dar farhang-kavie zaban = Introducing "linguistic culture" as a transformative tool in the culture of language exploration. *Fasnameh motaleat-e zaban va tarjomeh daneshkadeh adabiat va ooloom-e ensani, elmi pazhooheshi, shomareh chaharom. Zemestan-e = Language and Translation Studies Faculty of Humanities*. 2012;(4):45-62. (In Pers.).

Информация об авторах

- А. Годрати** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы.
- А. И. Полищук** — профессор, директор центра персидского языка и культуры.

Information about the authors

Asgar Ghodrati — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of the Department of Russian Language and Literature.

Alexander I. Polishchuk — Professor, Head of the Persian Language and Culture Center.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.232

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-88-99

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СИНТАКСИСА И ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ РОДНОГО ЯЗЫКА

Людмила Александровна Месеняшина¹, Ксения Игоревна Валеева²

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ mesenyashing@mail.ru, ORCID 0000-0002-8308-3440

² ksvaleeva2003@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье с помощью метода наблюдения анализируются начальные этапы освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка. Материалом наблюдения является речь ребенка в начале третьего года жизни. Анализ материала позволил установить, что в возрасте двух лет и двух месяцев в речевой компетенции ребенка сформировано представление о наличии некоторого количества речевых жанров, противопоставленных друг другу по иллокуциям, фактору прошлого, фактору будущего и типу дискурса. Наиболее разнообразно среди инициативных реплик утилитарно-бытового дискурса представлены жанры с иллокуцией экспрессива: разные виды жалоб, радость, сочувствие, осуждение и этикетные формы выражения эмоций. В рамках директивной иллокуции различаются просьба, требование и вопрос. В ответных репликах утилитарно-бытового дискурса появляются жанры отказа и протеста, а в познавательно-игровом дискурсе появляется жанр шутки. Синтаксическая сторона высказываний отличается гетерогенностью, в трехсловных высказываниях появляются признаки нарративной речи. Перспектива исследования связана с проверкой гипотезы о том, что синтаксис бессоюзного и сложносочиненного предложений формируется у ребенка раньше, нежели синтаксис простого.

Ключевые слова: детское высказывание, иллокутив, дискурс, жанровая дифференциация, членение высказывания

Для цитирования: Месеняшина Л. А., Валеева К. И. Начальный этап освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 88-99. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-88-99.

Original article

THE INITIAL STAGE OF MASTERING THE COMMUNICATIVE SYNTAX AND GENRE SYSTEM OF THE NATIVE LANGUAGE

Lyudmila A. Mesenyashina¹, Ksenya I. Valeeva²

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ mesenyashing@mail.ru, ORCID 0000-0002-8308-3440

² ksvaleeva2003@gmail.com

Abstract. In this article, using the method of observation, the initial stages of mastering the communicative syntax and the genre system of the native language are analyzed. The material of observation is the speech of the child at the beginning of the third year of life. An analysis of the material made it possible to establish that at the age of two years and two months, the child's speech competence enables them to form an idea of the presence of a certain number of speech genres opposed to each other by illocution, the past factor, the future factor and the type of discourse. Genres with expressive illocution are represented most diversely among the initiative utterances of the utilitarian-everyday discourse: different types of complaints, joy, sympathy, condemnation and etiquette forms of expressing emotions. Within the framework of a directive illocution, a request, a demand, and a question are distinguished. Genres of rejection and protest appear in the reciprocal remarks of the utilitarian-everyday discourse, and the genre of a joke appears in the cognitive-game discourse. The syntactic side of the utterances is heterogeneous; signs of

narrative speech appear in three-word utterances. The prospect of the study is connected with testing the hypothesis that the syntax of asyndetic and compound sentences is formed in a child earlier than the syntax of a simple sentence.

Keywords: children's utterance, illocutionary, discourse, genre differentiation, articulation of utterance

For citation: Mesenyashina LA, Valeeva KI. The initial stage of mastering the communicative syntax and genre system of the native language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;5(475):88-99. (In Russ). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-88-99.

Введение

Согласно М. М. Бахтину, «методологический порядок изучения языка» должен быть следующим: «1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т. е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; 3) исходя отсюда пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [2. С. 105]. То, что Бахтин называл «формами и типами речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его», сегодня обычно называется дискурсом, и в современной онтолингвистике все чаще уделяется внимание категориям жанра и дискурса как факторам, оказывающим существенное влияние на речь ребенка. Так, в работе А. Н. Корнева и И. Балчюниене говорится о «сильном влиянии жанра речевой коммуникации» на грамматику речи ребенка [8. С. 376]. О. В. Кощева отмечает, что «последовательность появления определенных жанров в речи детей связана с противопоставлением «нижнего» (бытового, повседневного) и «верхнего» (торжественного, ритуального, институционального) полюсов общения» [9. С. 408]. И. Н. Махова и Л. Д. Бургакова выделяют игровой дискурс как особую сферу коммуникации, неразрывно связанную с речевым творчеством [13].

Еще более значительное внимание уделялось проблемам становления синтаксиса на ранних этапах развития детской речи. Хорошо известно, что к третьему году жизни ребенок переходит от голофраз к двусловным высказываниям. В книге С. Н. Цейтлин «Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи» отмечается предикативный характер таких высказываний и исчислены смысловые отношения между компонентами двусловных высказываний [15]. Исследования Ю. А. Левицкого помогли понять общие закономерности процесса становления синтаксиса на ранних этапах развития детской речи. Отправной точкой в этом отношении явилась высказан-

ная Ю. А. Левицким гипотеза «грамматического плюрализма», т. е. наличия в речи современного человека нескольких грамматик, а именно: протограмматики, коммуникативной грамматики, актантно-ролевой грамматики и номинативной грамматики [12]. Т. В. Ахутина убедительно доказывает, что становление грамматики детской речи проходит все эти этапы [1]. Как отмечают К. А. Ключко и Б. А. Крузе, двухкомпонентное «предложение» является единицей коммуникативной грамматики [7]. Заключение слова «предложение» в кавычки обусловлено тем, что предложением все-таки принято считать предикативную единицу определенной грамматической структуры. «Стоит помнить, что в основе теории альтернативных грамматик лежит утверждение о четком различении понятий предложения и высказывания, согласно которому предложение представляет собой единицу языка (инвариант), а высказывание — единицу речи (один из возможных вариантов)» [15. С. 60]. Проблеме становления коммуникативной структуры текста в онтогенезе посвящена работа А. И. Лаврентьевой [11].

Вместе с тем в онтолингвистике вопрос о связи между становлением синтаксической компетенции ребенка и освоением жанровой системы родного языка остается недостаточно изученным.

Материалы и методы исследования

С. Н. Цейтлин отмечает, что среди направлений онтолингвистических исследований важное место занимает «изучение освоения родного языка тем или иным конкретным ребенком» [16. С. 275]. На основании этого в качестве материала настоящего исследования были избраны высказывания Арсения Х. (возраст 2 года 2 месяца). С помощью метода наблюдения анализируются начальные этапы освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка. Объектом наблюдения является речь ребенка в начале третьего года жизни. Предметом исследования является детское высказывание как с точки зрения его внутренней структуры, т. е. синтаксиса, так и в качестве единицы жанровой системы детской речи. Возможно, с терминологической точки зрения справедливее

было бы говорить о протожанровой системе, но если вслед за С. Н. Цейтлин, подходить к детской речи как к самодовлеющему явлению [16], приставка «прото-» является излишней.

Цель настоящей работы — путем анализа синхронного среза речи ребенка охарактеризовать состояние его синтаксической и жанровой компетенций.

Анализируя речь Арсения Х. год тому назад, мы также пришли к выводу, что «для формирования протожанровой системы в языковой компетенции ребенка существенно противопоставление коммуникатов не только по иллокуциям, но и по фактору прошлого и по характеру дискурса» [14. С. 511]. Исходя из этого мы сохранили данный принцип классификации детских высказываний и в текущем году, разбив все высказывания Арсения Х. на высказывания, принадлежащие утилитарно-бытовому дискурсу, и высказывания, принадлежащие познавательному-игровому дискурсу, в каждом из указанных дискурсов выделили высказывания инициативного характера и высказывания ответного характера (табл. 1–5). Следуя заветам М. М. Бахтина, мы в своей работе намерены продвигаться от жанра — к синтаксису.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ жанровой системы

Из таблиц 1–5 видно, что в рамках одного и того же иллокутива наблюдается некоторое разнообразие, в котором можно увидеть междужанровые различия. Наибольшее разнообразие в этом отношении представляют инициативные

жанры утилитарно-бытового дискурса, в особенности высказывания экспрессивного характера. Здесь можно увидеть следующие жанры.

- Выражение сочувствия** (пока невербальное): поглаживая по спине/руке/коленке, иногда заглядывает в глаза и говорит имя человека (кукол прижимает к себе и покачивает).
- Выражение радости**: «Няня, мама вжж!» — со смехом рассказывает, что мама купила ему машинку, которую он просил; «Уя!» — «Ура»; «Бой не!» — боль прошла.
- Жалобы** разного вида: а) «говорю: у меня происходит нечто плохое; чувствую себя плохо по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне сочувствовал» [2. С. 75], например: «Бойн!» — ему больно — и б) «говорю: по вине кого-то у меня происходит нечто плохое; чувствую себя плохо по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы ты сделал этому кому-то нечто плохое» [2, там же]. Последний вид представлен шире: «Аппись» — собака написала в комнате (очень возмущенно); «Няня, Кия бух!» — рассказывает, что сестра уронила башню из конструктора; «Кия бум» — Кира его бьет; «Баба ап!» — бабушка закрыла собаку в комнате, а он хотел с ней поиграть.
- Осуждение**: «Кия! Ай-яй!» (грозит пальцем) — ругает, если Кира разрушила постройку из конструктора.
- Этикетные реплики**: «Пи» — спасибо; «Пока» — прощание; «Пиэ» — приветствие (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Инициативные коммуникативы (экспрессивы). Утилитарно-бытовой дискурс Initiative communicatives (expressives). Utilitarian and everyday discourse

Экспрессивы					
Жалоба		Радость	Сочувствие	Этикетные фразы	Осуждение
1	2				
«Бойн!» — ему больно	«Аппись» — собака написала в комнате (очень возмущенно)	«Няня, мама вжж!» — со смехом рассказывает, что мама купила ему машинку, которую он просил	Поглаживания по спине/руке/коленке, иногда заглядывает в глаза и говорит имя человека (кукол прижимает к себе и покачивает)	«Пока» — прощается с человеком	«Кия! Ай-яй!» (грозит пальцем) — ругает, если Кира разрушила постройку из конструктора (если жаловаться некому — ругает, не дожидаясь разрешения)

Экспрессивы					
Жалоба		Радость	Сочувствие	Этикетные фразы	Осуждение
1	2				
	«Няня, Кия бух!» — рассказывает, что сестра уронила башню из конструктора	«Уя!» — «Ура!»		«Пиэ» — здоровается с человеком	
	«Кия бум» — Кира его бьет	«Бой не!» — боль прошла		«Пи» — «спасибо»	
	«Баба ап!» — бабушка закрыла собаку в комнате, а он хотел с ней поиграть				

Наблюдаются такие различия и в рамках директивных высказываний.

- Просьба:** «Чи мяу» (указывает на телевизор) — просит включить мультсериал «Три кота» («Чи Грр» — «Турбозавры», «Чи Мяу-ап» — «Кошечки — собачки», «Чи Апп» — «Маша и Медведь»); «Дай кон» — просит достать конструктор; «Кой» — просит что-то открыть (часто что-то, что он уже держит в руках); «Няня, дём! Папа фуух» — просит пойти с ним что-то делать, так как папа устал это делать, и т. п.
- Требование:** «Кия, ам!» — отправляет Киру есть; «Мама, съюп!» — требует, чтобы мама попила то, что Арсений дал; «Уку!» — на улице нужно взять его за руку и т. п. (Различие между просьбой и требованием, вслед за

М. Я. Гловинской, видим в том, что в требовании, в отличие от просьбы, присутствует представление субъекта речевого акта о том, что адресат не может не выполнить желание субъекта речевого акта [4].)

- Вопрос:** «Кто?» — спрашивает, кто пришел, если слышит, что входная дверь открылась; «Де гол?» — спрашивает, где мяч; «Няня уо?» — «Няня делает уроки?». Появление жанра вопроса свидетельствует о том, что среди признаков, релевантных для различения тех или иных жанров, ребенок выделяет фактор будущего [17], рассчитывая на ответную реплику. А вот между констативами в инициативных репликах утилитарно-бытового дискурса признаков жанрового разнообразия не обнаружено (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Инициативные коммуникативы. Утилитарно-бытовой дискурс Proactive communicative. Utilitarian and everyday discourse

Констативы	Директивы		
	Просьба	Требование	Вопрос
«Я гу папа» — сообщает, что сейчас пойдет гулять с папой / только что гулял	«Чи мяу» (указывает на телевизор) — просит включить мультсериал «Три кота» («Грр» — «Турбозавры», «Мяу-ап» — «Кошечки — собачки», «Апп» — «Маша и Медведь»)	«Дём ко» — зовет пойти в комнату с ним (отказаться никак не получится)	«Кто?» — спрашивает, кто пришел, если слышит, что входная дверь открылась

Окончание таблицы 2
Table 2 (end)

Констативы	Директивы		
	Просьба	Требование	Вопрос
«Я пись» — говорит, что хочет писать, после этого обычно бежит садиться на горшок	«Дай кон» — просит достать конструктор	«Кия, ам!» — отправляет Киру есть	«Де гол?» — спрашивает, где мяч
«Я фуух» — он устал что-то делать	«Кой» — просит что-то открыть (часто что-то, что он уже держит в руках)	«Мама, сьюп!» — требует, чтобы мама попила то, что Сеня дал	«Папа де?» — спрашивает, где папа
«Я гол папа» — он играл в мяч с папой	«Няня, бо-о!» (разводит руками, а потом дает деталь конструктора) — просит помочь построить большую башню/ дом из конструктора	«Уку!» — на улице нужно взять его за руку	«Де оп-па?» (загребает воздух рукой) — потерял лопату
«Дядя кака» — дядя выкидывает мусор	«Няня, дём! Папа фуух» — просит пойти с ним что-то делать, так как папа устал это делать	«Мама да!» — говорит, что ему разрешили, а значит, Сеня должен получить что-то немедленно (необязательно ему действительно что-то разрешали)	«Мама бот?» — узнает, на работе ли мама
«Моя мама» — «моя мама»	«Мо-онга» (разводит руками) — просит положить много еды в тарелку		«Няня уо?» — «Няня делает уроки?»
«Пая папа» — «мой папа»	«Ищё!» — просит дать/ положить еще		
«Бая баба» — «моя бабушка»			
«Я попа» — «Я сел/сяду на попу»			
«Кон у, папа ай-яй» — конструктор нужно убрать, а то папа будет ругать			
«Поля» (Поля), «Кия» (Кира), «няня», «мама», «папа», «баба», «деде», «дядя», «тётя» — члены семьи			
«Мама, сьюп!» — «Мама, это вода»			
«Я не мею» («Я не умею») — говорит, когда что-то не получается			
«О-о! Баба монга!» — много положила			
«Койка, и я бух!» — на улице было скользко, поэтому он упал			
«Дийка» — «дырка»			

Зато среди ответных реплик утилитарно-бытового дискурса внутри констативов отчетливо противопоставлены жанры собственно сообщения

[«Я гу!» — он идет гулять (на вопрос «Куда собираешься?»); «Мама ам» — мама готовит кушать (на вопрос «Что мама делает?») и отказа [«Сеня,

будешь смотреть Барбоскиных?» — «Не» (качает головой); «Арсений, убирай лопату» — «Не, я!» («Нет, моя!») (прячет за спину лопату); «Арсений, сделай шарик из пластилина, пожалуйста» — «Я не мею» («Я не умею»). В ответных директивах не представлен жанр требования — только **вопрос**: «Папа, да вжум?» — на просьбу спросить по телефону, приехал ли папа, и **просьба**: «Няня, мама!» (тянет за руку) — мама попросила позвать, нужно подойти. В ответных экспрессивах наряду с отмеченным выше **осуждением** появляется жанр **протеста**: «Не, я бо! Я бо!» — говорит, что он большой, если ему не дают что-то, говоря, что он маленький; «Кия, не!» — сопровождает физическим воздействием на человека или топает ногой (табл. 3).

В познавательном-игровом дискурсе среди инициативных директив присутствуют также, как и в утилитарном дискурсе, жанры **просьбы** («Мама, вжум бах!» — игрушечная машина попала в аварию и теперь мама должна помочь «починить» ее) и **вопроса** («Тё эт?» / «Тё?» — узнаёт, что за предмет), но отсутствует жанр требования (что, в общем-то, ожидаемо). Среди констативов, наряду с **сообщениями** [«Я вжум» — он едет на машине (игрушечной); «Я не!» — он первый прибежал/съел], появляется жанр **шутки**: «Няня, не» (разводит руками и смеется) — после того, как спрятал что-то («Няня, смотри, игрушка пропала»); «Он-на!» (перед этим хватается за нос) — вроде как забрал нос, надо теперь вернуть его; «Кия — кака!» (смеется) (табл. 4). Этот жанр отмечен и в ответных репликах познавательного-игрового дискурса: «Кия!» (смеется) — в ответ на вопрос «Кто это сделал?»; «Я ам!» (смеется) — на вопрос «Куда делся этот предмет?» (табл. 5).

Таким образом, мы видим, что основы жанровой дифференциации проявляются в высказываниях ребенка уже в начале третьего года жизни, причем характер дискурса влияет на появление тех или иных жанров. Так, жанр шутки появляется исключительно в познавательном-игровом дискурсе, причем не только в ответных, но и в инициативных репликах; такие жанры, как отказ и протест, — только в утилитарно-бытовом дискурсе. При этом последний способствует появлению значительного разнообразия эмоционально-экспрессивных и директивных жанров.

Анализ синтаксической системы

Анализ внутренней устроенности высказываний Арсения Х. позволяет установить, что среди них представлены однословные, двусловные, трехсловные и даже четырехсловные высказывания.

Однословные высказывания носят явно неоднородный характер. Среди них есть и явные голофразы, сохранившиеся с более раннего возраста, например, **жалоба** (1): «Бойн!» (больно) (табл. 1); **просьбы**: «Мо-онга» (разводит руками) — просит положить много еды в тарелку; «Ищё!» — просит дать/положить еще; (табл. 2); **звукоподражательные констативы**: «Иа-иа» — показывает на изображение осла; «Го-го» — показывает на изображение лошади / играет игрушечной лошадкой; «Ап» — показывает на изображение собаки (табл. 4–5) и т. п.

Однако значительная часть однословных высказываний представляет собой как раз тот пласт русского синтаксиса, который в соответствующих типах дискурса взрослых коммуникантов также представлен однословными высказываниями: это **междометные высказывания** [«Уя!» («Ура!») (табл. 1), «Тс-с!» (прикладывает палец к губам) — просит тишины, когда прячется, чтобы кого-нибудь напугать (табл. 4)]; **этикетные фразы** [«Пока», «Лиэ» («Привет!»); «Ли» («спасибо») (табл. 1)]; **команды** [«Уку!» — на улице нужно взять его за руку]; **просьбы** [«Кой» — просит что-то открыть (часто что-то, что он уже держит в руках) (табл. 2)]; **отказы** [«Сеня, будешь смотреть „Барбоскиных“?» — «Не» (качает головой); «Сень, подай, пожалуйста, длинную деталь» — «Не!» (улыбается и прячет деталь за спину) (табл. 3)]; **шутки** [«Он-на!» (перед этим хватается за нос) — вроде как забрал нос, надо теперь вернуть его (табл. 4)]; **рематические (неполные) ответы на вопросы** [«Ко-ко» — отвечает на вопрос «Как говорит курочка?»; «Му-у» — отвечает на вопрос «Как говорит корова?» (табл. 5)] и т. п. То есть налицо явная реализация так называемой коммуникативной грамматики.

Для анализа двусловных высказываний важно было решить вопрос о том, в каких категориях их описывать: предпочесть традиционную отечественную систему актуального членения или систему «топик — комментарий».

В работах В. А. Курдюмова и К. Э. Коцик [10] и Т. В. Ахутиной [1] очень убедительно доказано, почему второе применительно к нашему предмету будет целесообразнее: «Структура „топик — комментарий“ функционирует на любых уровнях глубины порождения-восприятия, это универсальный код досинтаксических построений» [10. С. 90].

В двусловных репликах Арсения грамматического членения как такового и нет. Подходить же с категориями актуального членения имеет смысл,

когда в высказывании можно четко противопоставить грамматическое членение актуальному.

Вместе с тем двусловные ответные реплики Арсения, безусловно, отражают актуальное членение, заложенное в вопросе или утверждении, адресованных ему: «Я ам» — он кушает (на вопрос «Что делаешь?»); «Я гу!» — он идет гулять (на вопрос «Куда собираешься?»); «Мама ам» — мама готовит кушать (на вопрос «Что мама делает?»); «Не, я бо! Я бо!» — не соглашается с аргументом,

что ему что-то нельзя, поскольку он маленький (табл. 3). Менее очевидно актуальное членение в вопросах ребенка, но все же противопоставление темы и ремы улавливается: «Тё эт?» / «Тё?» — узнаёт, что за предмет (табл. 4); «Де гол?» — спрашивает, где мяч; «Мама бот?» — узнаёт, на работе ли мама; «Няня уо?» — «Няня делает уроки?» (табл. 2). Интересно заметить, что в речи ребенка уже отчетливо противопоставлены частные диктальные и частные модальные вопросы.

Таблица 3
Table 3

Ответные коммуникативы. Утилитарно-бытовой дискурс
Response communication. Utilitarian and everyday discourse

Иллокуции				
Экспрессивы	Констативы		Директивы	
Протест	Сообщение	Отказ	Просьба	Вопрос
«Не, я бо! Я бо!» — говорит, что он большой, если ему не дадут что-то, говоря, что он маленький	«Я ам» — он кушает (на вопрос «Что делаешь?»)	— Сеня, будешь смотреть «Барбоскиных»? — Не. (качает головой)	«Няня, мама!» (тянет за руку) — мама попросила позвать, нужно подойти	«Папа, да вжум?» — на просьбу спросить по телефону, приехал ли папа
	«Я гу!» — он идет гулять (на вопрос «Куда собираешься?»)	— Арсений, ты хочешь кушать? — Не, я ам!		
	«Папа ха-фуу» (закрывает глаза и храпит) — «папа спит» (на вопрос «Что папа делает?»)	— Сень, подай, пожалуйста, длинную деталь. — Не! (улыбается и прячет деталь за спину)		
«Кия, не!» — сопровождает физическим воздействием на человека или топает ногой	«Баба (зжимает нос, как будто сморкается)» — бабушка в ванной умывается (на вопрос «Где бабушка?»)	— Ты печеньки будешь? — Хм... (закатывает глаза в раздумьях). Не		
	«Мама ам» — мама готовит кушать (на вопрос «Что мама делает?»)	— Арсений, убери лопату. — Не, я! («Нет, моя!») — прячет за спину лопату		
«Кия! Ай-яй!» — ругает, если Кира разрушила постройку из конструктора, после того как пожаловался и получил разрешение поругать Киру				

Инициативные коммуникативы. Игровой дискурс
Proactive communicative. Game discourse

Иллокуции				
Экспрессивы	Констативы		Директивы	
	Сообщение	Шутка	Просьба	Вопрос
	«Я го-о-ол!» — когда забивает гол мячом	«Няня, не» (разводит руками и смеется) — после того как спрятал что-то («Няня, смотри, игрушка пропала»)	«Мама, вжумбах!» — игрушечная машина попала в аварию, и теперь мама должна помочь «починить» ее	«Тё эт?» / «Тё?» — узнаёт, что за предмет
	«Я вжум» — он едет на машине (игрушечной)	«Оп-па!» (перед этим хватает за нос) — вроде как забрал нос, надо теперь вернуть его	«Тс-с!» (прикладывает палец к губам) — просит тишины, когда прячется, чтобы кого-нибудь напугать	
	«Я пе!» — он первый прибежал/съел	«Кия — кака!» (смеется)		
	«С-сь» — показывает на изображение змеи			
	«Иа-иа» — показывает на изображение осла			
	«Го-го» — показывает на изображение лошади / играет игрушечной лошадью			
	«Хрю» — показывает на изображение свиньи			
	«Му-у» — показывает на изображение коровы			
	«А-а» — показывает на изображение кошки			
	«Ап» — показывает на изображение собаки			
	«Р-рр» — показывает на изображение тигра/льва			
	«Гр-р» — показывает на изображение динозавра / играет игрушечным динозавром			
	«Ар» — показывает на изображение медведя			

Однако большую часть двусловных высказываний действительно целесообразнее интерпретировать в рамках оппозиции «топик — комментарий», в особенности если дело касается инициативных реплик, например: **жалоба** (2) [«Баба ая!» — бабушка закрыла собаку в комнате, а он хотел с ней поиграть (табл. 1)]; **сообщение** («Дядя кака» — дядя выкидывает мусор); **требование** [«Мама, сьют!» — требует, чтобы мама попила то, что Арсений дал (табл. 2)].

Особый интерес представляют высказывания большего объема: трех- и четырехсловные. Вопреки ожиданиям, признаков формальной грамматики нет и в трехсловных высказываниях, зато появляются элементы нарратива: «Няня, Кия бух!» — рассказывает, что сестра уронила башню из конструктора; «Няня, мама вжжж!» — со смехом рассказывает, что мама купила ему ма-

шинку, которую он просил (табл. 1). Обе эти реплики — рассказ о прошедшем, результат которого сохранился до момента речи. И наибольший интерес представляют немногочисленные четырехсловные высказывания. Они представляют собой инициативные реплики утилитарно-бытового дискурса: «Кон у, папа ай-яй» — конструктор нужно убрать, а то папа будет ругать; «Койка, и я бух!» — на улице было скользко, поэтому он упал; «Няня, дём! Папа фуух» — просит пойти с ним что-то делать, так как папа устал это делать (табл. 2). Внутри каждой из этих реплик отчетливо видны традиционные одно- и двусловные высказывания, но они связаны между собой причинно-следственными отношениями, причем в одном случае даже налицо употребление союза (правда асемантического характера).

Таблица 5
Table 5

Ответные коммуникативы. Игровой дискурс
Response communication. Game discourse

Экспрессивы	Иллокуции		Директивы
	Констативы		
	Сообщение	Шутка	
	«Ко-ко» — отвечает на вопрос «Как говорит курочка?»	«Кия!» (смеется) — в ответ на вопрос «Кто это сделал?»	
	«Кря» — отвечает на вопрос «Как говорит уточка?»	«Я ам!» (смеется) — на вопрос «Куда делся этот предмет?»	
	«Калякалякаля» — отвечает на вопрос «Как говорит петух?»		
	«Иа-иа» — отвечает на вопрос «Как говорит осел?»		
	«Го-го» — отвечает на вопрос «Как говорит лошадь?»		
	«Хрю» — отвечает на вопрос «Как говорит свинья?»		
	«Му-у» — отвечает на вопрос «Как говорит корова?»		
	«А-а» — отвечает на вопрос «Как говорит кошка?»		
	«Ап» — отвечает на вопрос «Как говорит собака?»		
	«Р-рр» — отвечает на вопрос «Как говорит лев/тигр?»		
	«Гр-р» — отвечает на вопрос «Как говорит динозавр?»		
	«Ар» — отвечает на вопрос «Как говорит медведь?»		
	«Ж-ж» — отвечает на вопрос «Как жужжит пчелка?»		
	«С-сь» — отвечает на вопрос «Как говорит змейка?»		

Выводы

Анализ речевой продукции Арсения Х. позволил установить следующее.

В начале третьего года жизни в речевой компетенции ребенка сформировано представление о наличии некоторого количества речевых жанров, противопоставленных друг другу по иллюкуциям, фактору прошлого, фактору будущего и типу дискурса.

1. Наибольшее жанровое и коммуникативно-грамматическое разнообразие наблюдается среди инициативных реплик утилитарно-бытового дискурса. Наиболее разнообразно в этом типе дискурса представлены жанры с иллюкуцией экспрессива: разные виды жалоб, радость, сочувствие, осуждение и этикетные формы выражения эмоций. В рамках директивной иллюкуции различаются просьба, требование и вопрос.
2. В ответных репликах утилитарно-бытового дискурса появляются жанры отказа и протеста.
3. В рамках познавательного-игрового дискурса появляется жанр шутки.
4. Синтаксическая сторона высказываний отличается гетерогенностью. Вопросительные

и ответные реплики строятся по правилам коммуникативной грамматики разговорного дискурса взрослой речи. Инициативные реплики констатирующего и экспрессивного характера строятся в основном по схеме «топик — комментарий». Появляются сложные высказывания, состоящие из двух двусловных, связанных причинно-следственными отношениями, построенные по модели бессоюзных и сложносочиненных предложений в разговорной речи.

5. В трехсловных высказываниях появляются признаки нарративной речи.

Таким образом, предположение о том, что при изучении становления и развития детской речи целесообразно учитывать факторы дискурса и жанра, подтверждается.

Перспектива исследования связана с проверкой гипотезы о том, что синтаксис бессоюзного и сложносочиненного предложений формируется у ребенка раньше, нежели синтаксис простого. Основанием гипотезы служит факт, что в основе синтаксиса сложного предложения лежат смысловые отношения между частями, в то время как в основе простого — формальные отношения между членами предложения.

Список источников

1. Ахутина Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского: основы и верификация // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 1–2. С. 7–27.
2. Вежбицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 68–80.
3. Волошинов В. Н., Бахтин М. М. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 199 с.
4. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1993. С. 158–218.
5. Ключко К. А. Двухкомпонентные высказывания в политической рекламе // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 2 (5). С. 148–151.
6. Ключко К. А. Проблемы выделения одно- и двухкомпонентных высказываний в русском языке // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 12–15
7. Ключко К. А., Крузе Б. А. Исследование текстообразующего потенциала одно- и двухкомпонентных высказываний // Язык и культура. 2018. № 42. С. 60–80.
8. Корнев А. Н., Балчюниене И. Влияние жанра дискурса на грамматический частотный профиль у детей с первичным недоразвитием речи // Проблемы онтолингвистики — 2018: материалы Ежегодной междунар. науч. конф., 20–23 марта 2018 г., Санкт-Петербург ; РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра языкового и литературного образования ребенка, лаборатория детской речи, межвузовский центр билингвального и поликультурного образования ; отв. ред. Т. А. Круглякова. Иваново : ЛИСТОС, 2018. С. 375–376.
9. Кошечеева О. В. Некоторые типичные закономерности формирования речевых жанровых компетенций в онтогенезе // Проблемы онтолингвистики — 2018: материалы Ежегодной междунар. науч. конф., 20–23 марта 2018 г., Санкт-Петербург ; РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра языкового и литературного образования ребенка, лаборатория детской речи, межвузовский центр билингвального и поликультурного образования ; отв. ред. Т. А. Круглякова Иваново : ЛИСТОС, 2018. С. 406–410.

10. Курдюмов В. А., Коцик К. Э. К вопросу о дифференциации понятий «топик — комментарий» и «тема — рема» // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире, 2020. № 1. С. 86–93.
11. Лаврентьева А. И. К проблеме становления коммуникативной структуры текста в онтогенезе // Текст, контекст, интертекст : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции / отв. ред. В. А. Коханова, Е. Ю. Геймбух. М. : Изд-во МГПУ, 2014. С. 51–59.
12. Левицкий Ю. А. Альтернативные грамматики. Пермь : Перм. ун-т, 2007. 176 с.
13. Махова И. Н., Бургакова Л. Д. Игровой диалогический дискурс как коммуникативное событие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 1. С. 122–127.
14. Месеняшина Л. А., Валеева К. И. Ранние голофразы: на пути к жанровой дифференциации // Когнитивные исследования языка. Вып. № 1 (52): Познание и язык: через видимость в сущность : сборник научных трудов. Посвящается юбилею д-ра филол. наук, профессора Е. И. Головановой ; отв. ред. О. Н. Ковалева. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2023. С. 504–512.
15. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. 592 с.
16. Цейтлин С. Н. Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб., 2004. С. 275–278.
17. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 81–89.

References

1. Akhutina TV. The speech generation model of L. S. Vygotsky: foundations and verification. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki = Scientific notes of Kazan University. Humanities series*. 2022;(164(1-2):7-27. (In Russ.).
2. Vezhbitska A. Speech genres [in the light of the theory of elementary semantic units]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikacija = Anthology of speech genres: Everyday communication*. Moscow: Labirint; 2007. Pp. 68–80. (In Russ.).
3. Voloshinov VN, Bakhtin MM. *Marksizm i filosofiya yazyka = Marxism and the philosophy of language*. Moscow: Labirint; 1993. 199 p. (In Russ.).
4. Glovinskaya Mya, Zemskaya EA (ed.) Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts. In: *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt = Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect*. Moscow; 1993. Pp. 158–218. (In Russ.).
5. Klochko KA. Two-component statements in political advertising. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki = Current issues of modern science*. 2015;(2(5):148-151. (In Russ.).
6. Klochko KA. Problems of singling out one- and two-component utterances in the Russian language. *Evrasijskiy vestnik gumanitarnykh issledovanij = Eurasian Bulletin of Humanitarian Studies*. 2015;(1(2):12-15. (In Russ.).
7. Klochko KA, Kruze BA. Study of the text-forming potential of one- and two-component utterances. *Jazyk i kul'tura = Language and culture*. 2018;(42):60-80. (In Russ.).
8. Kornev AN, Balchyuniene I. Influence of the discourse genre on the grammatical frequency profile in children with primary speech underdevelopment. In: *Problemy ontolingvistiki — 2018 = Problems of Ontolinguistics — 2018*. Ivanovo; 2018. Pp. 375–376. (In Russ.).
9. Koshcheyeva OV. Some typical patterns of the formation of speech-genre competence in ontogenesis. In: *Problemy ontolingvistiki — 2018 = Problems of Ontolinguistics — 2018*. Ivanovo; 2018. Pp. 406–410. (In Russ.).
10. Kurdyumov VA, Kotsik KE. On the issue of differentiation of the concepts “topic — comment” and “topic — rheme”. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire» = Bulletin of the Russian New University. Ser.: Man in the modern world*. 2020;(1): 86-93. (In Russ.).
11. Lavrentieva AI. On the problem of the formation of the communicative structure of the text in ontogenesis. In: *Tekst, kontekst, intertekst = Text, context, intertext*. Moscow, 2014. Pp. 51–59. (In Russ.).
12. Levitsky YuA. *Al'ternativnye grammatiki = Alternative grammars*. Perm: Perm State university; 2007. 176 p. (In Russ.).

13. Makhova IN, Burgakova LD. Game dialogue discourse as a communicative event. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2018;(11(89)1):122-127. (In Russ.).

14. Mesenyashina LA, Valeeva KI. Early holophrases: on the way to genre differentiation. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. № 1 (52) = Cognitive language studies. Issue № 1 (52)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State university; 2023. Pp. 504–512. (In Russ.).

15. Cejtin SN. Oчерки po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi = Essays on word formation and form formation in children's speech. Moscow: Sign; 2009. 592 p. (In Russ.).

16. Cejtin SN. Directions and aspects of the study of children's speech. In: *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya = Directions and aspects of the study of children's speech*. St. Petersburg; 2004. Pp. 275–278. (In Russ.).

17. Shmeleva TV. Speech genre model. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikacija = Anthology of speech genres: Everyday communication*. Moscow: Labirint; 2007. Pp. 81–89. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. А. Месеняшина — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы.

К. И. Валева — студентка 3 курса бакалавриата.

Information about the authors

Lyudmila A. Mesenyashina — Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Literature.

Ksenya I. Valeeva — 3rd year Bachelor student.

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 21.12.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 21.12.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.42

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-100-107

СЕМАНТИЧЕСКИЕ, СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ БРИТАНСКОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ПЕВИЦЫ АДЕЛЬ)

Арсений Андреевич Паршин¹, Наталия Александровна Лаврова²

¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, arseniiparshin@yandex.ru

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, lavruscha@gmail.com, ORCID 0000-0002-6403-781X

Аннотация. Цель данного исследования — изучение фразеологии в песнях британской певицы и автора-исполнителя Адель. Фразеологические единицы были проанализированы с точки зрения структуры, семантики, функций и частотности. Результаты исследования обнаружили высокую частотность употребления фразеологических единиц в песнях Адель и широкий спектр функций идиом, включая менее распространенные, такие как ироническая и игровая. При наличии всех структурных классов фразеологических единиц наиболее частотными оказались глагольные идиомы. Изучение модификаций идиом в песнях Адель обнаружило два типа фразеологической вариативности — редукцию и лексическую субституцию.

Ключевые слова: песенный дискурс, фразеология, семантика, структура, функции, модификации фразеологизмов

Для цитирования: Паршин А. А., Лаврова Н. А. Семантические, структурные и функциональные особенности фразеологии британского песенного дискурса (на материале творчества певицы Адель) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 100–107. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-100-107.

Original article

SEMANTIC, STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN BRITISH SONG DISCOURSE (BASED ON THE SONGS BY ADELE)

Arsenii A. Parshin¹, Natalia A. Lavrova²

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, arseniiparshin@yandex.ru

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, lavruscha@gmail.com, ORCID 0000-0002-6403-781X

Abstract. The purpose of this study is to examine phraseology in the songs by the British singer and songwriter Adele. The phraseological expressions were analysed from the point of view of their structure, semantics, functions, and frequency. The results of the research revealed a high frequency of idioms in Adele's songs, a wide range of idioms' functions, including less common ones, such as ironic and ludic, the presence of all structural classes of idioms and the dominance of verbal expressions at the structural level. The study of the modification of idioms in Adele's songs revealed two types of phraseological modification — reduction and lexical substitution.

Keywords: song discourse, idioms, semantic, structure, functions, modification of idioms

For citation: Parshin AA, Lavrova NA. Semantic, structural and functional characteristics of phraseological units in British song discourse (based on the songs by Adele). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475):100-107. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-100-107.

Введение

Фразеология составляет значительный пласт лексики языка. Фразеологизмы — устойчивые обороты, значение которых основано на возникновении постоянного контекста, когда одно из слов выпадает из свободного употребления, превращаясь в компонент составной лексемы [2. С. 438].

Непрозрачность значения как одна из ключевых особенностей фразеологизмов вызывает особую трудность при изучении языка, родного или иностранного. Дети воспринимают фразеологизмы родного языка буквально, с чем связаны сложности понимания, а те, кто изучает иностранный язык, сталкиваются со сложностью реконструкции значения фразеологической единицы (далее — ФЕ) в контексте.

Фразеологизмы частотны в речи носителей языка, необходимость их изучения доказана методистами [13. С. 99], в связи с чем знание идиом тестируется в частях “Use of English” международных языковых экзаменов B2 First, C1 Advanced и C2 Proficiency. Все это подчеркивает значимость фразеологических единиц при изучении иностранного языка.

Обзор литературы

Сосредоточенность на песенном дискурсе как источнике фразеологизмов объясняется тем, что одной из отличительных характеристик песенного дискурса является коммуникативная направленность, образность и эмотивность [8. С. 19], в связи с чем фразеологизмы встречаются чаще, чем, например, в деловом, академическом или медиа-дискурсе.

Рассматривая словарный состав песенного дискурса, некоторые исследователи пришли к выводу, что лексема *love* обладает в этом виде дискурса особой значимостью [10. С. 16], а концепт «любовь» раскрывается многосторонне, с использованием широкого синонимического ряда [12. С. 48; 5. С. 4].

Одним из российских специалистов в области фразеологии песенного дискурса является М. А. Клычкова. В одном из своих исследований по этой теме М. А. Клычкова доказала, что фразеологизмы используются для эмоционального влияния на аудиторию, при этом ФЕ могут использоваться и для снижения, и для увеличения интенсивности эмоционального накала. Также автор выделил смыслонаправляющую функцию, основное значение которой — передача смысла песни и оттеночных значений [3. С. 140].

В другом исследовании М. А. Клычкова проанализировала англоязычный песенный дискурс

1990–2000 гг. и 2010–2019 гг. и пришла к выводу, что фразеологические единицы используются более чем в каждой второй песне, с тенденцией к увеличению числа фразеологизмов в песенном дискурсе первой четверти XXI в. [4. С. 373]. Главными функциями фразеологизмов в песнях были названы эмотивная и смыслопорождающая, что подтверждает выводы более ранних работ.

В работе, посвященной переводческому аспекту ФЕ, В. А. Пальмин и Е. П. Симонова приходят к выводу, что широкое использование фразеологизмов — особенность англоязычного популярного песенного дискурса. В исследовании подчеркивается, что фразеологизмы используются авторами песен для решения коммуникативной задачи этого вида дискурса, для эмоционального воздействия на слушателя [7].

Анализ более 200 англоязычных песен, проведенный Д. Т. Байгазиевым, обнаружил, что несмотря на то, что лексический состав песен характеризуется лаконизмом и простотой, фразеологизмы часто используются авторами для выражения эмоционального состояния лирического героя [1. С. 227].

Последние исследования в области фразеологии также показывают, что ФЕ в песнях могут встречаться как в стандартной, не видоизмененной форме, так и в модифицированной [6. С. 6]. Трансформации ФЕ используются для более точной передачи чувств и эмоций лирических героев, а также оценки ими происходящего. В других исследованиях фразеологии песенного дискурса указывается, что фразеологизмы могут упрощаться при модификации [11. С. 215].

Таким образом, на основании изученных по данной теме работ можно обозначить следующие пробелы в исследовании фразеологизмов в песенном дискурсе.

1. На семантическом уровне выявлены особенности тематического состава лексики, однако требуется обратить внимание на особенности состава ФЕ, а также их семантической структуры.
2. Исследователи выделили модификацию ФЕ как отличительную черту песенного дискурса, следовательно, необходимо установить, являются ли видоизменения закономерностью, или модификации носят произвольный характер. Следует отметить, что в стилистике давно признается закономерностью контаминация ФЕ, смешение переносного идиоматического и прямых значений идиом, благодаря чему возникает юмористический эффект или эффект значимой амбивалентности.

Изученный материал по теме исследования позволяет выдвинуть следующую **гипотезу**: для тематического распределения фразеологизмов в британском песенном дискурсе, а также для их семантической структуры характерно преобладание фразеологических компонентов, связанных с концептом «любовь».

Материалы и методы исследования

В качестве предмета исследования британского песенного дискурса было выбрано творчество известной певицы Адель. Песни этой исполнительницы получили такие награды, как «Оскар», «Золотой глобус», 15 премий «Грэмми», что показывает важность и значимость Адель для британского песенного дискурса. Были проанализированы все песни Адель, вышедшие в альбомах «19», «21», «25» и «30», а также песни, изданные отдельно¹. Общее количество проанализированных песен — 55. Суммарное количество проанализированных фразеологизмов — 74. Некоторые ФЕ (cry one's heart out; lose one's mind; break one's heart и др.) встречались в нескольких песнях, что учитывалось при проведении расчетов.

В качестве **методов** исследования был выбран качественный и количественный анализ. Таким образом, фразеологизмы были подвергнуты семантическому, структурному, функциональному и контекстуальному анализам, а также количественному подсчету.

Семантический анализ выполнялся с позиций классификации ФЕ В. В. Виноградова, в соответствии с которой каждая ФЕ была определена в одну из трех категорий: фразеологические сращения, единства, сочетания. Также была произведена классификация фразеологизмов с точки зрения семантической категории. Структурный анализ выполнен на основе классификаций, предложенных А. В. Куниным. Фразеологизмы были разделены на четыре класса: номинативные, номинативно-коммуникативные, междометные и коммуникативные единицы. Кроме того, фразеологические единицы были подвергнуты анализу по принадлежности ядра ФЕ к определенной части речи.

При функциональном анализе были определены доминирующие функции. Отдельное внимание было обращено на креативное использование фразеологизмов с опорой на исследования А. Начисчионе [15. С. 376–379].

¹Тексты песен были взяты из международной базы сайта Genius.com. URL: <https://genius.com/> (дата обращения: 22.06.2022).

Результаты исследования и обсуждение

Семантический анализ показал, что доминирующими в песенном дискурсе Адель выступают фразеологические единства (62,1 %), например, go easy on sb (не судить кого-либо строго) и burst at the seams (рваться по швам). Примерами фразеологических сращений, представляющих чуть больше четверти всех ФЕ (28,4 %), являются out of the blue (из ниоткуда) и under sb's thumb (быть под каблуком). Наименее представлены фразеологические сочетания (9,5 %): right as rain (в полном порядке) (рис. 1).

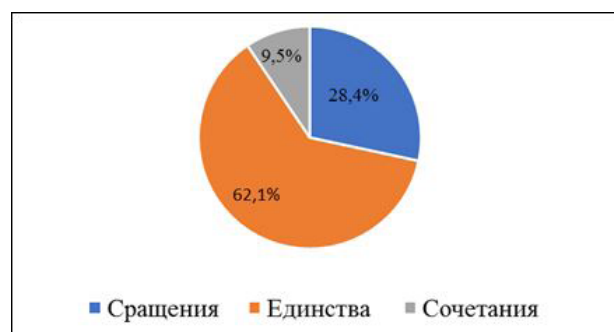

Рис. 1. Распределение ФЕ в творчестве Адель по семантическому признаку

Fig. 1. The distribution of phraseological units in Adele's work on a semantic basis

При выделении семантических категорий мы пришли к выводу, что наиболее распространенными тематическими группами являются «романтические межличностные отношения» и «успех/неудача». Это подтверждает вывод И. С. Самохина о значимости темы любви в песенном дискурсе, а также подтверждает гипотезу о том, что и для фразеологии песенного дискурса тема любви выступает как доминирующая. Подробное разделение ФЕ по тематическим категориям представлено в таблице 1.

Структурный анализ с позиций классификаций А. В. Кунина показал, что в творчестве Адель представлены все четыре класса фразеологических единиц. Наиболее многочисленную группу составляют номинативно-коммуникативные ФЕ (62,2 %), такие как drive sb crazy (привести в бешенство), break one's heart (разбить сердце). Второй по численности класс — номинативные ФЕ (24,3 %), представленные выражениями water under the bridge (дела давно минувших дней) и a jaw dropper (шокирующая вещь). Среди коммуникативных единиц (9,5 %) встречаются как пословицы (“You reap what you sow” — «Что посеешь, то и пожнешь»), так и поговорки (“Time is running out” — «Время на исходе»). Наименее

частотной оказалась группа междометных ФЕ как *oh my God* (Боже мой!) и *bless your soul* (≈ Да (4 %), они представлены такими выражениями, благословит тебя Господь) (рис. 2).

Таблица 1

Table 1

Распределение ФЕ в песенном дискурсе Адель по тематическим группам
Distribution of phraseological units in Adele's song discourse by thematic groups

Тематическая группа	Примеры и количество
Межличностные отношения (40,6 %)	Хорошие отношения: <i>get an eye on sb, go easy on sb, hang on every word, heart on one's sleeve, lighten up sb's heart, open one's heart, under one's spell</i> (16,6 %)
	Расставание: <i>break one's heart, burst at the seams, cold to the core, give a cold shoulder, heart drops, let sb down, melt one's heart to stone, teeter on the edge, time is running out, water under the bridge</i> (24 %)
Исход действий (33,2 %)	Успех: <i>at one's best, bring to one's knees, cut shines, earn one's stripes, set fire to the rain, soak up wine, right as rain, try one's best</i> (19 %)
	Неудача: <i>chase pavements, have sth on one's hands, fall short, make a mess of sth, none the wiser, take a bad turn</i> (14,2 %)
Чувства, эмоции (26,2 %)	Удивление, фантазия: <i>a jaw dropper, blow one's mind, have one's head in the clouds, out of the blue, oh my God</i> (12 %)
	Негативные эмоции: <i>blood boils, drive sb crazy, cry one's heart out, lose one's head, lose one's mind, lump in one's heart</i> (14,2 %)

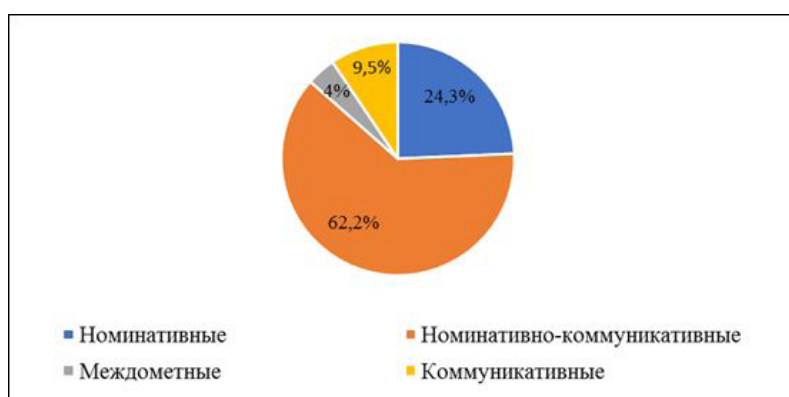

Рис. 2. Распределение ФЕ в творчестве Адель по структурному признаку

Fig. 2. The distribution of phraseological units in Adele's work on a structural basis

Анализ частеречного распределения ФЕ обнаружил, что доминируют глагольные единицы (71,6 %), например, *melt one's heart to stone* (превратить сердце в камень) и *cry one's heart out* (плакать навзрыд). Значительно реже встречаются субстантивные единицы (13,6 %): *a lump in one's throat* (комочек в горле), *a cold shoulder* (холодный прием). Адъективные и адвербиальные фразеологизмы составляет 5,4 %. Примером адъективной единицы в творчестве Адель может служить выражение *none the wiser* (ничего не понимать), а адвербиальной — *out of the blue* (из ниоткуда). Междометные единицы (4 %) были приведены выше (рис. 3).

По итогам функционального анализа выделено пять ключевых функций ФЕ в песенном дискурсе Адель: аттрактивная, эмоционально-экспрессивная, оценочная, ироническая и игровая.

Аттрактивная функция представлена названиями песен, в которых использованы следующие ФЕ: “Chasing Pavements”, “Cold Shoulder”, “Cry Your Heart Out”, “Easy On Me”, “Melt My Heart to Stone”, “Set Fire To the Rain”, “Turning Tables”, “Right As Rain”, “Rumour Has It”, “Water Under the Bridge”. Броские, запоминающиеся названия привлекают внимание слушателей.

Рис. 3. Частеречное распределение ФЕ в творчестве Адель

Fig. 3. Distribution of phraseological units by parts of speech in the work of Adele

Значимая часть фразеологизмов выполняют эмотивную (экспрессивную) функцию. Так, в песне “Crazy For You” лирическая героиня выражает свои чувства по отношению к партнеру с помощью выражения *blood boils* (закипает кровь):

I wish you'd come over,
Send me spinning closer to you.
My, oh my, how my *blood boils*.

Песня “Oh My God” интересна тем, что в одном куплете используется два фразеологизма для выражения переживаний лирической героини. Героиня признаётся, что, возможно, теряет рассудок, находится на грани между адом и раем:

Maybe, baby, I'm just *losing my mind*
'Cause this is trouble, but it feels right
Teetering on the edge of Heaven and Hell
Is a battle that I cannot fight.

Часть выражений выполняет оценочную функцию, тесно связанную с эмотивной. Фразеологизм *water under the bridge* в одноименной песне характеризуют отношения между лирической героиней и ее партнером: лирическая героиня настаивает, что партнер любит ее, а их отношения — не дела давно минувших дней:

Don't pretend that you don't want me,
Our love ain't *water under the bridge*.

В песне “Turning tables” идиома *to turn the tables* (сменить роль) используется для того, чтобы показать причину расставания: лирическая героиня не может свыкнуться с изменениями в ее партнере, в связи с чем им необходимо расстаться:

I can't give you the heart you think you gave me,
It's time to say goodbye to *turning tables*.

Ироническая функция также прослеживается в композициях Адель. В песне “Rumour has it” лирическая героиня иронизирует над героем, витающим в облаках:

Bless your soul, *you've got your head in the clouds*,
You *made a fool out of you*,
And, boy, she's bringin' you down.

Наиболее ярко игровая функция проявляется в песне “I Drink Wine”. Каламбур строится вокруг фразового глагола *soak up* (мы принимаем широкое понимание ФЕ по А. Маккею [14. С. 121–124]):

When I was a child, every single thing could blow my mind,

Soaking it all up for fun, but now I only *soak up wine*.

Лирическая героиня рассказывает, что ранее она «впитывала» буквально все (т. е. придавала значение пустякам), но теперь она наслаждается только вином (т. е. обращает внимание только на стоящие вещи). Игра слов основана на двух значениях фразового глагола *soak up*: «впитывать» и «наслаждаться чем-либо».

Изучение фразеологизмов в творчестве Адель обнаружило, что певица прибегает к модификации фразеологизмов. Одна из особенностей ее творчества — изменение глагольных ФЕ на субстантивные. Например, в песне “Cold Shoulder” ФЕ *give sb the cold shoulder* сокращается до субстантивной: “You grace me with your *cold shoulder*”. То же происходит в песне “Best For Last” с ФЕ «wear one's heart on one's sleeve»: “Wait, do you see *my heart on my sleeve*?”. Подобная редукция обусловлена тенденцией упрощения, характерной для современного английского песенного дискурса [9. С. 132].

Другой тип модификации, который использует Адель в своих песнях, — замена одного из компонентов ФЕ. В песне “Woman Like Me” предложение “I put my heart on the line for the very first time”, очевидно, отсылает слушателя к ФЕ *put one's neck on the line* — поставить все на кон. Благодаря

замене neck на heart Адель удается подчеркнуть важность эмоциональной составляющей, так как сердце традиционно воспринимается какместилище чувств и эмоций.

Выводы

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие выводы.

Количественный анализ ФЕ в песенном творчестве Адель выявил высокую частотность фразеологизмов, что свидетельствует о корректности данных, ранее полученных исследователями.

Ведущей семантической категорией в песенном творчестве Адель выступает любовь. Кроме того, значимое число фразеологизмов связано с противопоставлением концептов «успех — неудача».

На структурном уровне прослеживается доминирование номинативных и глагольных фразеологических единиц, что объясняется коммуникативной задачей фразеологизмов в песенном дискурсе.

Несмотря на то, что наши данные свидетельствуют о том, что оценивающая и эмотивная функции реализуются чаще всего, наблюдается широкое использование и других функций ФЕ в песенном дискурсе — аттрактивной, игровой, иронической.

Основными типами модификаций фразеологизмов в творчестве певицы Адель оказались редукция фразеологизмов, как следствие — их превращение из глагольных в субстантивные, и из-

менение лексического состава, вносящее дополнительные оттенки значения.

Заключение

Основное назначение песен — воздействие на эмоциональную сферу слушателя, а также самовыражение исполнителя и автора. Для реализации функции воздействия фразеологические единицы оказываются одним из ведущих средств: сочетание яркого образа, а также двупланность фразеологизмов за счет актуализации внутренней формы и переосмысленного значения создают неповторимую, «песенную» картину мира, в которой сложные межличностные отношения выходят на первый план.

Проведенный семантический анализ позволяет предположить, что преобладающие тематические категории фразеологизмов варьируются от жанра к жанру внутри песенного дискурса, поэтому чтобы установить доминирующие категории вне популярного песенного дискурса, необходимо продолжать исследования в этой области.

Более пристального внимания требует вопрос классификации модификаций ФЕ в песенном дискурсе. Будущие работы в этой области позволят определить, являются ли редукция и лексическая субституция характерными для британского песенного дискурса или же данные видоизменения — индивидуальная черта песенного творчества Адель.

Список источников

1. Байгазиев Д. Т. Лексические и стилистические особенности песенного дискурса в английском и кыргызском языках // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 1. С. 226–229.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. М. : Пилигрим, 2010. 438 с.
3. Клычкова М. А. Особенности функционирования идиом в англоязычном песенном дискурсе // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы Девятой науч. конф. с междунар. участием: в 3 ч. Коломна, 2016. С. 136–140
4. Клычкова М. А. Функционирование фразеологических единиц в песенном дискурсе (на материале англоязычных песен конца XX века — второй декады XXI века) // Преподаватель XXI век. 2022. № 1-2. С. 368–376.
5. Костыркина К. Ю. Эмоциональный концепт «любовь» в песенном дискурсе // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XI Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. Минск : БГУ, 2018. С. 88–92.
6. Лаптинова А. В., Гринкевич Е. В. Фразеологизмы в текстах современных песен // Arctici. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 37–43.
7. Пальмин В. А., Симонова Е. П. Фразеологические единицы в современном англоязычном популярном песенном дискурсе: переводческий аспект // Постулат. 2018. № 5-1 (31). С. 64–72
8. Плотницкий Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 24 с.
9. Плотницкий Ю. Е. Эволюция англоязычного песенного дискурса в XX–XXI веках // Вестник Самарского университета. Сер.: История, педагогика, филология. 2021. № 4. С. 131–138.

10. Самохин И. С. Слова-сигналы различных видов эмоциональной модальности в дискурсе поп-музыки 1970-х гг. (на материале англо- и русскоязычных песенных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
11. Смирнов Д. Г., Павлова О. В., Шафиева М. А. Английские идиомы в песнях группы Queen // Молодежная наука: вызовы и перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Сызрань, 2019. С. 214–217.
12. Смоленцева М. В. Синонимический ряд эмоции «любовь» в немецком песенном дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2012. № 1 (20). С. 48–55.
13. Lewis M. *The Lexical Approach: the State of ELT and a Way Forward*. Hampshire: Cengage Learning EMEA, 2012. 200 p.
14. Makkai A. *Idiom Structure in English*. The Hague: Mouton, 1972. 371 p.
15. West D. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse // *Changing English*. 2012. No. 19 (3). P. 376–379.

References

1. Bajgaziev DT. Lexical and stylistic features of song discourse in English and Kyrgyz. *Nauka, novye tehnologii i innovacii Kyrgyzstana = Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan*. 2022;(1):226-229. (In Russ.).
2. Zherebilo TV. *Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms*. Moscow, Pilgrim; 2015. 438 p. (In Russ.).
3. Klychkova MA. Characteristics of the functioning of idioms in the English-language song discourse. In: *Jazyk: kategorii, funkcii, rechevoe dejstvie = Language: categories, functions, speech action*. Kolomna; 2016. Part 1. Pp. 136–140. (In Russ.).
4. Klychkova MA. The functioning of phraseological units in song discourse (based on the material of English-language songs of the late XX century — the second decade of the XXI century. *Prepodavatel XXI veka = Teacher of the XXI century*. 2022;(1-2):368-376. (In Russ.).
5. Kostyrkina KJu. The emotional concept of “love” in song discourse. In: *Idei. Poiski. Reshenija = Ideas. The Search. Solutions*. Minsk: BSU; 2018. P. 88–92. (In Russ.).
6. Laptinova AV, Grinkevich EV. Phraseological units in the texts of modern songs. *Apriori. Serija: Gumanitarnye nauki = Apriori. Series: the Humanities*. 2015;(3):37-43. (In Russ.).
7. Pal'min VA, Simonova EP. Phraseological units in Modern English-language Popular Song Discourse: translation aspect. *Postulat = Postulate*. 2018;(5):64-72. (In Russ.).
8. Plotnickij JuE. Lingvostilisticheskie i lingvokul'turnye harakteristiki angloyazychnogo pesennogo diskursa = Linguostylistic and linguacultural characteristics of English song discourse. Abstract of thesis. Samara; 2005. 24 p. (In Russ.).
9. Plotnickij JuE. The evolution of English-language song discourse in the XX–XXI centuries. *Vestnik Samarskogo universiteta. Serija: Istorija, pedagogika, filologija = Bulletin of Samara University. Series: History, Pedagogy, Philology*. 2021;(4):131-138. (In Russ.).
10. Samohin IS. Slova-signalny razlichnyh vidov emocional'noj modal'nosti v diskurse pop-muzyki 1970-h gg. (na materiale anglo- i russkoyazychnyh pesennyh tekstov) = Words-signals of various types of emotional modality in the discourse of pop music of the 1970s (based on the material of English and Russian song texts). Abstract of thesis. Moscow; 2010. 26 p. (In Russ.).
11. Smirnov DG, Pavlova OV, Shafieva MA. English idioms in Queen songs. In: *Molodezhnaja nauka: vyzovy i perspektivy = Youth Science: Challenges and Prospects*. Syzran; 2019. Pp. 214–217. (In Russ.).
12. Smolenceva MV. The synonymous series of the emotion “love” in the German song discourse. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole = Foreign Languages In Higher Education*. 2012;(1):48-55. (In Russ.).
13. Lewis M. *The Lexical Approach: the State of ELT and a Way Forward*. Hampshire: Cengage Learning EMEA; 2012. 200 p.
14. Makkai A. *Idiom Structure in English*. The Hague: Mouton; 1972. 371 p.
15. West D. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. *Changing English*. 2012;19(3):376-379.

Информация об авторах

А. А. Паршин — студент 4 курса бакалавриата.

Н. А. Лаврова — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка № 3.

Information about the authors

Arsenii A. Parshin — undergraduate Bachelor student.

Natalia A. Lavrova — Doctor of Philology, Professor at the Department of English No 3.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 10.07.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-108-113

ТЕКСТОЦЕНТРИЧНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Ольга Юрьевна Редькина^{1✉}, Андрей Анатольевич Селютин²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск Россия

¹ red_olchik@mail.ru

² blind11@yandex.ru, ORCID 0000-0003-3097-7341

Аннотация. Статья посвящена проблеме национальной и культурной самоидентификации и ее критериям в представлении молодежи. Проанализированы результаты опроса полутора тысяч респондентов в возрасте от 15 лет до 21 года — учащихся школ, учреждений среднего профессионального образования и высших учебных заведений, — которым было предложено назвать самые цитируемые и узнаваемые русские фильмы и мультфильмы. Охарактеризованы результаты верификации полученных данных. Выявлено, что важную роль в процессе самоидентификации языковой личности как гражданина России играет знание массовой советской (1960–1980-х годов) и постсоветской (1990-х годов) культуры. Критерием же, позволяющим выявить «своих» в контексте коммуникативной ситуации, является знание прецедентных феноменов — цитат и визуальных образов из советского развлекательного кино и мультфильмов, а также массового кино постсоветского периода.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентный феномен, русская культура, языковое сознание

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>

Для цитирования: Редькина О. Ю., Селютин А. А. Текстцентричность русской культуры и ее отражение в языковом сознании молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 108–113. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-108-113.

Original article

TEXTOCENTRICITY OF RUSSIAN CULTURE AND ITS REFLECTION IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE YOUTH

Olga Yu. Redkina^{1✉}, Andrey A. Selyutin²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ red_olchik@mail.ru ORCID

² blind11@yandex.ru ORCID 0000-0003-3097-7341

Abstract. The article is devoted to the problem of national and cultural self-identification and its criteria in the view of young people. The results of a survey of one and a half thousand respondents aged 15 to 21 — students of schools, institutions of secondary vocational education and higher educational institutions — were analyzed, who were asked to name the most cited and recognizable Russian films and cartoons. The results of the verification of the received data are characterized. It has been revealed that knowledge of mass Soviet (1960–1980s) and post-Soviet (1990s) culture plays an important role in the process of self-identification of a linguistic personality as a citizen of Russia. The criterion that makes it possible to identify “friends” in the context of a communicative situation is the knowledge of precedent phenomena — quotes and visual images from Soviet entertainment films and cartoons, as well as mass cinema of the post-Soviet period.

Keywords: precedent text, precedent phenomenon, Russian culture, language consciousness

Acknowledgments. The research was supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>

For citation: Redkina OYu, Selyutin AA. Textocentricity of Russian culture and its reflection in the language consciousness of the youth. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475)):108-113. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-108-113.

Введение

В исследовании образа гражданина России мы выделили две базовые категории, влияющие на формирование самоидентичности: знания и ценности, которые неразрывно связаны с российской культурой как культурой многонационального государства, стержнем которой выступает национальная русская культура [10]. По словам исследователей О. Н. Астафьевой и Г. А. Аванесовой, до сих пор в научном дискурсе нет однозначных трактовок российской и русской культуры, подчас исследователи отождествляют эти понятия, а некоторые ученые, наоборот, акцентируют внимание на их содержательно-оценочных характеристиках, которые зачастую конфликтуют друг с другом [1]. Поэтому в данной работе мы будем употреблять термин «русская культура» (не в качестве синонима российской культуры), поскольку полагаем, что именно русская культура является основой для формирования стереотипов массового языкового сознания российских граждан.

Наше исследование нацелено на выявление констант русской культуры, тех ее фактов, которые закреплены в массовом языковом сознании и составляют неотъемлемую часть языковой личности носителя русской культуры. Так, ряд исследователей отмечают, что рождение культуры личности невозможно без определенного багажа знаний, который закладывается в нас в основном в период обучения, то есть в школе и средних и высших профессиональных учреждениях [11]. То есть мы ищем те знания и стереотипы, связанные с русской культурой и историей, которые сложились в сознании людей (в данном случае молодежи, находящейся на стадии подготовки к активной социальной и профессиональной деятельности) и позволяют определить, является человек носителем русской культуры или нет.

Наличие общего багажа культурных знаний или стереотипов позволяет видеть, условно говоря, «своих» в контексте коммуникативной ситуации. По мнению В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, «коммуникация на новый современный манер требует от ее участников

большого количества историко-культурных знаний и навыков облекать эти знания в слово и воспринимать в слове» [6. С. 17], иначе говоря, успех коммуникативного акта зачастую зависит от наличия у его участников общей апперцепционной базы. Е. Н. Ширяев справедливо считал, что «опора на апперцепционную базу осуществляется при построении любых разговорных текстов, но в диалоге эта опора проявляется особенно ярко и последовательно, поскольку диалог предполагает равное участие в коммуникации ее партнеров, и поэтому почти с неизбежностью активизируется их апперцепционная база» [14. С. 133].

Материалы и методы исследования

Мы пытаемся выявить общую апперцепционную базу, а именно знания и стереотипы о русской культуре и истории, закрепленные в текстах, у молодежи (от 15 лет до 21 года), чтобы в дальнейшем по возможности приобщить к этим знаниям детей мигрантов и сделать процесс их адаптации и социализации в новой языковой и образовательной среде чуть проще. Нас интересуют прецедентные тексты, которые вслед за Ю. Н. Карауловым определяем как тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется в дискурсе языковой личности» [5. С. 216]. Апперцепционная база, безусловно, формируется под сильным давлением потребляемого контента, напрямую зависящего от социальных, политических, культурных факторов. Именно по этой причине мы ищем инвариантную, неизменную и обязательную, часть русской культуры, закрепленную в языковом сознании ее носителей и никак не связанную с этническими стереотипами, сложившимися в сознании носителей иных культур и могущими быть представлены в виде стандартного визуального ряда: кокошник, валенки, самовар, балалайка, медведь и так далее.

Выявлять общую апперцепционную базу молодых людей мы решили, опираясь на знание ими прецедентных феноменов русской культуры. Что касается самого термина «прецедентный феномен», то современная наука предлагает целый ряд определений и классификаций, варьирующихся от наименований художественных произведений (как правило, из школьной программы) и общеизвестных цитат из популярных текстов [5; 9], образов, мотивов, стилистических приемов автора [3], пословиц, поговорок, имен собственных, антропонимов [4; 8], элементов интертекстуальности [12; 2] до классификаций, например, В. В. Красных, выделяющего четыре вида прецедентных феноменов: имена, тексты, высказывания и ситуации [7].

В данном исследовании под термином «прецедентный феномен» мы понимаем факты культуры, значимые для ее носителей и потому часто воспроизводимые, узнаваемые и имеющие стойкие ассоциации с этой культурой. Для этого нам потребовалось обращение к социолингвистическим методам исследования, в частности, к опросам. Поскольку речь идет о языковом сознании и воспроизведении прецедентных феноменов в речи носителей языка, естественным было обратиться к респондентам с просьбой указать наиболее узнаваемые и цитируемые произведения вербальных видов искусства: художественные тексты, фильмы, мультфильмы, песни. В рамках данной статьи остановимся на результатах опросов по фильмам и мультфильмам.

Необходимо отметить, что русскую культуру отличает лингво- и текстоцентричность: носители ее часто обращаются к текстам, цитируя их, ссылаясь на них, постепенно меняя способ общения, переходя из реальной коммуникации в виртуальную и от говорения и слушания к чтению и письму.

Любовь к цитированию — характерная черта русской национальной культуры. Так, В. С. Елистратов, автор «Словаря крылатых фраз российского кино», отмечает, что «и в русской художественной словесности, и в советском кино, и в российской философии, мыслительстве — везде именно Слово как таковое занимает ведущее место. Интрига, сюжет, логическая стройность и убедительность, визуальные эффекты и так далее — все эти критерии не так важны»¹.

¹ Елистратов В. С. Словарь крылатых фраз российского кино. М.: АСТ-Пресс, 2010. С. 15.

На момент подготовки статьи нами было опрошено 1500 уникальных пользователей². Респондентами явились молодые люди в возрасте от 15 лет до 21 года: школьники и студенты средних специальных учебных заведений. Все опрошенные обучаются в учебных заведениях города Челябинска и Челябинской области. Уровень знаний опрошенных не был релевантен в ходе анкетирования, поскольку вопросы не предполагали проверку знаний школьной программы, но были направлены на выявление общекультурных констант, так называемых фоновых знаний. Респонденты не были ограничены в количестве называемых феноменов, что, с одной стороны, значительно усложнило нашу задачу, с другой — сделало материал более репрезентативным.

Результаты исследования и их обсуждение

В ответ на первый вопрос «*Какие русские фильмы, на ваш взгляд, является самым цитируемыми и узнаваемыми?*» мы получили 1972 релевантных ответа, включая «не знаю».

Наиболее популярным фильмом оказался «Брат» 1997 г. (241 ответ). Другие наиболее часто упоминаемые фильмы — это советская киноклассика: «Бриллиантовая рука» 1968 г. (159 ответов), «Ирония судьбы, или С легким паром!» 1975 г. (159 ответов), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» 1965 г. (140 ответов), «Иван Васильевич меняет профессию» 1973 г. (125 ответов), «Любовь и голуби» 1984 г. (116 ответов), «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» 1966 г. (69 ответов), «Москва слезам не верит» 1979 г. (63 ответа). Меньшее количество голосов набрали «Джентльмены удачи» 1971 г. (33 ответа), «Служебный роман» 1977 г. (20 ответов). Во многих ответах эти фильмы были названы новгодними, советскими, классическими советскими и так далее; в одной анкете прослеживался явный анахронизм: «Я думаю, что это фильмы, снятые в 1980–1990-е, например, „Москва слезам не верит“, „Служебный роман“, „Любовь и голуби“ и так далее. Из них очень много цитат, которые повторяют по сей день». Из числа относительно новых фильмов названы «Т-34» 2018–2019 гг. (55 ответов), сериал «Бригада» 2002 г.

² Отдельно хотим выразить благодарность сотрудникам Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде г. Челябинска, которые помогли подготовить информационные письма и письма поддержки директорам учебных заведений, а также осуществить рассылку электронных анкет.

(50 ответов), «Чебурашка» 2023 г. (46 ответов), «Брат 2» 2000 г. (44 ответа), «Движение вверх» 2017 г. (34 ответа). 51 респондент затруднился с ответом. Таким образом, наибольшей популярностью у респондентов пользуются фильмы 1960-х годов (режиссер Леонид Гайдай, 493 ответа), 1990-х годов (режиссер Алексей Балабанов, 285 ответов), 1970-х годов (режиссер Эльдар Рязанов, 179 ответов), 1980-х годов (режиссер Владимир Меньшов, 179 ответов).

Теперь обратимся к ответам, полученным нами на второй вопрос: «Какие русские мультфильмы, на ваш взгляд, являются самыми цитируемыми и узнаваемыми?». Мы получили 1921 релевантный ответ.

Наиболее упоминаемым оказался сериал «Ну, погоди!» 1969–2017 гг. (368 ответов). В мультфильме не так много реплик, которые можно цитировать (собственно, они ограничиваются фразой: «Ну, заяц... Ну, погоди!»), однако визуальные образы достаточно яркие, и отсылки к ним носителями русской культуры считываются легко. На втором месте оказались мультфильмы из серии по мотивам книги Эдуарда Успенского «Крокодил Гена и его друзья» 1969, 1971, 1974, 1983 гг. (334 ответа), на третьем — мультфильмы из серии по сказке Алана Милна «Винни-Пух и все-все-все» 1969, 1971, 1972 гг. (201 ответ), на четвертом — мультфильмы из простоквашинской серии 1978, 1980, 1984, 2018 гг. (154 ответа), на пятом — сериал «Смешарики» 2003–2012 гг. (152 ответа), на шестом — сериал «Маша и Медведь» с 2009 г. по настоящее время (141 ответ), на седьмом — мультфильмы из цикла о трех богатырях 2004–2020 гг. (81 ответ).

Стоит особо отметить, что «канонические» названия мультфильмов из серий, как правило, в ответах отсутствуют. Так, большая часть респондентов назвала либо главных героев (24 Крокодила Гены и 310 Чебурашек), либо локацию (Простоквашино), либо сквозные персонажи (три богатыря, князь Владимир). Этот «народный нейминг» подтверждает большую популярность упомянутых мультфильмов и их узнаваемость. Присутствие в ответах упоминаний имен главных героев и других ключевых персонажей, места действия свидетельствует о знакомстве респондентов как минимум с элементами сюжета.

Впрочем, опросы проводились через гугл-формы без контроля со стороны опрашиваемых, поэтому мы допускаем мысль, что респондентам кто-то помогал писать «правильные», «ожидаемые» ответы. Эту гипотезу подтверждает написа-

ние некоторых названий, которые явно записывали на слух те, кто слышал их впервые, например, «Озёры здесь тихие», «Эрония судьбы», «Чернобыль». По этой причине мы включили просьбу закончить цитаты из некоторых фильмов и сериалов в другой опрос. На момент обработки ответов этот опрос прошли 1768 человек, и результаты вполне соотносятся с топ-5 фильмов и мультфильмов, по мнению респондентов:

— «В чем сила, брат? — в правде» (814/1768, 60 %, «Брат»);

— «Руссо туристо, облик морале» (558/1768, 41 %, «Бриллиантовая рука»);

— «Я раньше почему злой был? Потому что у меня велосипеда не было» (774/1768, 57 %, «Трое из Простоквашино»);

— «Замуровали, демоны!» (556/1768, 40 %, «Иван Васильевич меняет профессию»);

— «А может, не надо?.. — Надо, Федя, надо!» (607/1768, 44 %, «Напарник»);

— «Это все потому, что у кого-то слишком узкие двери! — Нет, все потому, что кто-то слишком много ест!» (564/1768, 41 %, «Винни-Пух»).

Здесь, по-видимому, речь должна идти уже не столько о цитировании (в частности, комедий Гайдая, Рязанова и Меньшова), сколько о метацитировании — или переходе фраз из этих кинолент в разряд крылатых выражений. Респонденты их знают, используют их в своей речи, но не всегда отдают себе отчет в том, что реплика, которую они часто слышат от родителей, на самом деле — цитата из фильма. Данный эффект порождает новые коммуникативные практики, основанные на узнавании и соотнесении своих знаний со знаниями собеседника, формирует определенный ассоциативный контекст, работающий на определение «своего» и «чужого» [13].

Здесь нужно отметить еще один момент: чем моложе зритель или чем дальше он от русской культуры, тем меньшее количество смеховой информации и социокультурных реалий он считает. Таким образом, фильмография советских времен становится сродни фольклору: реплики используются в качестве сигналов принадлежности определенной культуре, включаются в речь, трансформируются, и от «сказителя» к «сказителю» они могут приобретать новые черты и не свойственный им раньше смысл.

Заключение

Таким образом, мы видим проявление того, что Галина Юзефович называет истинно постмодернистской потребностью говорить о мире и в первую

очередь о себе посредством определенных культурных объектов и «методом транслировать не исключительность, но принадлежность» [15]. В языковом сознании молодежи, судя по результатам опросов, эта потребность тоже сохраняется, но существенно трансформируется за счет перехода цитаты в разряд крылатых выражений. В результате прецедентные феномены, сформированные на основе текстов кино и мультипликационных

фильмов, начинают участвовать в формировании самоидентичности гражданина России в современном культурном поле. Анализ ответов позволил выявить наиболее узнаваемые и цитируемые источники прецедентных феноменов, а также показать современные тенденции в развитии языкового сознания молодежи как представителей определенной культурной общности со своими традициями и стереотипами.

Список источников

1. Астафьева О. Н., Аванесова Г. А. Развитие национальной культуры и культурная политика в Российской империи и СССР: сравнительный анализ // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 206–216.
2. Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта: Наука, 2006. С. 104–108.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2004. 280 с.
4. Журавлева Е. А. Прецедентные тексты начала XXI века. М. : Флинта, 2007. 255 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 264 с.
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским слоупотреблением конца XX века. СПб. : Златоуст, 2001. 72 с.
7. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–75.
8. Лисоченко О. В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: учеб. пособие для студентов вузов. Ростов-н/Д. : Феникс, 2007. 318 с.
9. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М. : Флинта: Наука, 2004. 224 с.
10. Селютин А. А. Ценностный подход к анализу лингвокультурного образа «гражданин России» // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: Между традицией и новой реальностью: сб. материалов V Междунар. науч. конф. Челябинск, 2022. 263 с.
11. Сергеева Т. С. Арт-журналистика и современная российская культура: ценностно-смысловые доминанты и проблема сохранения человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 152–156.
12. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
13. Слышкин Г. Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000. С. 62–68.
14. Ширяев Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 132–147.
15. Юзефович Г. Борьба за чтение обречена // Правмир. 09 августа 2021. URL: <https://www.pravmir.ru/borba-za-chtenie-obrechena-galina-yuzefovich-o-knigah-v-epohu-interneta-mastride-i-nerezinovoj-shkolnoj-programme/> (дата обращения: 21.03.2023)

References

1. Astaf'eva ON, Avanesova GA. Development of national culture and cultural policy in the Russian Empire and the USSR: comparative analysis. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2015;(4):206-216. (In Russ.).
2. Bazhenova EA. Intertekstual'nost' = Intertextuality. In: *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flinta: Nauka; 2006. Pp. 104–108. (In Russ.).
3. Valgina NS. Teorija teksta = Text theory. Moscow: Logos; 2004. 280 p. (In Russ.).
4. Zhuravleva EA. Precedentnye teksty nachala XXI veka = Precedent texts of the beginning of the XXI century. Moscow: Flinta; 2007. 255 p. (In Russ.).

5. Karaulov JuN. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = Russian language and language personality. Moscow; 2007. 264 p. (In Russ.).
6. Kostomarov VG, Burvikova ND. Starye mehi i molodoe vino. Iz nabljudenij nad russkim slovoupotreblenijem konca XX veka = Old furs and new wine. From observations on Russian word usage at the end of the XX century. Saint Petersburg, Zlatoust; 2001. 72 p. (In Russ.).
7. Krasnyh VV, Gudkov DB, Zaharenko IV, Bagaeva DV. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija = Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*. 1997;(3):62-75. (In Russ.).
8. Lisochenko OV. Ritorika dlja zhurnalistov: precedentnost' v jazyke i rechi: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov = Rhetoric for journalists: Precedent in language and speech: a textbook for university students. Rostov-on-Don: Feniks; 2007. 318 p. (In Russ.).
9. Prohorov JuE. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs = Reality. Text. Discourse. Moscow: Flinta: Nauka; 2004. 224 p. (In Russ.).
10. Seljutin AA. Value approach to the analysis of the linguistic and cultural image of the "citizen of Russia". In: Sud'by nacional'nyh kul'tur v uslovijah globalizacii: mezhdru tradiciej i novej real'nost'ju = The fate of national cultures in the context of globalization: between tradition and new reality. Chelyabinsk; 2022. 263 p. (In Russ.).
11. Sergeeva TS. Art Journalism and modern Russian Culture: Value-semantic dominants and the problem of human preservation. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013;(22(313)):152-156. (In Russ.).
12. Slyshkin GG, Efremova MA. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) = Kinotext (experience of linguistic and cultural analysis). Moscow: Vodolej Publishers; 2004. 153 p. (In Russ.).
13. Slyshkin GG. Precedent text: the structure of the concept and ways to appeal to it. In: Problemy rechevoj kommunikacii = Problems of speech communication. Saratov; 2000. Pp. 62–68. (In Russ.).
14. Shirjaev EN. Semantic and syntactic structure of Russian conversational dialogue. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii = Russian language in scientific coverage*. 2001;(1):132-147. (In Russ.).
15. Juzefovich G. Bor'ba za chtenie obrechena = The struggle for reading is doomed. In: Pravmir. August 09, 2021. URL: <https://www.pravmir.ru/borba-za-chtenie-obrechena-galina-yuzefovich-o-knigah-v-epohu-interneta-mastride-i-nerezinovoj-shkolnoj-programme/> (accessed: 21.03.2023) (In Russ.).

Информация об авторах

О. Ю. Редькина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы.

А. А. Селютин — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

Olga Yu. Redkina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature.

Andrey A. Selyutin — Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-114-120

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ГОРОДА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Андрей Анатольевич Селютин¹, Анна Вячеславовна Таскаева²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, Челябинск, Россия

¹ blind11@yandex.ru

² taskaeva_anna@bk.ru

Аннотация. В статье представлен анализ ассоциативных ответов жителей города Челябинска и гостей города, связанных с восприятием городской среды, городских объектов, знаковых мест, известных личностей, в целом образа города и людей, живущих в нем. Выявление ассоциативного ядра образа города и периферийных смыслов может быть использовано для решения проблем социокультурной адаптации при внедрении в школьную образовательную систему. Знакомство со знаковыми местами, людьми, знание исторических фактов и уникальных особенностей города и области может положительно отразиться и на формировании образа гражданина России в языковом сознании подрастающего поколения. По мнению авторов, материал, представленный в данном исследовании, показывает сложное, контрастное отношение к городу, связанное в первую очередь с тем, что нынешние поколения не воспринимают Челябинск как город трудовой доблести и славы, как один из ключевых элементов опорного края державы, но отмечают серьезные экологические проблемы и внешнюю неблагоприятную для жизни человека среду (две стороны одной медали). Данное исследование может лечь в основу выделения специфических уникальных региональных лексических компонентов, ассоциирующихся с Челябинском и шире — с Челябинской областью, которые могут содействовать формированию позитивного образа данной локации.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, региональный компонент, лингвокультурный минимум, образ города, языковое сознание

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>

Для цитирования: Селютин А. А., Таскаева А. В. Специфика образа города в языковом сознании его жителей как основа для выделения устойчивых региональных компонентов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 114–120. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-114-120.

Original article

THE SPECIFICITY OF THE IMAGE OF THE CITY IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF ITS RESIDENTS AS A BASIS FOR SOLIDING SUSTAINABLE REGIONAL COMPONENTS

Andrey A. Selyutin¹, Anna V. Taskaeva²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, blind11@yandex.ru

^{1,2} South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia, taskaeva_anna@bk.ru

Abstract. The article presents an analysis of the associative responses of residents of Chelyabinsk and guests of the city, associated with the perception of the urban environment, urban objects, well-known places, famous personalities, the image of the city and its residents in general. It is important to find out the associative core and peripheral meanings of the city image because it can be used to solve the problems of socio-cultural adaptation when

introduced into the school educational system. Acquaintance with famous places and people, knowledge of historical facts and unique features of the city and region can have a positive impact on the formation of the image of a Russian citizen in the linguistic consciousness of the younger generation. The material presented in this study shows a complex, contrasting attitude towards the city, primarily due to the fact that current generations do not perceive Chelyabinsk as a city of labour merit, as one of the key elements of the stronghold of the country, but note serious environmental problems and an unfavorable external environment for human life (two sides of the same coin). This study can form the basis for identifying specific unique regional lexical components associated with Chelyabinsk and the Chelyabinsk Region, which can contribute to the formation of a positive image of this location.

Keywords: sociocultural adaptation, regional component, linguistic and cultural minimum, image of the city, linguistic consciousness

Acknowledgments. The research was supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>

For citation: Selyutin AA, Taskaeva AV. The specificity of the image of the city in the linguistic consciousness of its residents as a basis for solidifying sustainable regional components. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;5(475):114-120. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-114-120.

Введение

Мы живем в эпоху глобализации, и поэтому процессы социокультурной адаптации играют значимую роль в формировании благополучного общества. Причем речь идет не только о процессах миграции, но и о внутренних процессах, связанных с получением образования, возрастными особенностями, особенностями развития самого социума. Согласимся с О. И. Халупо, которая утверждает, что «современное общество, вступившее в эпоху глобализации, остро нуждается в осмыслении лингвокультурных процессов, происходящих в нем. С одной стороны, необходимо исследовать языковые тенденции, которые способствуют „окультуриванию“ наций, с другой стороны, нужно проанализировать и обозначить факторы влияния культуры на формирование адекватного и необходимого своеобразного ключа — „комплекта грамотности“, который будет способствовать успешной адаптации человека в обществе» [7. С. 120].

Термин «социокультурная адаптация» активно используется в социологии, где под ним понимается «форма взаимодействия субъекта со сферой повседневности, создающая субъекту условия эффективного вхождения в социум и освоения различных форм социальной деятельности. Ее содержанием является освоение новых, нестандартных ситуаций в повседневной жизни, а результатом — взаимоприспособление, совместимость и обмен продуктами деятельности индивида и среды» [2. С. 78]. Однако он также востребован культурологами, лингвистами, психологами, изучающими различные аспекты взаимодействия личности и социума. В этом отношении для нас важным является момент формирования элементов языкового сознания индивида, находящегося в процессе вза-

имодействия с окружающей средой, поскольку, по утверждению Н. В. Уфимцевой, «содержание и границы отдельного сознания возможно определить только в диалоге с другими сознаниями <...> это важно как для отдельно взятой личности, так и для этноса (как коллективной личности) в межэтническом/межкультурном диалоге» [6. С. 216], именно сформировавшиеся стереотипы восприятия реальности будут релевантны при выборе типов и способов коммуникации с другими членами социума.

Методология

В качестве объекта изучения мы выбрали образ города, городской среды г. Челябинска, представленный в языковом сознании его жителей и гостей в виде цепочек ассоциаций. Выявление данных особенностей позволит выявить систему устойчивых связей между образами сознания и объектами действительности, включающую ядерную зону и периферию (наиболее устойчивые, повторяющиеся ассоциации и уникальные реакции, связанные с личным опытом респондентов). В свою очередь, эта система позволит сформировать устойчивый региональный лексический компонент, несущий в себе ключевую информацию о данной локации и способный послужить основой для знакомства и понимания традиций, норм и правил поведения в социуме. Исследователи, занимающиеся изучением проблем социокультурной адаптации, полагают, что «роль регионального компонента содержания образования сложно переоценить. Он позволяет не только формировать у ребенка определенный запас представлений о родном крае, но и дает возможность почувствовать себя гражданином, участником происходящих в нем событий, заложить фундамент для развития самосознания

растущего человека как россиянина, личности с активной жизненной позицией, ощущающей чувство сопричастности, ответственности и гордости за свой город, край и его жителей» [3. С. 9–10].

Методы и материалы

В апреле — мае 2022 года был проведен опрос среди жителей и гостей Челябинска, касающийся стереотипов восприятия города, городской среды, особых запоминающихся элементов. Всего приняли участие 83 респондента. Для всех русский язык является родным; также в качестве языка, которым владеют с детства, выбирали татарский (4), башкирский (2), белорусский (1), чувашский (1). В качестве основного был использован метод незаконченных предложений, при анализе не учитывались служебные слова (предлоги, союзы, частицы), междометия. Незаконченные предложения направлены как на выявление устойчивых характеристик города, городской среды, характеристики людей, проживающих в городе, так и на выявление имен собственных, связанных с названиями улиц, персоналий, известных городских объектов. В целом мы предполагали получить набор устойчивых, узнаваемых стереотипов, имеющих отношение к данной локации.

Результаты

Первый вопрос предполагал выявление устойчивых ассоциаций с образом города в целом: «Напишите, пожалуйста, любые ассоциации со словом „Челябинск“. Старайтесь не думать и писать первое слово, которое придет вам в голову». Реакция: завод(-ы) (18), город (7), дом (6), Урал (6), метеорит (5), танк (5), трактор (5), суровый (5), большой (4), верблюд (4), грязь (4), Кировка (4), парк (4), родной (4), экология (3), грязный (3), дождь (3), дым (3), серость (3), смог (3), университет (3), Гагарина (3), родина (3), Танкоград (3), озеро (3), дороги (3). Ответы респондентов подчеркивают устоявшийся образ Челябинска как промышленного города, в котором много заводов, загрязняющих окружающую среду и оказывающих негативное влияние на экологическую ситуацию в городе. Реакция «трактор» связана с Челябинским тракторным заводом (ЧТЗ), а также с одноименным хоккейным клубом, известным за пределами Челябинска. Реакция «суровый» подтверждает стереотипизированное представление о суровости Челябинска и его жителей, которое сложилось в сознании жителей других регионов РФ благодаря серии ярких сюжетов сатирическо-юмористической телепередачи «Наша Russia». В юмористических высказываниях про суровый

Челябинск происходит обобщение и гиперболизация характерных для жителей Челябинского региона черт. Отметим, что неофициальное обозначение города «Танкоград» отходит на периферию и не употребляется активно. Вместе с тем появляются и новые ассоциации, связанные с недавними событиями — падением метеорита в 2013 году. Подчеркнем, что челябинский метеорит стал неофициальным брендом города благодаря усилиям ученых, политиков и широкой общественности, которым удалось реализовать воспоминания о болиде в виде материальных вещей: коллективной монографии «Челябинский суперболид» под редакцией Н. Горькавого и А. Дудорова; самого большого куска челябинского метеорита, выставленного на экспозицию в государственном историческом музее Южного Урала; почтовой карточки с метеоритом; ежегодных мероприятий, приуроченных к дню падения метеорита, и др.

Следующие три стимула можно объединить в группу эмоционального восприятия локации.

1. Стимул: «Лучше всего в Челябинске». Реакция: жить (9) в сочетании с частицей «не» (5), летом (6), гулять (5) в сочетании с «в парке Гагарина» (3), работать (4), центр (3), набережная (3), бор (3).
2. Стимул: «Я люблю Челябинск за то, что». Реакция: здесь (25), есть (18), я (9), город (8), много (7), мест(-а) (7), друзья (4), семья (4), родной (4), красивых (3), дом (3), родина (3), уютно (3). С наречием «здесь», кроме указанных «есть», «много», «мест», «уютно», «друзей», употреблялись также следующие лексические единицы: «моя семья» (7), «родилась» (2), «много возможностей», «учусь» (2), «вуз, в котором учусь», «много друзей», «мой родной город», «живет вся моя семья», «моя работа», «есть озеро».
3. Стимул: «Я не люблю Челябинск, потому что». Реакция: грязно(-ый) (22), здесь (17), много (10), экология (8), плохая (6), город(-а) (6), людей (5), воздух (5), заводов (4), серый (3), дышать (3). В сочетании с наречием «много», кроме отмеченных «людей», «заводов», употреблялись также слова «выбросов», «неблагополучных районов». В сочетании с наречием «здесь» в большинстве случаев используется лексическая единица «грязно».

Положительное эмоциональное восприятие Челябинска связано со следующими базовыми понятиями: «я», «семья», «друзья», «родина», которые непосредственно к городу не имеют отношения. То есть позитивное восприятие локации

возможно сквозь призму родственных и дружеских отношений. Негативное эмоциональное состояние стабильно связано с экологией, заводами, плохим воздухом, грязью, что подтверждается данными и других исследований, проводимых ранее (см., например, работу А. А. Галактионовой, Я. В. Макаренко, Е. С. Заевой). Реакция на первый стимул содержит рекомендации не селиться в городе, хотя присутствуют и нейтральные варианты.

Стимулы с 4 по 14 направлены на выявление устойчивых связей с конкретными объектами или людьми.

4. Стимул: «Самый известный челябинец — это». Реакция: Митяев (13), Текслер (12), Олег (8) (скорее всего, имеется в виду Митяев), не знаю (7), Ярушин (7), Стас (5) (скорее всего, имеется в виду Ярушин), Сумин (5), Курчатов (5).
5. Стимул: «В Челябинске я бы хотел посетить». Реакция: музей (16) в сочетании с краеведческий (9) дает нам представление о наиболее известной музейной локации — Челябинский краеведческий музей; далее идут лексемы театр (13) — получивший наибольшее сочетание с оперы и балета (3), драмы (2), им. Н. Орлова, оперный, камерный, Манекен; парк (5); набережная (5); рынок (3); зоопарк; кафе.
6. Стимул: «Самый известный _____ в Челябинске — это _____». Реакция: парк (14) в сочетании с Гагарина (12), ПКиО (2); университет (8) в сочетании с ЮУрГУ (5), ЧелГУ (3); театр (7) в сочетании с оперы и балета (4), молодежный (2), оперный; губернатор (6) в сочетании с Текслер (3), Юревич (3); памятник (4) в сочетании с Ленину (2), Игорю Курчатову (2); музей (3) в сочетании с краеведческий (2), образительных искусств.
7. Стимул: «Самый известный музей Челябинска». Реакция: краеведческий (48), исторический (14). Имеется в виду один и тот же музей, официальное название которого — Государственный исторический музей Южного Урала.
8. Стимул: «Самый известный театр Челябинска». Реакция: театр оперы и балета (28), Глинка (10), театр имени Наума Орлова (10), драмы (8), драматический (5), драмтеатр (4), камерный (4), молодежный (3).
9. Стимул: «Самый известный ресторан/кафе Челябинска». Реакция: Уральские

пельмени (11), Своя компания (5), Доски (5), Облака (4), Бургер Кинг (3).

10. Стимул: «Самый известный памятник в Челябинске». Реакция: Ленин(-у) (32), Курчатов(-у) (24), Орленок (8), танк (4).
11. Стимул: «Самый известный стадион в Челябинске». Реакция: Центральный (18), Елесинной(-а) (15), Локомотив (14), Трактор (9).
12. Стимул: «Самая известная школа в Челябинске». Реакция: 1 (15), 31 (13), не знаю (9), 11 (3), 45 (3), 93 (3).
13. Стимул: «Самый известный университет в Челябинске». Реакция: ЮУрГУ (45), ЧелГУ (44).
14. Стимул: «Самая известная улица в Челябинске». Реакция: Ленина (31), Кирова (25), Кировка (9), Сони Кривой (3), Братьев Кашириных (3).

В целом мы видим достаточно прогнозируемую и ожидаемую картину. Самыми известными личностями, ассоциируемыми с Челябинском, являются уроженец Челябинска Олег Митяев, советский и российский автор-исполнитель, музыкант, актер, автор и первый исполнитель песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»; актер, певец, участник команды КВН «Уездный город» и «Лица уральской национальности» Станислав Ярушин, получивший известность благодаря участию в телесериале «Универ»; почетный гражданин города Челябинска Петр Сумин, советский и российский государственный и политический деятель, губернатор Челябинской области, руководивший регионом 14 лет, заступивший на должность во времена тотального дефицита и разрухи, но сумевший сохранить главные предприятия области, названный «народным губернатором», имена которых включены во многие энциклопедии и словари, к примеру, в энциклопедию «Челябинск»¹ и лингвокультурологический иллюстрированный словарь «Герои России, Великобритания и США» [4. С. 65], а также действующий губернатор Леонид Текслер, который впервые организовал обратную связь с южноуральцами через социальные сети и рейтинг которого является стабильно высоким.

К самым узнаваемым учреждениям культуры, образования, отдыха и достопримечательностям относятся: Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинский государственный академический театр оперы и балета имени

¹ URL: <http://book-chel.ru/>

М. И. Глинка, Центральный парк культуры и отдыха имени Ю. А. Гагарина, Челябинский государственный академический театр имени Наума Орлова, ресторан «Уральские пельмени» (это своего рода бренд города), памятник В. И. Ленину (находится на центральной площади города), памятник И. В. Курчатову, Центральный стадион, стадион имени Е. Елесиной, стадион «Локомотив», две наиболее известные школы — гимназия № 1 (языковая) и лицей № 31 (физико-математический), два университета — Южно-Уральский государственный университет и Челябинский государственный университет, проспект В. И. Ленина, улица Кирова (с пешеходной зоной от центральной площади). Все обозначенные места и локации находятся в Центральном районе г. Челябинска.

15. Стимул: «В Челябинске». Реакция: много (15), людей (8), очень грязно (4), живу (3), холодно (3), люди (3). С наречием «много» кроме указанного «людей» употреблялись также в единичных случаях слова «машин», «возможностей», «красивых мест», «заводов», «смога», «торговых центров», «голубей», «курильщиков». Реакция в основном нейтральна и подчеркивает статус мегаполиса (отмечается большое количество людей), также присутствуют и незначительные негативные ассоциации с грязью.
16. Стимул: «В Челябинске больше всего». Реакция: заводов (17), машин (8), людей (6), озер (3), предприятий (3). Интересно, что не были зафиксированы реакции, связанные с крупным производством мясной продукции на Урале и сетью известных алко-маркетов.
17. Стимул: «В Челябинске пахнет». Реакция: выбросами (11), смогом (8), пылью (7), плохо (6), сиренью (5), заводами (3), выхлопами (3).
18. Стимул: «Я слышал, что в Челябинске». Реакция: люди (12) в сочетании с суровые (7), злые (5), живут (4), грустные, быстро говорят, отзывчивые; наречие много (10) не имеет достаточно устойчивой сочетаемости, только в сочетании с заводов (3) и предприятий (1) дает некий ориентир на восприятие города как промышленного, заводского; метеорит (9), грязно (5), грязный воздух (4), метро (3).
19. Стимул: «Челябинск удивляет своим (-и/-ей)». Реакция: красотой (4), людьми (3), количеством заводов (2), изобилием нацио-

нальностей (2), природой (2), дорогами (2), размером (2), контрастами (2), бором (2), погодой (2), протяженностью (2). В ответах на это незаконченное предложение не просматривается четкой ядерной конструкции, что может говорить об отсутствии в образе города яркого, запоминающегося элемента, способного вызвать удивление. Причем мы полагаем, что глагол «удивляет» воспринимается респондентами в позитивном контексте, следовательно, отсутствует запоминающийся позитивный элемент.

20. Стимул: «Типичный челябинец — это». Реакция: рабочий (7), суровый (5), я (5), житель (5), сосед (2), гопник (2), обычный человек (2), грустный (2), трудоголик (2), работяга (2). Мы видим и здесь сохранение общего впечатления от города и горожан как территории заводской, где основным видом занятости населения является работа на заводе.

Обсуждение

Результаты исследования подтвердили, что Челябинск — уникальный город, главная особенность которого заключается в контрастах. С одной стороны, Челябинск — это промышленный город с более чем 65 предприятиями, негативно влияющими на экологию региона, что было отмечено всеми респондентами, а также послужило основой для многочисленных исследований. С другой стороны, это область, которая обладает уникальными природными достопримечательностями: многочисленными чистейшими озерами, реками, горами, заповедниками и природными парками. Челябинская область славится добычей и переработкой природного сырья, металлургией, машиностроением, энергетикой, аграрными комплексами. В то же время столица Южного Урала — Челябинск — является крупнейшим научно-образовательным центром с известными вузами, узнаваемыми театрами и музеями.

Заключение

Результаты исследования подтвердили, что в языковом сознании жителей г. Челябинска преобладают негативные ассоциации, связанные с неблагоприятной экологической обстановкой, что в свою очередь обусловлено спецификой Челябинской области как одной из самых индустриальных в России. Многочисленными заводами и промышленными предприятиями Челябинска создается образ города, в котором не хочется жить из-за грязи, пыли и выбросов. Вместе с тем именно

благодаря производственным мощностям Урал долгое время, вслед за А. Твардовским, называли «опорным краем державы» [5. С. 15] — понятие, которое ушло на периферию и сейчас все меньше используется в публичном дискурсе. Мы полагаем, что в языковом сознании молодежи должны присутствовать эти региональные компоненты: ключевые события, связанные с регионом, важ-

ные имена и даты, названия и история становления заводов и предприятий. Формирование у обучающихся определенного запаса представлений о родном крае на фундаменте исторических фактов и художественных образов будет способствовать повышению уровня самосознания граждан, чувства патриотизма и гордости за свой регион, сопричастности к его достижениям.

Список источников

1. Галактионова А. А., Макаренко Я. В., Заева Е. С. Исследование имиджа города Челябинска // Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития: сборник статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 28 ноября 2018 г. Челябинск, 2018. С. 110–118.
2. Тьерри Л. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1> (дата обращения: 09.02.2023).
3. Региональный компонент. Особенности формирования образовательной программы дошкольного образования: информационно-методические материалы / под общ. редакцией С. В. Никитиной. СПб., 2016. 108 с.
4. Таскаева А. В. Герои России, Великобритании и США: лингвокультурологический иллюстрированный словарь. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 74 с.
5. Твардовский А. За далью — даль. М., 1954. 32 с.
6. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. : Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
7. Халупо О. И. Лингвокультурные аспекты взаимодействия субъектов национальных коммуникативных пространств : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2016. 394 с.
8. Чередынова А. Б., Добрынина Я. С. Имидж территории и его трансформация в условиях современности (на примере г. Челябинска и Челябинской области) // Урбанистика. 2018. № 3. С. 171–179. doi: 10.7256/2310-8673.2018.3.26332. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26332 (дата обращения: 09.02.2023).
9. Шпак Л. Л. Социокультурная адаптация: сущность, направления, механизм реализации : дис. ... д-ра социол. наук. М., 1992. 353 с.

References

1. Galaktionova AA, Makarenko JaV, Zaeva ES. Research of the image of the city of Chelyabinsk. In: *Mezhdisciplinarnost' nauki kak faktor innovacionnogo razvitija = Interdisciplinary sciences as a factor of innovative development*. Chelyabinsk; 2018. Pp. 110–118. (In Russ.).
2. T'errri L. Sociokul'turnaja adaptacija: sushhnost' i funkcii = Sociocultural adaptation: essence and functions. *Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij = Russian magazine of scientific works*. 2011;(8(9)). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1> (accessed: 09.02.2023) (In Russ.).
3. Nikitina SV (ed.). Regional'nyj komponent. Osobennosti formirovaniya obrazovatel'noj programmy doshkol'nogo obrazovaniya: informacionno-metodicheskie materialy = Regional component. Features of the formation of the educational program of preschool education: information and methodological materials. St. Petersburg; 2016. 108 p. (In Russ.).
4. Taskaeva AV. Geroi Rossii, Velikobritanii i SShA: lingvokul'turologicheskij illjustrirovannyj slovar' = Heroes of Russia, Great Britain and the USA: linguoculturological illustrated dictionary. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ.; 2021. 74 p. (In Russ.).
5. Tvardovskij A. Za dal'ju — dal' = Beyond the distance — distance. Moscow; 1954. 32 p. (In Russ.).
6. Ufimceva NV. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' = Linguistic consciousness: dynamics and variability. Moscow: Institut jazykoznanija RAN; 2011. 252 p. (In Russ.).
7. Halupo OI. Lingvokul'turnye aspekty vzaimodejstvija subjektov nacional'nyh kommunikativnyh prostanstv = Linguistic and cultural aspects of the interaction of subjects of national communicative spaces. Abstract of thesis. Cheljabinsk; 2016. 394 p. (In Russ.).

8. Cherednjakova AB, Dobrynina JaS. The image of the territory and its transformation in modern conditions (on the example of Chelyabinsk and the Chelyabinsk region). *Urbanistika = Urbanistics*. 2018;(3):171-179. doi: 10.7256/2310-8673.2018.3.26332. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26332 (accessed: 09.02.2023). (In Russ.).

9. Shpak LL. Sociokul'turnaja adaptacija: sushhnost', napravlenija, mehanizm realizacii = Sociocultural adaptation: essence, directions, implementation mechanism. Abstract of thesis. Moscow; 1992. 353 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Селютин — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания.

А. В. Таскаева — доктор филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, заведующая кафедрой иностранных языков.

Information about the authors

Andrey A. Selyutin — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Anna V. Taskaeva — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 372.881.161.1:378

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-121-130

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТОППЕРЫ КАК ОСНОВА КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Наталья Феликсовна Старыгина

Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия, felixovna.711@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности лингвокультурных акцентов внутри языка для специальных целей лесного кластера. Самыми функциональными и продуктивными маркерами в этом смысле являются языковые и экстралингвистические стопперы, вовлеченные в особое пространство профильного текста. Стопперы участвуют в процессе обмена информацией, опираясь на этнические реалии, усиливают коммуникацию в сфере лесного хозяйства, природопользования, лесозаготовки и деревообработки прецедентными фрагментами специфической геолокативной лингвокультурной среды.

Ключевые слова: лингвистические и экстралингвистические стопперы, прецедентный текст, лесотехническое пространство, билингвальный диалог

Для цитирования: Старыгина Н. Ф. Экстралингвистические стопперы как основа кросс-культурного пространства в рамках языка для специальных целей // Вестник Челябинского университета. 2023. № 5 (475). С. 121–130. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-121-130.

Original article

EXTRALINGUISTIC STOPPERS AS THE BASIS OF CROSS-CULTURAL SPACE WITHIN A LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES

Natalya F. Starygina

Ural State Forestry University, Yekaterinburg, Russia, felixovna.711@mail.ru

Abstract. This article discusses the features of linguistic and cultural accents within the language for special purposes of the forest cluster. The most functional and productive markers in this sense are linguistic and extralinguistic stoppers involved in the special space of the profile text. Stoppers participate in the process of information exchange based on ethnic realities, strengthen communication in the field of forestry, nature management, logging and woodworking with precedent fragments of a specific geolocative linguistic and cultural environment.

Keywords: linguistic and extralinguistic stoppers, precedent text, forestry space, bilingual dialogue

For citation: Starygina NF. Extralinguistic stoppers as the basis of cross-cultural space within a language for specific purposes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475)):121-130. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-121-130.

Введение

На современном этапе обучения иностранных студентов в вузе помимо профильного образования они все чаще и активнее выбирают кросс-культурные направления страны изучаемого языка, используя при этом полилингвальные возможности (то есть способность говорить на нескольких языках). Существует настоятельная необходимость

© Старыгина Н. Ф., 2023

(в том числе в высшей школе лесотехнического кластера) определиться с экстралингвистическими якорями, или стопперами, помогающими идентифицировать, осмыслить и учесть в практической деятельности важнейшие аспекты социально-этнических явлений в жизни современного общества.

Стопперы — это средства суггестивности, усиливающие узнаваемость, известность, запоминаемость и оценку предметов и фактов

действительности, отраженных в коммуникации, в том числе в текстовом материале. Такие суггестивные средства связаны с разноуровневыми языковыми единицами (лексическими, грамматическими, стилистическими и пр.), а также, собственно, с самими лингвокультурными концептами и их свойствами, выраженными этими единицами. Таким образом, стопперы обладают эмотивно-воздейственной функцией, являющейся неотъемлемым компонентом общения.

Своеобразные лексемы, идиомы, обороты речи, стилистические приемы и средства, грамматические явления, свидетельствующие о чужой лингвокультуре, являются лингвистическими стопперами. В рекламе и, в ряде случаев, в учебном процессе лингвистическим (точнее, текстовым) стоппером может служить и емкое законченное речевое произведение, имеющее формальную и смысловую структуру, если оно выступает в качестве мема и имеет прагматическую установку с конечной целью побуждения реципиента к действию.

Среди специфических особенностей лингвистических стопперов выделяются такие свойства, как: свернутость, дополнительность, сигнальность, иерархичность, оценочность, инструктивность. Структурно-семантические свойства лингвистических стопперов выражают своеобразные выразительные национально-культурные типы восприятия информации, позволяющие говорить о ментальности конкретной социальной группы коммуникантов [14. С. 100]. Перечисленное способно актуализироваться через языковые средства актуального для нас лесотехнического пространства: персоналии, предметы, явления природы и пр., связанные с лесным хозяйством, лесопользованием, экологией и т. д.

Экстралингвистическими стопперами являются концептуальные этномаркеры — наименования концептов и понятий как отражателей культуры общества и языка на определенном этапе их развития. Они способны частично демонстрировать базовые ценности и менталитет народа, исторические, природоохранные и культурные традиции, а также общественные стереотипы [14. С. 100]. Яркость, необычность или, напротив, узнаваемость, известность, запоминаемость и оценочность являются факторами функционирования суггестивных экстралингвистических стопперов. Эти единицы участвуют в создании интеллектуальной и идеологической зацепок на фоне высокого эмоционального воздействия.

Об уникальном воздействии свойстве лингвокультуры пишет Н. Ф. Алефиренко, отме-

чая на примере символа его способность «передать весь спектр магической силы», затрагивать «аффективную сферу человеческого естества», его обращенность к «неосознаваемым глубинам человеческой души» [21. С. 91].

Человек естественным образом приобретает фоновые знания, которые, несомненно, имеют отношение к народному и обыденному сознанию носителей определенной культуры и принципиально отличаются от научных знаний, составляющих ядро фундаментальных наук. Эти знания могут включать в себя язык, обычаи, традиции, религию и другие аспекты культуры. Одним из ключевых явлений в процессе интеграции являются интертекстуальные включения. Они позволяют реализовать предшествующие явления в тексте и раскрывают внутреннюю природу употребления. Например, использование цитат, аллюзий или других приемов связывает текст культурными контекстами.

Кроме того, экстралингвистические стопперы могут рассматриваться как искусственные, «выученные» экстралингвистические знания [7. С. 390; 8. С. 651]. Под экстралингвистическими знаниями, соглашаясь с Е. В. Аликиной и Ю. О. Швецовой, мы понимаем динамическое единство разноуровневых предметных, энциклопедических знаний о фактах объективно существующей действительности, лежащих вне структуры языка и включающих в себя знания о контексте речевого акта, проблеме коммуникации, ее участниках, и другие знания об окружающем мире, в том числе знания об актуальных событиях [1. С. 198].

Соглашаясь с мнениями ученых и дополняя их, отмечаем, что эксплицитные признаки запоминаемости, известности для билингвальных участников коммуникативного акта в любой речевой ситуации могут выражаться различными релевантными характеристиками. Интеграция, взаимодействие и объединение различных культур и языковых сообществ является неминуемым процессом в нашем мире. Этот процесс включает в себя множество коммуникативных и лингвистических аспектов, так как язык играет ключевую роль в понимании и интерпретации объективной действительности. Интеграция культур и языковых сообществ позволяет людям общаться и взаимодействовать друг с другом, помогает уважать и понимать различия между культурами и создавать более гармоничное общество.

В данной статье нас интересуют экстралингвистические стопперы, которые можно рассматривать как лингвокультурные соответствия

общеизвестных/популярных и специфических (в нашем случае — связанных со сферой природопользования, лесного хозяйства и т. п.) предметов и явлений действительности. Представляется интересным реализовать особенности их коммуникативного воздействия в билингвальных моделях, принятых в специальном техническом образовании, с опорой на характеристику тезаурусных профильных текстов, а также рассмотреть их стилистические акценты.

Этнический и этнопсихолингвистический контент профильного текста имеет функционально-семантический потенциал, который способен обеспечить полифонизм разных языков и культур при применении «солидарного подхода». Этот подход определяет интегративность субъектов, способствует признанию культур других народов, толерантное отношение к ним, предполагает конструктивное социальное действие, моделирует общие смыслы, ценности, нормы и т. п. [4. С. 15].

Познание иных культур предполагает использование инструментария виртуального воссоздания объектов этих культур, то есть придания им форм и локусов текстового пространства. «Текстовое пространство, или локальность, представляет собой неотъемлемое свойство всех объектов действительности, поэтому пространственные характеристики приписываются и тем объектам, которые сами по себе не имеют пространственной природы» [22. С. 5]. Любой текст пространственен, он вписывается в поликультурность как «способ сохранения и развития всего многообразия культурных ценностей, норм образцов и форм деятельности, существующих в данном обществе, и базируется на принципах диалога и взаимодействия различных культур» [11. С. 227; 12. С. 35].

В сфере наших интересов — динамические и многообразные картины мира, создаваемые в ходе международного образования в условиях диалога культур, включающие как собственно профильные знания, так и культурные атрибуты, передающие этноколорит.

Современное лесотехническое текстовое пространство представляет собой модульный комплекс, включающий перекрестные сведения в области природопользования, лесного хозяйства, деревообработки, экологического кластера, а также кросс-лингвальные локативные сведения, экспликация которых передается за счет различных профильных текстов. Международная образовательная поликультурная среда в Уральском государственном лесотехническом университете (далее — УГЛТУ) формируется за счет солидарного

формирования понятийно-терминологического тезауруса отраслевой специфики, а также осуществления взаимодействия участников с разными культурами и лингвокультурами. Для этого создана особая внутривузовская социокультурная система обучения иностранных студентов. В современных условиях оптимизации образовательной деятельности в УГЛТУ налажены двусторонние партнерские отношения между такими странами и вузами, как Казахстан (Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова, Костанайский социально-технический университет имени академика Зулхарнай Алдамжар), Таджикистан (Таджикский аграрный университет имени Шириншох Шотемур), КНР (Харбинский университет наук и технологий) и др.

При этом «рост потребности в специалистах нелингвистических направлений нового поколения обусловил появление различных моделей обучения иностранному языку в высших школах России» [2. С. 163]. Наиболее эффективным в последнее время в практике преподавания иностранных языков, прежде всего, русского как иностранного, становится введение элементов лингвострановедения, отражающееся в культурной-исторической тематике семинарских занятий. Формирование и развитие культурной грамотности у студентов УГЛТУ — постоянная взаимотворческая работа педагога и студента, результат которой осуществляется однозначно на дуэтной основе.

Учитывая профессиональную потребность в раскрытии коммуникативно значимого смысла учебного общения с элементами лингвострановедения, считаем целесообразным более подробно рассмотреть, каким образом экстралингвистические стопперы лесотехнического текстового пространства становятся факторами, интегрирующими своеобразие профильных текстов и лингвокультурные тезаурусы коммуникантов-адресатов, участвующих в коммуникации.

Материалы и методы исследования

Материал данного исследования представлен фрагментами профильных текстов по русскому языку, извлеченных методом сплошной выборки из учебных материалов научной библиотеки УГЛТУ, а также письменными ответами-комментариями китайских студентов. В качестве основных лингвистических методов исследования использовались метод систематизации и классификации материалов, метод выборки прецедентных феноменов, метод анализа профильных текстов с учетом лингвокультурных особенностей.

Результаты исследования и обсуждение

Межэтническая коммуникация. Диалог культур

В кросс-культурной коммуникации особую роль играет этнический диалог как форма межнационального общения. Лингвокультурная компетентность будущего менеджера сферы лесного кластера естественным образом ориентируется на пороговый уровень В1 (максимально приближенный к уровню В2) языковых знаний обучающихся иностранцев, включая известные компоненты международной системы тестирования (письмо, лексика/грамматика, чтение, аудирование и говорение), а также лингвострановедческий аспект. Сам процесс трансэтнического сотрудничества есть билингвальный диалог в группе, языковые особенности которого отображают многообразные типологии международных (поли-)диалогических отношений. «Диалог — это общение с культурой, реализация и воспроизводство ее достижений, это обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами» [9. С. 32].

Отмечаем константные характеристики интерактивных технологий, используемые при реализации (поли-)диалогических отношений «студент-иностранец — педагог-преподаватель», акцентируя при этом их отношения сотрудничества и тесного взаимодействия. Формы работы, основанные на специфике формируемых компетенций, типологизируются, они включают лингвокоммуникативные тренажеры, тренинги с лингвокультурным и лингвострановедческим компонентом для «совершенствования коммуникативно-познавательных умений» [3. С. 46], а также практические занятия, направленные на развитие профессиональной креативности.

Экстралингвистические стопперы лесотехнического текстового и лингвокультурного пространства

Как упоминалось выше, привлечение экстралингвистического информационного контента способствует более основательному знанию предмета коммуникации, а значит, необходимо вовлекать лингвокультурные тезаурусные атрибутивы в профильное пространство текста. По нашим наблюдениям, указания в текстах на социально-культурные реалии, персоналии, локальные объекты окружающей действительности,

природной среды свидетельствуют о наличии в этих текстах экстралингвистических стопперов. Они были обнаружены и зафиксированы нами при анализе материала.

А. Экстралингвистические стопперы внутри профильно-ориентированного текста

Профильное пространство лесотехнического кластера, толкование которого опирается прежде всего на тезаурус/словарь специфической лексики, факты окружающей действительности, природоохранной сферы, лесного хозяйства и его истории и пр., содержит энциклопедические знания. Сюда же в силу важнейшей посреднической роли языка входят особенности его разных уровней: лексического, грамматического, стилистического (примеры 1–8; фрагменты выборки некоторых публикаций из научной библиотеки УГЛТУ). Такого рода тексты включены в профильные учебники лесотехнических специальностей. Кроме этого, они включены в интерактивные технологии¹, обладающие высоким мотивационным потенциалом в достижении эффективных результатов профессионально ориентированного обучения [17].

Пример 1. «Получение полиметилметакрилата методом эмульсионной полимеризации»; «Особенности адсорбционной очистки газов. Виды промышленных адсорбентов»; «Метод определения белизны по СIE D65/100 осветитель (дневной свет). ГОСТ Р ИСО 11475–2010»; «Химические реакции полимеров и деструкция».

Пример 2. Проблема мобилизации генофонда растений, в том числе введения в культуру новых высоковитаминных и декоративных видов, стала в последнее время весьма актуальной для практики лесного и лесопаркового хозяйства, ландшафтного строительства, садоводства, степного и защитного лесоразведения, озеленения, фитодизайна и разработки продуктов питания с повышенной информационной структурой.

Пример 3. Лесозаготовительные предприятия различают по объему производства, сортиментному плану, сроку действия, типам лесовозного транспорта и лесопромышленных складов. Объем вывозки древесного сырья (в кубических

¹ Интерактивные технологии — это технологии, при которых образовательный процесс происходит во взаимодействии всех коммуникантов, причем каждый из них обязательно вносит индивидуальный вклад в обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Характеризуется открытостью, взаимодействием между участниками, равенством их притязаний, накоплением общих знаний и возможностью реакции, оценки и контроля.

метрах за год, квартал, месяц, сутки или смену) — основной количественный показатель, характеризующий лесозаготовительное производство.

Выделенные фрагменты в представленных текстах указывают на термины и профессионализмы с фактическим упоминанием конкретных номинаций лексем, с указанием на термины-derivаты и пр. Представляется возможным позиционировать их как оригинальные, своеобразные, в определенной степени отражающие русскую лингвокультуру и вместе с тем имеющие специфическую принадлежность к природоохранной отрасли, сферам химической технологии древесины, деревообработки и др.

Пример 4. В 1865 г. в Москве открылась *Петровско-Разумовская земледельческая и лесная академия*, которая за 7 лет существования выпустила всего 23 специалиста с лесоводственным образованием. В 1869 г. в *Петербургском земледельческом институте* было создано лесное отделение, в 1880 г. институт был преобразован в *Лесной*. В *петербургском Лесном институте* работали известные профессора *Н. В. Шелгунов, А. Н. Энгельгард, И. П. Бородин, Н. А. Холодковский, П. А. Костычев, К. К. Гедройц, А. Ф. Рудзкий, Г. Ф. Морозов* и др. Лесной институт оказал большое влияние на развитие естествознания и становление лесохозяйственных наук в России. Лесоводы с высшим образованием (с 1869 г.) готовились также и на лесном факультете *Ново-Александринского сельскохозяйственного института* (близ Варшавы). В этих трех вузах в 1913 г. по лесной специальности обучалось около 900 человек.

Пример 5. «*Heinola sawmill solutions* — комплексные решения для крупных лесопильных заводов», «Метод определения белизны по *CIE D65/100 осветитель* (дневной свет). *ГОСТ Р ИСО 11475–2010*»; «Химические реакции полимеров и деструкция».

Пример 6. Леса *Свердловской области* характеризуются значительной неоднородностью, что обусловлено нахождением на ее территории *Уральских гор* и частично прилегающих *Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинных областей*. Указанное обстоятельство обусловило выделение при лесорастительном районировании шести лесорастительных округов [*северотаежный, среднетаежный, южнотаежный, широколиственно-хвойных лесов, сосново-березовых предлесостепных лесов, северо-лесостепной (колочный)*], восьми лесорастительных провинций [*Северо-Уральская среднегорная, Средне-Уральская низкогорная, Предуральская пред-*

горная, провинция Уфимского плато, Юрюзано-Сылвенская депрессия, Зауральская холмисто-предгорная, Зауральская равнинная, Приобская (Тоболо-Приобская) равнинно-болотная] и трех лесорастительных областей (*Уральская горная, Восточно-Европейская равнинная и Западно-Сибирская равнинная*).

Пример 7. По официальным данным *Федерального агентства лесного хозяйства РФ*, в 2018 г. только на территории лесного фонда зафиксировано 11,4 тыс. лесных пожаров, которыми была пройдена площадь 8,5 млн га.

Пример 8. Рубка по способу *Г. А. Корнаковского* дала положительные лесоводственные результаты. Положительный опыт от подобной рубки получен также в лесах *Центрально-Черноземного региона Российской Федерации*. По современной классификации рубка *Г. А. Корнаковского* является *чересполосной постепенной*.

Выделенные фрагменты дают побочную «кругозорную» информацию, дополняющую высказывания лесотехнической тематики, главными в которых являются термины и профессионализмы. Благодаря суггестивному влиянию они превращают лесотехническую информацию в устойчивый образный фрейм (гештальт) с лингвокультурной составляющей.

Б) Лесотехническое прецедентное пространство

Не менее важным стоппером является сам учебный лесотехнический текст, который в ракурсе межкультурной коммуникации в ходе учебного процесса может считаться прецедентным и выполнять роль стоппера. Под прецедентным текстом Ю. Н. Караулов понимает значимые тексты для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [18].

Готовность адресатов речевого акта интерпретировать прецедентные профильные тексты, способность различать, что является наиболее стержневым, а что нет, то есть способность генерировать информацию на русском языке, обеспечивает способность порождать новые толкования, новые смыслы и эффективно их использовать в будущей профессиональной деятельности [13]. При этом, на наш взгляд, моделирование принципов таких умозаключений не может не опираться на особенности родного языка, семантизацию информации (е

смысловой аспект, смысловое содержание и форму передачи речи), использование национально ориентированных, этно-психологических текстов и пр. Последнее, например, активно использует в своей практике Л. Г. Юн, которая предлагает интерпретировать классический коммуникативный материал в аутентичных произведениях [15]. Об образцах текстовой пространства (речевого и неречевого поведения в том числе) на материале видеолекций вслед за Л. Г. Юн говорят Н. В. Томащук и Р. Ю. Богаченко, которые отмечают, что если общение происходит в условиях определенной ситуации и на фоне конкретного ситуативного контекста, то знание соответствующих ситуативных контекстов обеспечивает адекватное ситуации речевое и неречевое поведение коммуникантов [12].

Лесотехнический профильный текст, по нашим наблюдениям, — сложный поликодовый прецедентный текст, используемый как источник знаний, в котором реализуются многие современные тенденции представления коммуникативной информации. Он может использоваться как источник образовательных знаний, умений. Его содержательный контент адаптированный, диалогичный, вызывающий обсуждения и может служить основой учебно-методических материалов. Данного типа текст предлагает модель материального мира на основе формирования в его сознании образа неких предметов, явлений с помощью специальных языковых средств.

В качестве примера предлагаем фрагмент профильного текста с акцентом на одну из его ключевых, центральных отраслей — лесозаготовительную (по материалам сайта Fabricators.ru — «Лесозаготовительная промышленность» за 2023 г.):

Одна из важных отраслей промышленности России — лесозаготовительная, она является частью лесной индустрии. Отвечает за запас древесины, ее вывоз, первичную обработку и утилизацию отходов.

Для экономики страны этот вид промышленности имеет важное значение: почти половина всей территории РФ покрыта лесами, что дает большие возможности для получения прибыли в промышленном масштабе. К тому же продукция отрасли необходима практически во всех других областях производства:

1. Медицина. Например, в травматологии и ортопедии — новейшие разработки гипса на основе древесной стружки. Упаковки для медикаментов, камфора (содержится в эфирных маслах сибирской пихты) и прочее.

2. Целлюлозно-бумажная индустрия.

3. Строительство.

4. Сельское хозяйство — например, отходы служат источником получения росторегулирующих веществ растений.

5. Полиграфия.

Во всем лесном комплексе у данной отрасли определяющая роль — именно она отвечает за поставки сырья на производства.

Основные ресурсы «нужной» древесины (достаточная спелость, перестойность) находятся в восточных регионах страны (Дальний Восток). Однако ведущие районы лесозаготовок — северные европейские территории (Архангельская, Вологодская области, республика Коми, Карелия), Приволжье, Восточная Сибирь (Иркутская область, Красноярский край) и прочие.

В) Прецедентные феномены Уральской тематики

Прецедентные феномены (известные цитаты, выражения, включая события, факты, явления, запечатленные в том числе в изобразительном искусстве и связанные с названиями художественных произведений), находящиеся внутри текстового пространства лесотехнической сферы, строятся на основе компиляции всевозможных вербальных и невербальных языковых средств, характеризуют разнообразные известные и менее известные феномены. Последние определенным образом связаны с профильными атрибутами, с тематикой леса, с природными фрагментами указанием всевозможных номинаций и т. п. В нашем случае стопперами прецедентного пространства профильного текста выступают уже упомянутые в начале экстралингвистические и акцессорные средства суггестивности, направленные на узнавание конкретного факта, явления действительности участниками конкретного коммуникативного процесса с целью интенсифицирования усвоения материала, а также вовлечения их в процесс обмена информацией. Например, авторитет, основанный на доверии к известной личности (русский живописец И. И. Шишкин, его упоминания о лесе и картины «Рожь», «Утро в сосновом лесу» и др.; уральский писатель П. П. Бажов, описание необычного леса, волшебной природы в сказах писателя «Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок», экологические феномены — в образах-героях, предметах леса: «Это поистине сказочные места Среднего Урала. Тут и овечья легендами Азов-гора, и Марков Камень, и Думная гора, где, по преданию, думал думу сам Пугачев. Неподалеку одно из богатейших в прошлом

месторождений медного колчедана и малахита — Гумешевский рудник. На Думной горе маленький Павел Бажов слушал поэтические сказы дедушки Слышко — караульщика В. А. Хмелинина. Старик рассказывал о Хозяйке Медной горы, о девке Азовке, о волшебном змее Полозе» [19]. Репрезентация стопперов определяется в первую очередь лингвоэтническими маркерами (учитывая психологические особенности), моделирующими ментальность участников речевого процесса и ее существенные характеристики в конкретной социальной группе. Так, особенно ярко выделяются кодификационные признаки, учитывающие, прежде всего, факторы, связанные с социальными функциями общения, с культурной традицией, определяемые спецификой языка группы, этнопсихологические факторы с перцептивными и мнемическими видами деятельности [6. С. 126].

По нашим наблюдениям, диалоговое взаимодействие в рамках профильного текстового пространства опирается на этническо-культурную и психолингвистическую его вербализацию. «В фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой» [5. С. 16].

В этом смысле показательными могут быть прецедентные феномены как маркеры культурных символов, знаковых реалий при изучении природной, исторической, культурной тематики Урала, Свердловской области, Екатеринбурга. В подобном текстовом пространстве функционально можно выделить эмотивный акцент (сверхчувствительный, чересчур эмоциональный), прагматическое воздействие которого обнаруживается в суггестивных характеристиках, важнейших для понимания участниками той или иной картины мира.

Экспликация упомянутых признаков может осуществляться на тематическом семинаре при наличии интертекстуальных вкраплений в качестве номинативов и презентации текстов: «Романовы на Урале» / «Последние дни Романовых» / храм Спас на Крови, Ганина Яма и пр.), «Екатеринбург зеленый» (аншлаговое пространство — краеведческий музей, Плотинка, музей природы Урала и т. д.), «Город уральских сказов» (аншлаговое пространство — Уральский парк сказов, музей П. П. Бажова), «Екатеринбург купеческий» (аншлаговое пространство — купеческие клады, старинные особняки), «Колыбель камнерезного мастерства» (аншлаговое пространство — камнерезное искусство Урала и Екате-

ринбургская Императорская гранильная фабрика, произведения камнерезного искусства конца XVIII — начала XX вв.), «Екатеринбург православный» (аншлаговое пространство — монастыри Екатеринбургской митрополии), «Национальные праздники», «Мой УГЛТУ» и др.

Интерпретация смыслового пространства (письменная стоппер-вербализация)

Изучение компонентных моделей экстралингвистических стопперов включает не только вышеупомянутые известные геолокации (местоположения со знаменитыми онимами); немаловажным акцентом в этом смысле является запоминаемость объектов, их интерпретация и понимание прочитанного, увиденного. Так, для сознательного отображения реалий действительности, их сущности, для формирования ментального и ценностно-смыслового пространства участники-адресаты коммуникативного процесса, речевого акта должны поместить себя в мир культурных ценностей, которые выступают в качестве потенциальных мотивов. Они могут стать реально действующими мотивами, выполняющими функцию смыслообразования. Смыслообразующие процессы, берущие начало от личностных ценностей, могут породить высшие, вечные смыслы. Через высший уровень смыслообразования «человек закладывает в себя новые, независимые от потребностей регуляторы поведения» [20]. В процессе становления жизненного пространства личности происходит трансформация социальных ценностей в личностные, которую можно рассматривать как «движение от ценностей социальных групп к личностным ценностям» [20].

Трансляция смыслового пространства от увиденного, услышанного или прочитанного отображается в расширенных письменных комментариях, фрагменты которых представлены китайскими студентами — участниками кросс-культурных ситуаций. Вот некоторые из них (орфография, пунктуация, речевые и стилистические обороты сохранены):

— «Всем здравствуйте, мое имя Настасия. Мое китайское имя Ван Янсяо. Сегодня я увидела интересную экскурсию на Урале. Я и мои друзья-студенты смотрели купеческие памятники в Екатеринбурге и в парке около города Слобода. Да, это были разные дома и дома культуры, а также памятники в лесу. Это очень увлекательно и полезно для иностранных граждан»;

— «Привет! Меня зовут Екатерина. Мое китайское имя Лю Тин. И я участвовала в спортивном празднике. Это была студенческая универсиада. Много студентов из разных стран показывали

физическую культуру. И я гордая за свою страну. Потому что китайская делегация была большая. И китайские студенты быстрые, ловкие. Я никогда не забуду эти показательные выступления. Спорт и дружба навсегда»;

— «Я Янь Мин из Китая. Сегодня я посетил природный памятник „Бажовский заповедник“. Это, во-первых, уникальная природа Урала, природный парк, смешанный лес, водоемы, а также экскурсия по сказам уральского писателя П. Бажова. Основание лежит в истории родного края писателя. Я видел сказочных героев, которые показали мне уральский быт и обычаи. И я участвовал в празднике и я рисовал русские узоры на тарелке. Это незабываемые впечатления»;

— «Здравствуйте дорогие читатели! Мое имя Ван Кунпэн и я китаец. Я предпочитаю Россию и Екатеринбург, потому что это самый русский город в большой стране. Я много ездил на экскурсии в других странах. Но я не видел так много золотых православных памятников. Я их увидел в столице Урала. Это прекрасные святые места. Например, Храм-на-Крови. Свято-Троицкий кафедральный собор. Это удивительные хранилища русских традиций и истории. А еще мы ездили в малый город Березовский. Там ищут золото и добывают его. Мы познакомились с первым человеком, который открыл золото, золотой фонд. Это Ерофей. Это было прекрасное время для всех нас».

Трансфер ценностей упомянутых комментариев осуществляется различными способами, в том чис-

ле посредством специфических уральских артефактов, которые, как мы понимаем, перекрестны: с одной стороны, они не теряют актуальности на разных этапах лингвокультурной динамики, являясь экстралингвистическими, с другой — могут быть связаны между собой семантическими коннотациями, представляющими как денотативные образы, реально существующие, так и иллюзорные, моделируемые.

Совершая трансформацию от образа-стоппера к тексту, от текста — к пространству внутритекстовой реальности, от их конкретных смыслов — к набору смешанных смыслов, к представлению цельного события, ситуации, стопперы становятся автономными маркерами лингвокультурной реальности, приводят к осуществлению речевого процесса между людьми.

Выводы

Таким образом, в основе формирования межкультурного пространства лежит многомерный, интегрированный процесс, определяющий «знание, понимание, уважение языка, традиций, обычаев, религиозных конфессий, национальной психологии того или иного этноса и народа» [9. С. 16].

При этом экстралингвистические стопперы позволяют транслировать смысловое пространство геолокативных объектов и претендуют на равноправные позиции с узкоспециализированной информацией в понимании действительности, отбрасывая ее «виртуальные» фрагменты и факты.

Список источников

1. Аликина Е. В., Швецова Ю. О. Формирование экстралингвистической компетентности будущих устных переводчиков. Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6037> (дата обращения: 02.11.2021).
2. Безукладников К. У., Жигалев Б. А., Прохорова А. А., Крузе Б. А. Особенности формирования мультилингвальной образовательной политики в условиях нелингвистического вуза // Язык и культура. 2018. № 42. С. 163–180.
3. Дзюба Е. В., Массалова А. Э. Игровые интерактивные технологии на уроках РКИ в системе профессионально ориентированного обучения // Педагогическое образование в России. 2019. № 2. С. 46–55.
4. Дорощук Е. С. Солидаризация медиаобразовательных практик в условиях транслокальных культурных сообществ виртуальной среды // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 15–25.
5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. Психолингвистика: монография. М.: Наука, 1986. 159 с.
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Малкова М. В. Роль экстралингвистических знаний при обучении русскому как иностранному // Индустрия перевода. 2016. Т. 1. С. 390–394.
8. Малкова М. В. Классификация экстралингвистических знаний на основе адаптационных проблем иностранных обучающихся подготовительного отделения // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5 (5). С. 651–655.
9. Маркова Н. Г. Кросскультурная грамотность как индикатор межнационального понимания // Среднее профессиональное образование. 2009. № 3. С. 16–22.

10. Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. М., 1999. С. 9–32.
11. Скрипкина Т. П., Карабанова О. А. Социокультурные технологии формирования социального и индивидуального толерантного поведения // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 34–39.
12. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
13. Томашук Н. В., Богаченко Р. Ю. Роль экстралингвистических факторов при обучении иностранному языку с использованием видеоматериалов // Евразийский научный журнал. 2017. № 10. URL: <http://journalpro.ru/articles/rol-ekstralingvisticheskikh-faktorov-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-s-ispolzovaniem-videomaterial/> (дата обращения: 02.11.2021).
14. Туякова М. Т. Профессионально-ориентированное обучение на русском языке // Молодой ученый. 2017. № 40 (174). С. 90–91.
15. Чупрынина А. М., Ивыгина А. А. Лингвистические стопперы и особенности их функционирования в пресс-рекламе Республики Татарстан: структурно-семантический аспект // Альманах современной науки и образования. 2016. № 5 (107). С. 100–102.
16. Юн Л. Г. Система упражнений для обучения китайских студентов инженерного профиля общему владению русским языком и языку специальности // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 322–330.
17. Научная библиотека УГЛУ. Общеуниверситетские коллекции. URL: <https://elar.usfeu.ru/> (дата обращения: 02.11.2021).
18. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. URL: <https://djvu.online/file/fqmsAzFbP05g0>
19. Природа и человек. Экологические находки в сказах П. П. Бажова. URL: <https://geo.lsept.ru/article.php?ID=200500903> (дата обращения: 02.11.2021).
20. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности URL: https://bookap.info/book/leontev_psihologiya_smysla_priroda_stroenie_i_dinamika_smyslovoj_realnosti/ (дата обращения: 02.11.2021)
21. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2020. 288 с.
22. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

References

1. Alikina EV, Shvecova YuO. Formation of extralinguistic competence of future interpreters. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2012;(2). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6037> (accessed 02.11.2021). (In Russ.).
2. Bezukladnikov KU, Zhigalev BA, Prohorova AA, Kruze BA. Features of the formation of a multilingual educational policy in the conditions of a linguistic university. *Iazik I kul'tyra = Language and culture*. 2018;(42):163-180. (In Russ.).
3. Dzyuba EV, Massalova AE. Interactive gaming technologies at RCT lessons in the system of professionally oriented training. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2019;(2):46-55. (In Russ.).
4. Doroshchuk ES. Solidarization of media educational practices in the conditions of translocal cultural communities of the virtual environment. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: the problematic field of media education*. 2020;(2(36):15-25. (In Russ.).
5. Kubryakova ES. Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti. *Psiholingvistika. Monografiya = Nominative aspect of speech activity. Psycholinguistics: monograph*. Moscow; 1986. 159 p. (In Russ.).
6. Leont'ev AA. *Osnovy psiholingvistiki = Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow; 1997. P. 287. (In Russ.).
7. Malkova MV. The role of extralinguistic knowledge in teaching Russian as a foreign language. *Industriya perevoda = Translation Industry*. 2016;(1):390-394. (In Russ.).
8. Malkova MV. Classification of extralinguistic knowledge based on adaptation problems of foreign students of the preparatory department. *Pedagogika. Voprosy teorii I praktiki = Pedagogy. Questions of theory and practice*. 2020;(5(5):651-655. (In Russ.).

9. Markova NG. Cross-cultural literacy as an indicator of international understanding. *Srednee professional'noe obrazovanie = Secondary vocational education*. 2009;(3):16-22. (In Russ.).
10. Sajko EV. O prirode i prostranstve «dejstviya» dialoga = About the nature and space of the “action” of the dialogue. In: *Sociokul'turnoe prostranstvo dialoga = Sociocultural space of dialogue*. Moscow; 1999. Pp. 9–32 (In Russ.).
11. Skripkina TP, Karabanova OA. Socio-cultural technologies for the formation of social and individual tolerant behavior. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*. 2011;(2):34-39. (In Russ.).
12. Toporov VN. Prostranstvo i tekst = Space and text. In: *Tekst: semantika i struktura = Text: semantics and structure*. Moscow; 1983. Pp. 227–284. (In Russ.).
13. Tomashuk NV, Bogachenko RYu. The role of extralinguistic factors in teaching a foreign language using video materials. *Evrasijskij nauchnyj zhurnal = Eurasian Scientific Journal*. 2017;(10). Available from: <http://journalpro.ru/articles/rol-ekstralingvisticheskikh-faktorov-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-s-ispolzovaniem-videomaterial/> (accessed: 02.11.2021). (In Russ.).
14. Tuyakova MT. Professionally-oriented training in Russian. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2017;(40(174):90-91. (In Russ.).
15. Chuprynina AM, Ivygina AA. Linguistic stoppers and features of their functioning in the press advertising of the Republic of Tatarstan: structural and semantic aspect. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*. 2016;(5(107):100-102. (In Russ.).
16. Yun LG. A system of exercises for teaching Chinese engineering students general command of the Russian language and the language of the specialty. *Samarskij nauchnyj vestnik = Samara scientific bulletin*. 2019;(1(26):322-330. (In Russ.).
17. Nauchnaya biblioteka UGLTU. Obshcheuniversitetskie kollekcii = Scientific Library of the Ural State Forestry University. University-wide collections. Available from: <https://elar.usfeu.ru/> (accessed: 02.11.2021). (In Russ.).
18. Karaulov YuN. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian language and language personality. Available from: <https://djvu.online/file/fqmsAzFbP05g0> (accessed: 02.11.2021). (In Russ.).
19. Priroda i chelovek. Ekologicheskie nahodki v skazah P. P. Bazhova = Nature and man. Ecological findings in the tales of P. P. Bazhov. Available from: <https://geo.lsept.ru/article.php?ID=200500903> (accessed: 02.11.2021). (In Russ.).
20. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti = Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. Available from: https://bookap.info/book/leontev_psihologiya_smysla_priroda_stroenie_i_dinamika_smyslovoy_realnosti/ (accessed: 02.11.2021). (In Russ.).
21. Alefirenko NF. Lingvokul'turologiya: cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie = Linguoculturology: value-semantic space of language: textbook. Moscow: Flinta: Nauka; 2020. 288 p. (In Russ.).
22. Matveeva TV. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij: Sinhronno-sopostavitel'nyj ocherk = Functional styles in the aspect of text categories: Synchronous-comparative essay. Sverdlovsk: Ural University Publishing House; 1990. 172 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. Ф. Старыгина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков.

Information about the author

Natalya F. Starygina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign languages.

Статья поступила в редакцию 14.11.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 14.11.2021; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 821.581

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-131-137

АНАЛИЗ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» ЦАО СЮЭЦИНЯ

Хуэй Чэнь¹, Лян Цао²

¹ Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, Гуанчжоу, Китай, 1007686179@qq.com

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, lian.tsao@urfu.ru, ORCID 0000-0003-0589-1933

Аннотация. В статье произведена семантическая интерпретация фамилий, имен и прозвищ главных героев романа «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, одного из важнейших произведений китайской литературы, с точки зрения структурных, семантических и функциональных особенностей антропонимов персонажей. Научная новизна данной работы заключается в комплексном и детальном анализе антропонимической структуры имен персонажей в художественном тексте «Сон в красном тереме», предложении семантической интерпретации наименований отдельных персонажей и определении роли имен собственных в создании художественных образов действующих лиц. В результате доказано, что выбор автором имен собственных в романе «Сон в красном тереме» не был случайным, имел ряд конкретных художественных целей и является ключом для понимания данного произведения.

Ключевые слова: роман «Сон в красном тереме», антропоним, имена собственные, китайская литература

Для цитирования: Чэнь Х., Цао Л. Анализ антропонимов в художественном тексте «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 131–137. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-131-137.

Original article

ANALYSIS OF ANTHROPONYMS IN “DREAM IN THE RED CHAMBER” BY CAO XUEQIN

Hui Chen¹, Liang Cao²

¹ Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, 1007686179@qq.com

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, lian.tsao@urfu.ru, ORCID 0000-0003-0589-1933

Abstract. The article provides a semantic interpretation of the protagonists' names, surnames, and nicknames from “Dream of the Red Chamber” by Cao Xueqin. “Dream of the Red Chamber” is one of the most significant pieces in Chinese literature, among other things, in the perspective of structural, semantic and functional aspects of characters' anthroponyms. The academic novelty of this research is determined by a complex and detailed analysis of the anthroponomic structure of the characters' names in the aforementioned imaginative text. The paper also provides semantic interpretation of protagonists' naming and defines the role of proper names in creating artistic images of protagonists. As a result, the paper proves that the author of “Dream of the Red Chamber” did not choose proper names randomly but through them pursued a range of artistic goals. The choice of the names is an additional key to understanding the novel.

Keywords: novel “Dream in the Red Chamber”, anthroponym, proper names, Chinese literature

For citation: Chen H, Cao L. Analysis of anthroponyms in “Dream in the Red Chamber” by Cao Xueqin. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(5(475)):131-137. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-131-137.

¹ Чэнь Х., Цао Л., 2023

Введение

Актуальность данной работы объясняется отсутствием научных статей, исследующих своеобразие антропонимической системы в романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэцзя и закономерности ее функционирования. Представляется, что имена собственные в качестве объекта лингвистического анализа могут стать ключом к решению литературоведческих и эстетических проблем художественного текста произведения.

Ху Ши, китайский философ, лидер движения за реформирование китайского языка, считал, что «Сон в красном тереме» можно считать подлинно классическим произведением, а знакомство с ним — неотъемлемым этапом при изучении современного китайского языка [9. С. 179]. В романе рассказывается об увядании двух династических линий рода Цзя, о любви между молодыми героями и о многочисленных конфликтах в судьбах персонажей. Сложная структура произведения, психологическая мотивированность поступков героев и входящие в повествование стихи составляют достоинства романа. Помимо прочего, в романе детально описываются реалии правления династии Цин, что позволяет читателям погрузиться в атмосферу древней культуры Китая и познакомиться с особенностями древней народной медицины, культуры чаепития, народной кухни, устного фольклора, погрузиться в древнюю мифологию, конфуцианскую, буддистскую и даосскую философию, рассмотреть семейные традиции и примеры выражения сыновьей почтительности, старую живопись, классическую литературу, народную оперу, музыку и многое другое. Таким образом, устоявшийся термин «Энциклопедия жизни китайского народа» как нельзя лучше подходит для характеристики романа «Сон в красном тереме».

«Сон в красном тереме» — воплощение китайской национальной культуры и объект исследования и споров. Подобно российскому пушкиноведению в Китае была создана отдельная научная дисциплина «Хунсюэ» (кит. 红学 — «Красноведение»). Манифестом, возвестившим ее становление, стала статья за авторством Ху Ши «Атрибуция “Сна в красном тереме”» (1921 г.). Роман «Сон в красном тереме» был переведен на японский, английский и другие европейские языки, в том числе и на русский. П. Курляндцев, сотрудник русской православной духовной миссии, в 1832 году приобрел 80 глав романа в рукописном виде, а русский профессор А. Рудаков (1871–1949 гг.) пытался перевести его, но, к сожалению, в 1930–1940 го-

дах перевод был утерян. Советский литературовед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР Владимир Андреевич Панасюк (1924–1990) смог завершить собственный вариант перевода произведения, который был опубликован в 1958 году в московском издательстве «Художественная литература».

Процесс перевода романов, подобных «Сну в красном тереме», был сопряжен с рядом трудностей, большая часть которых связана с «безэквивалентной лексикой». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют этот термин как «непереводимую» лексику, требующую специальных заимствований, потому что в языке, на который она переводится, просто нет аналогов к ней [4. С. 77]. Примеры безэквивалентной лексики обычно встречаются в сферах речевого этикета, общественно-политических, этнографических, географических текстах, а также в ономастических реалиях, как, например, антропонимы (имена собственные, идентифицирующие людей) и топонимы (имена собственные, идентифицирующие географические объекты). В художественном произведении для перевода таких безэквивалентных лексических единиц, как имена собственные, необходимо применять транслитерацию или побуквенную (послоговую) передачу слов, что делает невозможным сохранение оригинального значения лексики [2. С. 125]. Что касается имен в романе «Сон в красном тереме», то большинство из них — говорящие и были выбраны автором неслучайно. Заложенный в них смысл в совокупности с контекстом употребления оказывает существенное влияние на художественно-изобразительные средства произведения. Таким образом, выбранные автором антропонимы отображают его субъективное отношение к событиям и действиям героев, выражают его определенные намеки (подтекст), воплощают необходимые для повествования художественно-образные смыслы, а также передают читателю различные скрытые значения. Поэтому художественные антропонимы, обладая глубоким аллегорическим подтекстом, с одной стороны, имеют большую ценность для будущих поколений переводчиков, а с другой стороны, являются концентрированным воплощением идеи художественного целого, выступая проводником эстетической идеи текста. В данной статье в рамках изучения имен собственных были исследованы стилистические функции соотнесенных с авторской идеей и замыслом для воплощения художественного образа онимов, а также способы и принципы номинаций персонажей.

Поставленной целью определяются задачи исследования:

- 1) рассмотреть структурные особенности номинаций персонажей в романе;
- 2) предложить семантическую интерпретацию наименований отдельных персонажей и проанализировать их функции в создании художественных образов действующих лиц.

Теоретическая база исследования разнообразна. В 1973 году известный ученый в области философии языка Е. В. Гродзинский выпускает работу «Очерк общей теории имен собственных», в которой формулирует роль собственных существительных и их свойства в языке [5. С. 87]. В семидесятые годы подобных советских трудов ученых-ониматологов появилось всего несколько, к ним относятся работы А. В. Суперанской («Общая теория имени собственного», М., 1974), А. А. Белецкого («Лексикология и теория языкознания (ономастика)», Киев, 1972) и В. А. Никонова («Имя и общество», М., 1974). В работе «Имя и общество» В. А. Никонов обращает большое внимание на социальность и историческую обусловленность собственных существительных и считает, что общество, традиции и национальная культура автора имеют существенное влияние на его выбор имен собственных [7. С. 12–28]. В любом художественном произведении художественные идеи автора выражаются в основном различными ономастическими средствами.

Материалы и методы исследования

В статье используются два качественных метода исследования: библиометрический анализ и анализ конкретных случаев. Статья включает в себя основные теоретические исследования имен собственных в Китае и России за последние годы. В рамках исследования произведен анализ характеристик имен нескольких ключевых ролей.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования заключается в углубленном анализе функции имен собственных в текстах художественной литературы [3. С. 4]. В данной работе для анализа антропонимов выбрано произведение выдающегося китайского писателя Цао Сюэциня «Сон в красном тереме».

В китайском литературоведении роман «Сон в красном тереме» изучается достаточно активно. Первыми исследователями романа были современники автора, жившие во времена династии Цин. Это литературное произведение считается наиболее знаменитым и популярным из четырех китайских классических романов и уже включено

в учебную литературу школ и вузов. После Движения за новую культуру (1915 г.) в Китае роману уделялось особенное внимание. Среди видных ученых можно назвать Ху Ши («К текстологии романа „Сон в красном тереме“», 1921 г.), Юй Пинбо («Сборник исследовательских работ о романе „Сон в красном тереме“», 1952 г.), Чжоу Жучан («Новые источники романа „Сон в красном тереме“», 1953 г.), Юй Инши («Два мира в романе „Сон в красном тереме“», 1961 г.), Ли Щифуань («Очерки о романе „Сон в красном тереме“», 1973 г.). Однако данное произведение до сих пор оставалось вне круга исследовательских интересов лингвистов. Настоящая работа стремится исправить этот пробел.

Результаты и их обсуждение

Структурные особенности именованья персонажей в романе

Способы и принципы именованья опираются на грамматические и стилистические особенности языка, на котором пишется литературное произведение, на исторические национальные традиции выбора имен и на культурные нормы местного этикета. Они тесно связаны с культурным и историческим развитием страны и отражают отличительные черты национального мышления и народной духовной жизни [6. С. 95]. Структурные особенности китайских антропонимов отличаются от особенностей антропонимов других языков. В полной антропонимической структуре китайского языка выделяют два компонента: фамилию (Ф), присвоенную человеку при рождении, и имя (И). В свою очередь, имя может быть первым (ПИ), данным родителями, и вторым (ВИ), получаемым в обществе. В художественном тексте «Сна в красном тереме» в зависимости от количества компонентов в антропонимической структуре различают однокомпонентную (Ф или И) модель, два варианта двухкомпонентной (Ф + ПИ или Ф + ВИ) модели. Однокомпонентная модель при этом имеет наибольшую частотность использования. Например: «Служанка Пиньэр стояла у кровати и рассматривала бабушку Лю, затем подумав, предложила ей сесть. Бабушка Лю тоже рассмотрела служанку и, заметив на ее шелковой одежде множество украшений, золотых и серебряных нитей, приняла ту за сестру Фэн. Только бабушка Лю хотела обратиться к ней „сестра Фэн“, как внезапно зашедшая супруга Чжоу Жуя назвала ее служанкой Пиньэр, на что та ответила: „Да, тетя Чжоу?“. Бабушка Лю поняла, что Пиньэр — простая служанка, но высокого

статуса» [8. С. 97] (здесь и далее перевод цитат выполнен авторами статьи — Чэнь Хуэй, Цао Лян). В данном абзаце номинации всех персонажей (бабушки и служанки) образуются по однокомпонентной модели, как Лю и Пиньэр. Кроме того, можно часто встретить специальную приставку, которая выделяет различные стилистические и эмоциональные значения (уменьшительно-ласкательные, официально-деловые, фамильярно-уничижительные и др.), а также используется для выражения межличностных отношений между персонажами или общественного статуса героя. Особенно часто это проявляется в однокомпонентной модели. К примеру, имя персонажа «бабушка Лю» на китайском пишется по формуле — приставка «бабушка» + фамилия «Лю» (刘姥姥), так же «госпожа Ван» — приставка «госпожа» + фамилия «Ван» (王夫人), «сестра Фэн» — приставка «сестра» + часть из имени «Сифэн» (凤姐), «тетушка Сюэ» — приставка «тетушка» + фамилия «Сюэ» (薛姨妈), «наложница Чжао» — приставка «наложница» + фамилия «Чжао» (赵姨娘) и др. Напротив, наиболее редко встречается употребление обоих вариантов двухкомпонентной структуры по отношению к одному персонажу. Среди 705 персонажей романа автор использует только семнадцать таких двухкомпонентных имен, подчеркивая их сюжетную значимость [11. С. 144–177]. Например: «В какой-то день Цзя Юйцунь путешествовал и оказался в уезде Вэйян, там он вдруг услышал, что некто Линь Жухай в этом году будет работать на должности сборщика налога на соль. Этот самый Линь Жухай, фамилия Линь, имя Хай, а по прозвищу Жухай...» [8. С. 23]. Линь Жухай: фамилия Линь, имя Хай, прозвище Жухай. Здесь наблюдается небольшое отличие в личном имени собственном персонажа между оригиналом и переводом. В оригинале имя сборщика соляного налога было создано по модели Ф + И + прозвище, а в переводе на русский язык прозвище персонажа было опущено, поскольку прямой перевод этого компонента уже не соответствовал историческим реалиям времени перевода. Компонент антропонима прозвища не был переведен. Согласно «Ли цзи» (варианты перевода: «Книга установлений», «Книга обрядов», «Трактат о правилах поведения», «Записки о нормах поведения»), одному из осевых текстов китайской конфуцианской традиции, прозвище дается мужчине по достижении двадцати лет при проведении церемонии инициации и вступления в статус мужчины. В Древнем Китае по традиции при обращении к человеку чаще пользуются

его прозвищем, а не именем, фамилией или моделью Ф + И [10. С. 5]. Стоит отметить, что в романе «Сон в красном тереме» при обозначении главных персонажей, как правило, используются обе двухкомпонентные модели, а при именовании второстепенных — только однокомпонентная. В такой системности употребления номинаций определенно прослеживается авторская интенция. Первая версия названия этого романа звучала как «Двенадцать драгоценных шпилек из Цзиньлиня», что символизировало двенадцать красавиц-персонажей произведения. Название разоблачает исходный замысел прозаика: внимание автора концентрируется преимущественно на описании женских образов этих героинь.

Стилистические функции именовании персонажей в романе

Применительно к именам собственным в общей структуре языка В. Л. Бондалетов отмечал, что в изучении их различных сторон принято выделять следующие основные функции: дифференцирующие, идентифицирующие и номинативные [1. С. 20–23]. Кроме того, существуют и второстепенные функции имен собственных, которые классифицируются как «дополнительные», «факультативные», «производные», и к ним относятся эмоциональные, аккумулятивные, социальные, стилистические, эстетические, экспрессивные, дейктические (указательные), функции «введения в ряд» и адресные [там же]. Похожие функции осуществляют антропонимы в художественной литературе: эмоционально-экспрессивные функции, эстетические, характеризующие, номинативные, стилистические и др. Все вышеперечисленные функции неразрывно связаны между собой. Однако в романе «Сон в красном тереме» доминирующей является характеризующая функция, передающая читателю описание внешности, понимание особенности характера героев и их оценку. Необходимо отметить, что в соответствии с особенностями китайской национальной культуры означенная функция в большей мере присуща личным именам, нежели фамилиям, поскольку последние обладают общеупотребительным статусом. В романе «Сон в красном тереме» имена многих персонажей имеют нарицательный смысл, например Вань и Баочай. Имя Вань в буквальном переводе на русский язык — это «белый шелк». Ли (фамилия) Вань — молодая вдова, ее имя говорит не только о ежедневном ведении домашнего хозяйства, но и о скучной пустой жизни и трагической судьбе. В романе автор дает ей

следующую характеристику: «Поэтому, хотя Ли Вань и овдовела еще в молодости, но жила в богатстве и достатке. Она была подобна засохшему дереву и остывшему пеплу — ни до каких семейных хлопот, кроме ухода за родителями и приемным сыном, ей не было дела — лишь изредка она скрашивала свой досуг вышивкой и чтением стихов с сестрами покойного мужа» [8. С. 55].

Имя Сюэ Баочай также можно прочесть в нарицательном ключе — в таком разрезе оно будет означать «драгоценную шпильку». В китайской культурной традиции «драгоценная шпилька» (Баочай) символизирует женщину, в частности красавицу. Это связано с тем, что в древнем китайском обществе женщины из высшего сословия были обязаны следить за своим внешним видом, придавая особое внимание своей прическе и головным украшениям. Волосы обычно укладывались в тугие пучки, которые фиксировались шпильками разных форм, часто украшенными драгоценностями. Вот как в тексте описывается Сюэ Баочай: «Была еще одна девушка на два года моложе Сюэ Паня, названная в детстве Баочай. У нее было миловидное лицо, красивая кожа и элегантные движения. Когда отец еще был жив, он очень любил дочь и разрешил ей изучать иероглифы. В своих знаниях Баочай превзошла брата в десять раз» [8. С. 63]. Сюэ Баочай происходит из богатой семьи, ее старший брат — это Сюэ Пань. Сюэ Баочай оказалась иной, чем Сюэ Пань, который в романе описывается следующим образом: «Только этот наследник Сюэ еще в ранние годы потерял отца, а овдовевшая мать, оберегая его, вырастила избалованным. Повзрослев, он так ничему и не научился» [8. С. 63]. По сравнению с характеристикой его образа сама Баочай представлена красивой, умной и образованной, на что и указывает прямое прочтение ее имени — «драгоценная шпилька».

Некоторые имена содержат сложные ассоциативные смыслы. Например, имя Баоюй, образованное от нарицательного существительного, означающего драгоценный жадеит или яшму. Употребление такого имени собственное отсылает, во-первых, к рождению героя с яшмой во рту: «Тетя спросила, разве он не тот мальчик, что родился с яшмой во рту? Когда я жила в родительском доме, часто слышала, что мать говорила, что этот мой старший брат, старше меня на один год, его зовут Баоюй» [8. С. 45]. Во-вторых, с помощью данного имени выстраиваются тесные ассоциативные связи между главными персонажами Баоюй и Дайюй, так как имя героини Дайюй обра-

зовано от нарицательного существительного, означающего разновидность черного жадеита. В романе «Сон в красном тереме» кроме совпадения имен персонажей имя Баоюй связывается и с фамилией героини Линь, в буквальном переводе означающей «лес». По легенде, приведенной в первой главе произведения, героиня Линь Дайюй рождается из травы, а герой Баоюй — из яшмы. В прошлой жизни он был небожителем и часто поливал эту «прелестную, но слабую травку» — благодаря ему она прожила еще долгие годы, а затем переродилась в девушку. Героиня обещала яшме (Баоюю) отблагодарить ее за росу слезами, что и случилось впоследствии. Так, Дайюй была с самого начала предназначена Баоюю, в том числе на уровне имени. Поэтому при первой встрече персонажей ей показалось знакомым лицо Баоюя. Подобные мысли посещали и Баоюя («Эту мою младшую сестру я уже некогда где-то видел... душой чувствую, что мы как будто встретились после долгой разлуки» [там же. С. 49]). Наконец, в-третьих, имя персонажа Баоюй вместе с фамилией (Цзя) намекает на трагическую судьбу, ожидающую героя в будущем. Дело в том, что слово Цзя (кит. упр. 賈) является омонимом к другому слову Цзя (кит. упр. 假), означающему «ложь», «подделка», «фальшивка» или «фикция». Все перечисленное позволяет по-новому взглянуть на смысл, заложенный в художественном тексте. Как сама яшма может оказаться фальшивой, так и жизненные ценности влюбленной пары могут быть ложными. Потому в начале романа Цзя Баоюй живет в довольстве и роскоши, но выглядит счастливым лишь на поверхности. В заключение же его ждут нищета и разочарование.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели три наиболее часто встречающиеся модели номинаций персонажей романа «Сон в красном тереме», среди которых: 1) фамилия или имя; 2) фамилия + первое имя; 3) фамилия + второе имя. Также была произведена семантическая интерпретация имен главных героев произведения (служанка Пиньэр, бабушка Лю, Линь Жухай, Ли Вань, Сюэ Баочай, Сюэ Пань, Линь Дайюй, Цзя Баоюй). Их имена позволяют читателям не только глубже узнать характер персонажей, но и восстановить глубинные связи между ними, узнать намек автора на характер и судьбу разных героев романа.

Можно сделать вывод, что писатель очень много трудится над подбором и созданием имен для персонажей своего произведения. Михаил

Пришвин проводит параллель между горнорабочим, просеивающим ради крупы золота огромные объемы песка, и прозаиком, перебирающим сотни вариантов имен ради того единственного, что подойдет героям его романа. Как показал настоящий анализ антропонимов, выбор писателем имен проявляется на всех уровнях художественного текста и потому редко бывает случайным.

В рамках дальнейшего исследования планируется помимо разбора других главных героев романа рассмотреть также и имена второстепенных персонажей. Проанализировав, в каких ситуациях какой тип именования персонажа используется

(в зависимости от социальной обстановки, статуса собеседника и др.), возможно определить его роль в развитии сюжета, что поможет лучше разобраться в задумке автора. К примеру, существует гипотеза, что нетипичное употребление Цао Сюэцинем имен некоторых персонажей отражает изменение в их отношениях, в частности, когда Цзя Баоюй вдруг начинает называть Линь Дайюй по-другому, это совпадает с возникновением между ними любовных чувств.

В дальнейших исследованиях также планируется рассмотреть опыт англоязычных литературоведов и сопоставить его с российским и китайским.

Список источников

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учебное пособие для студентов педагогических институтов. М. : Просвещение, 1983. 224 с.
2. Васильева Е. В. Перевод и проблемы переводимости. Лексические трудности перевода // Молодежный научный форум: гуманитарные науки : материалы XLV Студ. междунар. заоч. науч.-практ. конф. 2017. № 5. URL: <https://nauchforum.ru/studconf/gum/xlv/22382> (дата обращения: 02.10.2022).
3. Васильева С. П., Ворошилова Е. В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2009. 138 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1038 с.
5. Гродзинский Е. В. Очерк общей теории имен собственных. М. : Наука, 1973. 330 с.
6. Маслова Э. Ф. Структурные особенности антропонимов в романах Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и «Искренне Ваш Шурик» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25. С. 95–99.
7. Никонов В. А. Имя и общество. М. : Наука, 1974. 278 с.
8. 曹雪芹, 高鹗. 红楼梦. 北京: 人民文艺出版社, 2005. 1606页.
9. 严云受选编. 胡适论红学. 合肥: 安徽教育出版社, 2006. 309页.
10. 徐建华. 中国人的名字·号. 天津: 百花文艺出版社, 2007. 228页.
11. 朱一玄. 红楼梦人物谱. 天津: 百花文艺出版社, 1986. 177页.

References

1. Bondaletov VD. Russkaya onomastika = Russian onomastics. Textbook. Moscow; 1983. 224 p. (In Russ.).
2. Vasilyeva EV. Translation and problems of translatability. Lexical difficulties of translation. In: Molodezhnyy nauchnyy forum: gumanitarnyye nauki = Youth Scientific Forum: Humanities. 2017. Available from: <https://nauchforum.ru/studconf/gum/xlv/22382>. (accessed: 02.10.2022). (In Russ.).
3. Vasilyeva SP, Voroshilova EV. Literaturnaya onomastika = Literary onomastics. Textbook. Krasnoyarsk; 2009. 138 p. (In Russ.).
4. Vereshchagin EM, Kostomarov VG. Yazyk i kul'tura = Language and culture. Moscow; 2005. 1038 p. (In Russ.).
5. Grodzinsky EV. Ocherk obshchey teorii imen sobstvennykh = Essay on the general theory of proper names. Moscow; 1973. 330 p. (In Russ.).
6. Maslova EF. Structural features of anthroponyms in Lyudmila Ulitskaya's novels "Daniel Stein, translator" and "Sincerely yours Shurik". *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2011;(25):95-99. (In Russ.).
7. Nikonov VA. Imya i obshchestvo = Name and society. Moscow; 1974. 278 p. (In Russ.).
8. Cao X, Gao E. Honglou meng = Dream of the Red Mansions. Beijing; 2005. 1060 p. (In Chinese).
9. Yan Y (ed.) Hu Shi lun Hongxue = Hu Shi on Hongxue. Hefei; 2006. 309 p. (In Chin.).
10. Xu J. Zhongguo ren de ming, zi, hao = Name, middle name and nickname among the Chinese. Tianjin; 2007. 228 p. (In Chin.).

11. Zhu Y. Honglou meng renwu pu = Character Diagram of “Dream of the Red Mansions”. Tianjin, 1986. 177 p. (In Chin.).

Информация об авторах

Х. Чэнь — доктор филологических наук, профессор факультета русского языка.

Л. Цао — аспирант кафедры периодической печати и сетевых изданий, старший преподаватель Института Конфуция.

Information about the authors

Hui Chen — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian Language Department of Guangdong University of Foreign Studies.

Liang Cao — a graduate student of the Department of Periodicals and Online Publications, senior Lecturer of the Confucius Institute.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2022;
одобрена после рецензирования 13.10.2022; при-
нята к публикации 05.05.2023.*

*The article was submitted 11.10.2022; approved
after reviewing 13.10.2022; accepted for publication
05.05.2023.*

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811

doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-138-148

ЭКОЛИНГВИСТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Елена Владимировна Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, shelestiuk@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4254-4439

Аннотация. В статье обозначаются принципы и стратегии преподавания иностранного языка как языка международного общения. Эколингвистический подход предполагает, что обучение иностранному языку как языку международного общения должно способствовать общению по всему миру, не нарушая при этом исконные языковые традиции наций, национальностей и этносов, обеспечивать языковое и культурное разнообразие, культурно богатый, но единый мир. В этой связи иностранный язык также призван служить потребностям принимающих культур, сохранять и подчеркивать их своеобразие. Учебным программам иностранного языка желательно представлять: 1) максимально — глобальные вопросы, мировое наследие, историю/современность/будущее; 2) обширно — современность, историю, культуру принимающих культур; 3) умеренно — современность, историю, культуру страны иностранного языка (10–20 % от учебного материала). При обучении иностранному языку предпочтительна традиционная языковая педагогика; аккультурация, вызванная углубленным и ранним лингвокультурным обучением иностранному языку, на взгляд автора, нежелательна. Чрезмерный брендинг иностранных реалий и персоналий как часть аккультурации не представляется экологичным. Погружение может производиться для специфических целей говорения на иностранном языке, но без аккультурации. Инкультурация приветствуется при обучении национальному/родному языку, чтобы создать твердую культурную идентичность и иммунитет к форенизации. В учебниках иностранного языка должны соблюдаться политкорректность и толерантность, особенно в отношении фактов, истории, ценностей, личностей принимающей культуры; традиционные моральные и идеологические выводы из текстов. Национальный/родной язык должен быть полноправным метаязыком объяснения при сравнении культурных явлений. Целесообразно писать и издавать учебники иностранных языков авторами принимающей культуры.

Ключевые слова: искусственный билингвизм, иностранный язык, эколингвистика, аккультурация, культурная идентичность, язык международного общения, TEFL, международный вспомогательный язык

Для цитирования: Шелестюк Е. В. Эколингвистика преподавания иностранного языка как языка международного общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 138–148. doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-138-148.

Original article

ECOLINGUISTICS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AS A LANGUAGE OF INTERETHNIC COMMUNICATION

Elena V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, shelestiuk@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4254-4439

Abstract. The article outlines the ecolinguistic principles and strategies of teaching a foreign language as a language of interethnic communication. The ecolinguistic approach assumes that teaching a foreign language as a language of interethnic communication should promote communication around the world, without violating the original linguistic traditions of nations, nationalities and ethnic groups, provide linguistic and cultural diversity, a culturally rich, but united world. In this regard, a foreign language is also intended to serve the needs of host cultures, to preserve and emphasize their uniqueness. As a language of international communication, a foreign language is seen not as a full-fledged linguoculturally filled language, but as a code for the transmission of personal and national linguoculturally conditioned messages. This kind of code should adapt to the needs and requirements of the world

community, borrowing designations with appropriate meanings from national languages, and not vice versa. Rather than level cultures and civilizations, we see its role as reflecting their diversity. Ecolinguistic strategies for teaching a foreign language as a language of interethnic communication proposed, in line with which it is deemed desirable for foreign language curricula to represent: 1) to the maximum — global issues, world heritage, history/modernity/future, 2) extensively — modernity, history, culture of host cultures, 3) to a moderate degree — modernity, history, culture of the country of a foreign language (10–20 % of the educational material). When teaching a foreign language, traditional language pedagogy is preferred, the linguocultural method combined with immersion are deemed not quite ecolinguistic because of foreign acculturation. It is welcome though when teaching the national/native language to create a strong cultural identity (inculturation) and immunity to foreignization. In TEFL, immersion can be used, but without acculturation. Excessive branding of foreign realities and personalities as part of foreign acculturation is not believed to be sustainable. Foreign language textbooks should be politically correct and tolerant, especially with regard to facts, history, values, personalities of the host culture; traditional moral and ideological conclusions should ensue from the texts. The national/native language should be used as a rightful metalanguage of explanation when comparing cultural phenomena. It is advisable to write and publish foreign language textbooks by the authors of the host culture.

Keywords: artificial bilingualism, foreign language, ecolinguistics, linguistic ecology, acculturation, cultural identity, language of international communication, TEFL, international auxiliary language

For citation: Shelestyuk EV. Ecolinguistics of teaching a foreign language as a language of interethnic communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(5(475)):138-148. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-138-148.

Введение

Искусственное двуязычие, связанное с изучением иностранного/второго языка, который одновременно становится языком международного и межкультурного общения, в настоящее время становится повсеместным явлением. Фактическое признание живого, культурно богатого и экспансионистского языка — «мирового» английского — языком международного общения ставит нас перед сложной проблемой. С одной стороны, найден инструмент международного общения, упрощающий взаимодействие представителей разных стран и позволяющий народам понять друг друга. С другой стороны, интенсивное изучение иностранного языка чревато аккультурацией граждан национальных государств в духе чужой культуры. Дело в том, что в настоящее время в методике обучения иностранным языкам доминирует культурный (лингвокультурологический) подход, утверждающий, что наряду с иностранным языком необходимо изучать культуру изучаемого языка [3]. На основе этой концепции строятся все учебные материалы на оригинальных иноязычных текстах (разумеется, по необходимости, с выборкой, сокращением, адаптацией). Учебно-методические материалы по английскому языку наполнены культурным материалом (реалиями, персоналиями, концептами, идеологемами, фрагментами картины мира) англоязычной лингвокультуры стран так называемого внутреннего круга (к которому, по мнению Б. Качру, относятся Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, англоязычная Канада) [8]. Таким образом, куль-

турологический/лингвокультурологический подход при достаточно интенсивном обучении иностранному языку неизбежно ведет к иностранной аккультурации.

Проблемы, связанные с английским языком как языком международного общения

Опишем проблемы, связанные с активным изучением английского языка как иностранного языка (одновременно «мирового» языка международного общения).

1. Язык, усвоенный с раннего возраста, влияет на личность учащегося. Фактически человек социализируется, приобретает когнитивный аппарат и накопленные человечеством знания, умения и навыки, становится личностью через язык. Одновременно происходит *инкультурация* — усвоение концептов, реалий, символов, мифологем и идеологем родной культуры. При интенсивном изучении параллельно с родным языком второго/иностранного языка со значительной культурной составляющей происходит *аккультурация* — приобщение к иной культуре и формирование личности человека с двумя языками и культурами [4]. В многонациональных государствах, при естественном многоязычии и поликультурализме соседствующих народов, аккультурация и национально-родной билингвизм/диглоссия — это естественный, закономерный и справедливый феномен. Однако *иностранная аккультурация, привнесение в сознание учащихся внешнего*

иностранный язык и культуры как когнитивно-коммуникативной надстройки непрошена и сомнительна в плане пользы для национального сообщества.

Живой язык — это средство интерпретации и объяснения действительности. Общая закономерность заключается в том, что, изучая и используя язык, люди бессознательно прочно усваивают понятия, модели речевого поведения и сам стиль мышления носителей этого языка. Интенсивно изучаемый иностранный язык и иноязычная культура способны существенно трансформировать языковое сознание народов национальных государств. Кроме того, обучение иностранному языку отвлекает от изучения и развития внутринациональных языков и культур в многонациональных государствах, отчуждает народы друг от друга. В целом фиксация на иностранном языке отвлекает от внутринационального взаимодействия и еще больше усложняет языковой ландшафт, перераспределяя ресурсы в пользу внешней, иностранной лингвокультуры. Наконец, внутринациональные языки и культуры воспринимаются как менее престижные, чем чужие язык и культура.

2. Происходит *унификация знаний о мире через призму англоязычных дискурсов и нарративов*, унификация сознания, мировоззрения, картин мира в духе англоязычных культурных концептов. Возрастающее влияние иностранного языка также сопровождается количественным и качественным снижением роли родного и национальных языков в образовании и сознании учащихся, *сокращением языкового разнообразия*.
3. Как показывает практика, английский — это живой, культурно богатый и очень экспансионистский язык. Он *захватывает «высокие» сферы социального взаимодействия, традиционно занимаемые национальными языками в суверенных государствах*. Этот язык легко становится доминирующим языком в сферах науки, образования, делового общения, СМИ, спорта, развлечений и проч., в которых в суверенных странах стандартно функционируют национальные языки. Тем самым *снижается функциональность национальных языков*, обедняются их терминосистемы, литературные и литературно-разговорные регистры и жанры.

Интенсивное изучение и использование иностранного языка часто приводит, при поддержке соответствующих иностранных государств, к закреплению его в качестве *второго официально-*

го языка, обеспечения фактической экзоглоссии. Экзоглоссия — языковая ситуация, при которой язык, не являющийся в некоей стране родным и представленным сколь-нибудь значимым процентом этнофоров, получает официальный статус. В более широком понимании это «функционирование языка, при котором степень цитирования культуры-донора в языке-реципиенте средствами языка-донора чрезвычайно высока... Носители языка-реципиента сознательно избегают в речи автохтонных средств, предпочитая им более престижные формулы языка-донора» [2. С. 6]. Экзоглоссия встречается в бывших колониях, которые после обретения независимости закрепляют язык прежней метрополии в качестве официального (например, [13]). Но она встречается и в странах, не являвшихся колониями, когда внешний иностранный язык, не входящий в число этнических языков государства, увеличивает сферы функционирования и начинает выполнять роль второго/официального (ср. Нидерланды, Дания, Швеция, Ирландия, Мальта, Кипр, Бельгия, Португалия) (например, [7]). Стоит отметить, что чистая экзоглоссия, которая, повторимся, предполагает практическое отсутствие в стране-реципиенте иностранного языка в статусе официального этноса, для которого этот язык является родным, является пережитком колониализма, она свидетельствует о недостаточной суверенности государств. Во многих странах (особенно Шри-Ланка, Сингапур, Малайзия, ЮАР, Индия и др.) английский язык выполняет роль социально-классового дифференциатора: высшие, богатые, образованные группы говорят по-английски, остальные — только на национальном языке.

4. В зоне англоязычного влияния не сложилось традиции развития дискурса среднего и высшего образования, подъязыков специальных дисциплин и науки на языках народов колонизированных стран. Дискурс образования и науки в основном осуществляется на английском языке, научные работы пишутся почти исключительно на английском, причем в условиях однополярной гегемонии это приобретает глобальный масштаб. В результате происходит аттриция национальных/родных языков — «утрата или изменение их исконных характеристик в результате изменения языковой среды, отказа от использования носителями и появления новых языковых привычек» [17]. Языковая аттриция сопровождается снижением продуктивности исконных корневых морфем, выпадением из

литературного употребления исконной лексики и фразеологии; слабой ассимиляцией иноязычной лексики; обеднением и упрощением синтаксиса; остановкой развития и забвением национальных подязыков науки.

5. Невключение в учебники иностранного языка международного общения актуальных тем, повесток и перспектив национальных государств, односторонняя интерпретация глобальной тематики, преобладание в них национальной специфики страны изучаемого языка. Преподавание иностранного языка не базируется на темах, актуальных для национальных государств — реципиентов иностранного языка, на их историко-культурных перспективах. Страны — реципиенты иностранного языка в основном не влияют на тематику и содержание учебников иностранного языка, издаваемых в странах «внутреннего круга». Это не способствует справедливой интеграции и инклюзии всех национальных государств в определение целей и задач развития общества.

Итак, культурный (лингвокультурный) подход в преподавании иностранного языка, когда этот язык изучается на текстах с культурно-идеологическим, историческим, социальным наполнением иной культуры, ведет к иностранной аккультурации. Такого рода аккультурация в независимых многонациональных государствах спорна и чревата определенными проблемами. Она может порождать двойную (или трансформированную) культурную идентичность с большой долей лингвокультурем и идеологием иностранной культуры. В масштабах государства интенсивное изучение иностранного языка может означать ослабление культурной самобытности, конкуренцию с внутринациональными языками за сферы коммуникации (прежде всего, в науке и образовании), вкупе с престижностью иностранного языка и культуры по сравнению с национальными — ослабление внутринациональных связей и угрозу суверенитету.

Эколингвистические стратегии языкового образования

При выработке эколингвистических стратегий языкового образования должен соблюдаться важнейший принцип: *язык международного общения должен быть кодом и ничем кроме кода для передачи и понимания национально-культурных и индивидуальных сообщений говорящих*. Цели окультуривания, аккультурации в духе внедрения

в сознание обучающихся культурем и идеологием чужой (иностранной) культуры не предусматривается, ибо такая цель нарушает суверенитет принимающих стран и их граждан.

Глобальной стратегией международного сообщества, направленной на преодоление негативных аспектов интенсивного изучения иностранного языка и чуждой аккультурации, является *выработка международного законодательства, которое обеспечивало бы языковые и культурные права национальных государств, обучающихся своих граждан иностранному языку в качестве языка международного общения, и самих граждан в индивидуальном качестве*. Языковое образование и использование некоего языка в качестве языка международного общения нуждается в международном регулировании, в обеспечении соблюдения языковых прав национальных государств, в которых иностранный язык применяется в обучении и ряде сфер социального взаимодействия, и их граждан. Законодательство, регулирующее преподавание и использование иностранного/второго языка, должно отражать демократические приоритеты, опираться на принципы эколингвистики и наработанные методы ее практического применения. Это законодательство должно разрабатываться лицами и структурами, принимающими решения на государственном, межгосударственном и надгосударственном уровнях, в консультации с педагогами, лингвистами, методистами, преподавателями.

Важнейшую роль играют также стратегии развития национальных языков и языков коренных народов. Они включают: создание благоприятствующих условий для развития языков народов государства в соответствии с их историей, культурой, накопленным языковым материалом, стилистико-риторическими традициями; совершенствование выполнения ими всех основных языковых функций; обогащение словарного запаса национальных/коренных языков за счет словообразования на основе исконных морфем (корней, аффиксов), в меньшей степени — заимствований; поощрение словотворчества, накопление пласта лексики креативных исконных неологизмов (в духе проективного словаря М. Н. Эпштейна), введение успешных неологизмов в активный оборот; предпочтение заимствования путем калькирования и создания оригинальных эквивалентов, а не путем транскрипции/транслитерации; сохранение и возвращение в оборот культурно и духовно значимых архаичных слов и выражаемых

ими понятий; развитие и обогащение синтаксических и риторических конструкций на основе исконных структур и союзов для разнообразия логических и прагматических смыслов; расширение и либерализацию контекстуального и стилистического употребления «высокой» лексики, включая архаизмы и литературные неологизмы; поощрение изучения и творческого применения родной речи во всех сферах жизнедеятельности; культ чистоты, красоты, выразительности, насыщенности, разнообразия и вместе с тем правильности и точности выражения; вложение трудовых, креативных, людских и денежных ресурсов в развитие национальных/коренных языков.

Отсутствие заботы о национальных языках и языках народностей приводит к тому, что языки перестают использовать исконный словообразовательный, лексико-фразеологический и синтаксический потенциал, прекращают творчески развиваться с помощью исконных ресурсов. Происходит бесконтрольное заимствование англицизмов, пополнение за счет исконного морфемного материала только разговорной лексики; упрощение исходного синтаксиса, копирование фраз и синтаксических структур статусного иностранного языка; форенизация стилей (в случае русского языка — внедрение в него разговорной лексики, идиом, жаргона, англицизмов).

Очень важны также разработанные в духе эволюционной лингвистики стратегии преподавания иностранного/второго языка, выступающего в качестве языка международного общения, которые могут быть оформлены как конвенции, касающиеся преподавания и использования языка международного общения [15; 16]. Эти стратегии являются производными от обозначенного выше принципа, указывающего на предназначение языка международного общения: быть кодом и ничем кроме кода для передачи и понимания национально-культурных и индивидуальных сообщений говорящих, без внедрения в сознание обучающихся культурем и идеологием чужой культуры. Перечислим эволюционные стратегии преподавания иностранного языка как языка межнациональной коммуникации.

1. Для того чтобы иностранный язык был легитимизирован в качестве языка международного общения, программы обучения этому языку как образовательному предмету не должны предусматривать аккультурации в духе соответствующей культуры, т. е. акцентировать культуру, идентичность, идеологию, ценности страны иностранного

языка, или должны делать это в последнюю очередь. В первую очередь они должны ориентироваться на целевую национальную аудиторию, освещая исторические и культурные реалии, ценности и дух принимающей культуры, они должны обслуживать потребности этой культуры и выполнять функции для нее¹. Во-вторых, иностранный язык как образовательный предмет должен служить инструментом для репрезентации этнолингвистического наследия человечества, мировой истории и культуры, а также изображения современности и будущего человечества. Этот материал предполагает широкую общемировую перспективу соответствующих нарративов. И только в-третьих, программы иностранного языка должны информировать об особенностях истории и культуры стран его носителей.

В настоящее время в учебно-методических комплексах, издаваемых в англоязычных странах, содержится богатый материал британской и американской лингвокультур, отрывки из художественной литературы, публицистики, фильмы, игры и т. д. В то же время, повторимся, иностранный язык как язык международного общения должен быть не более чем кодом, иностранная аккультурация для граждан стран, где он изучается, этой посылкой не предусмотрена. Поэтому учебники иностранного языка должны быть «зачищены» от культурного и лингвокультурного материала соответствующей страны.

При выборе и разработке тем для изучения в учебниках иностранного языка необходимо руководствоваться *правилом симметрии и пропорциональности: учебники иностранного языка должны отражать факты, наличествующие в реальной жизни реципиентов и актуальные для них, причем в той пропорции, в которой они встречаются*. «Симметрия» и «пропорции» учебного культурологического материала легко

¹ Преподавание иностранного языка в этом отношении может быть адекватно описано в терминах сделки, а отношения акторов по его преподаванию и изучению можно по праву уподобить отношениям продавца и клиента. Как только люди других национальностей присваивают иностранный язык в качестве инструмента межнационального общения, они становятся его обладателями. Они могут использовать этот язык в своих интересах — в качестве кода для кодирования своего видения мира, пополнять его, быть его донорами, а не только реципиентами, калькировать фразы своих национальных языков, вводить в язык межнациональной коммуникации артефакты и ментефакты своих.

оцениваются. Мы считаем, что оптимальным соотношением будет: вопросы культуры (истории, идеологии и т. д.) страны — реципиента языка — 40–45 %, глобальные проблемы, всемирная история и культура — 40–45 %, вопросы культуры, истории и т. д. иностранного языка — 10–20 %.

2. Для обеспечения культурного разнообразия в учебниках иностранного языка не должен преобладать брендинг (т. е. повторяющееся упоминание, яркое представление, популяризация) реалий и персоналий иностранной лингвокультуры. Если естественный мировой язык принимается всеми нациями и этносами в качестве средства глобальной коммуникации, то в качестве учебного предмета он должен быть по возможности лишен присущей ему лингвокультурной специфики (идиом, паремий, типичных тем для обсуждения), культурных текстов, описаний особенностей повседневной жизни, исторических нарративов, представлений реалий и персоналий. Засилье топонимов и антропонимов, реалий и персоналий англоязычных стран в современных учебниках английского языка следует расценивать как посягательство на взгляды и выбор реципиентов иностранного языка как языка межнациональной коммуникации.

В учебниках английского языка брендинг делает англоязычные реалии (исторические события, произведения литературы, искусства, культурные факты, места, достижения в различных областях и т. д.) и персоналии (актеров, ученых, писателей, артистов, политиков, исторических деятелей и т. д., вымышленных персонажей фольклора и литературы) запоминающимися, узнаваемыми, достойными «присвоения» или подражания. Брендинг вызывает у реципиентов ассоцирование себя с этими реалиями и персоналиями, способствует идентификации с ними, затмевает и вытесняет национальные/родные образы и символы. Брендинг иностранных объектов, концептов и личностей трансформирует культурную идентичность реципиентов. Помимо реалий и персоналий реципиенты могут воспринимать и основные культурные концепты англо-культуры (термин А. Вежбицкой), которые могут влиять на интерпретацию ими реальности: индивидуализм, прагматизм, нацеленность на конкуренцию, «процедурная» мораль, классовый/расовый/культурный снобизм и т. п. [5; 11; 18].

В противоположность этому, желаемое содержание учебников должно соответствовать проблемам и перспективам национальных госу-

дарств и мирового сообщества. Акцент должен сместиться на брендинг имен, фактов, событий, мест и проч. международных, глобальных реалий и персоналий, не относящихся к стране (-ам) иностранного языка, а также тех национальных культур, к которым принадлежит группа обучаемых. Брендинг должен служить цели обеспечения преемственности национальных культур и трансмутации концептов и идей в соответствии с традицией, т. е. с онтологией той или иной лингвокультуры. Национальные образы, персонажи, типы, литературные герои, выдающиеся мужчины и женщины, исторические события, места, достижения должны быть брендированы в соответствии с проверенными временем оценками. Желаемое содержание учебников должно соответствовать тем проектам и перспективам, которые выдвигают для себя национальные общества, и отдельным достижениям в рамках этих проектов и перспектив.

При этом бренды в виде национальных/родных реалий и персоналий должны быть представлены ярко, умно, достойно восхищения, «присвоения», подражания и идентификации с ними. Национальная языковая педагогика должна стать конкурентоспособной, в том числе бренды национальных культур должны конкурировать с англоязычными и превосходить их.

Исходя из правила симметрии и пропорциональности, оптимальное соотношение реалий и персоналий (как реальных, так и вымышленных), выбранных в качестве обсуждения при обучении иностранному языку, должно быть следующим: реалии и персоналии принимающей культуры — 45 %, глобальные реалии и персоналии — 45 %, реалии и персоналии культуры иностранного языка — 10 %.

3. Методологические и педагогические основы преподавания первого (национального/родного) и особенно иностранного языков, на наш взгляд, должны быть в значительной степени традиционными, т. е. рациональными, предполагающими объяснение, сосредоточение на трезвых фактах, размышление, анализ, рефлексию. Учащиеся должны изучать правила, выполнять формальные упражнения, заучивать и пересказывать тексты, создавать тексты. Современные методы активного формирования лингвокультурных компетенций при обучении иностранному языку, включая языковое и культурное погружение (иммерсивный метод), следует использовать в меру.

Погружение в иностранный язык — это составная часть интенсивного обучения иностранным языкам, модель, построенная на полном или частичном использовании иностранного языка в процессе обучения [1]. *Погружение может производиться для специфических целей говорения на иностранном языке, но без иностранной аккультурации.*

Лингвокультурное обучение иностранному языку (аккультурация) само по себе обеспечивает сильное влияние на бессознательное обучаемых (суггестию, сублиминальное воздействие): внушение через образы, эмоции, увлечение, фасцинацию, «оглушение» необычной информацией, развлечение. Элементы погружения добавляют в него снятие коммуникативных барьеров, тесную персонализированную коммуникацию, более «объемное» усвоение материала, прочную аккультурацию на бессознательном уровне.

Суггестия формирует у реципиентов чувства и установки, связанные как с изучаемыми предметами и явлениями, так и с языком и культурой в целом. Внушенная информация влияет на выбор, оценки, идентификацию обучаемых помимо их сознания¹. Поэтому во избежание чрезмерного посягательства на бессознательное реципиентов, методические и педагогические основы преподавания иностранного языка, на наш взгляд, должны быть в значительной степени рациональными. Повторим, погружение в обеспечение говорения на иностранном языке может использоваться, но без лингвокультурного обучения (аккультурации).

В настоящее время суггестивные приемы в учебниках по английскому языку внушают образы гламура, величия, значимости, очарования, «крутости», эффективности, прогрессивности английской культуры и цивилизации, порождая интерес к ним и английскому языку. Но, повторим, язык в качестве языка международного общения должен быть только кодом, инструментом для обмена сообщениями людей разных культур. Этические соображения диктуют, что при обучении «глобальному» иностранному языку не должно быть мощного сублиминального воздействия и культурно-идеологического довеса (он должен быть сведен к минимуму).

¹ Ср. также такие суггестивные средства воздействия, характерные для интенсивных методов обучения иностранным языкам, как привлечение коллективных форм обучения, включая игры и ролевые игры, использование авторитета, инфантилизация, двуплановость поведения, интонация и ритм, концертная псевдопассивность [1].

В то же время в преподавании *национального/родного языка лингвокультурный подход и погружение должны применяться чаще и более системно*, подсознательное внушение через образы и эмоции здесь вполне приветствуется. Инкультурация при обучении национальному/родному языку призвана создать твердую культурную идентичность и иммунитет к форенизации.

Проблема в том, что преподавание национального/родного языка во многих странах является довольно скучной процедурой, так как методы его изучения преимущественно были и остаются традиционными, рациональными, грамматикописьменными. Этот предмет может также казаться более трудоемким для обучающихся. Все это ставит обучение национальному/родному языку в невыгодное положение по сравнению с обучением английскому и препятствует национальной/коренной инкультурации. Мы считаем, что эту ситуацию следует обратить вспять.

При обучении национальному/родному языку использование лингвокультурного погружения и целенаправленной инкультурации является оптимальным². Знакомство в процессе обучения национальному/родному языку с культурным наследием своего народа, чтение отрывков из художественной литературы и фольклора, просмотр фильмов и мультфильмов, разучивание стихов и песен на национальном/родном языке, использование национальных/исконных пословиц и поговорок, даже рисование и игры помогут создать у детей надежный культурный иммунитет и национально-культурную идентичность. Стимулирование творческого письма на национальном/родном языке также в немалой степени этому способствует.

4. Для того чтобы иностранный язык легитимизировался в качестве языка международного общения, а не был не имеющим твердого статуса лингва франка, в программах и учебниках этого иностранного языка необходим *беспристрастный подбор тем и нарративов, объективное изложение фактов и обсуждение персоналий*. Это особенно касается фактов, истории, религий, ценностей, знаковых личностей стран, которые не имеют отношения к стране носителей иностранного языка и к которым эта страна традиционно предвзята и недружественна. Выбор слов должен быть аккуратным, фразы, идиомы, тексты

² При всем этом, на наш взгляд, при изучении языков как общий принцип должно преобладать рациональное обучение, которое является менее манипулятивным и менее посягающим на личность учащегося.

и диалоги выверенными, чтобы не нарушать границ толерантности и политкорректности. При намеке на политическую или идеологическую предвзятость учебника со стороны учителя должны последовать взвешенные доказательства и рациональные рассуждения, объяснения, представление разных, в том числе противоположных, позиций.

5. *Моральные выводы из текстов в учебниках иностранного языка должны соответствовать традиционным ценностям, освященным временем идеологиям и религиям, не быть релятивистскими и не вызывать отторжения.* В учебниках английского языка, издаваемых странами «ближнего круга» (по Б. Качру), несмотря на кажущееся отсутствие единой системы, имеется содержательное ядро, повторяющиеся концепты и смыслы, транслируются определенные ценности. При этом концептуальные уровни информации в этих учебниках, как правило, опосредованы фактологической информацией. В настоящее время, по мнению ряда исследователей и методологов TEFL [6; 9; 14], учебники английского языка являются носителями неолиберальной, западноцентрической, индивидуалистической, конsumerистской и гедонистической идеологии. На наш взгляд, в учебниках иностранного языка как языка международного общения наряду с нейтральной тематикой должно быть представлено больше нравственно обоснованных понятий (семейные ценности, коллективистский дух, справедливость, равенство, патриотизм, долг и честь, духовный рост, скромность, умеренность, рациональное потребление, честный труд), а также больше нарративов, подразумевающих те или иные моральные выводы. В том числе в программах иностранного языка должно быть предусмотрено обсуждение основных тем, принципов и ценностей Организации Объединенных Наций.

6. При обучении иностранному языку не следует забывать о *национальном/родном языке как метаязыке объяснения и интерпретации.* На наш взгляд, он должен использоваться в процессе изучения иностранного языка наряду с иностранным при объяснении, рассуждении, сопоставлении несовпадающих языковых и культурных явлений. Имеющая место практика запрета на использование национального/родного языка на занятиях по иностранному языку стигматизирует его и за-

крепляет в подсознании обучаемых его более низкий статус по сравнению с иностранным.

В целом при обучении иностранному языку указание на специфику культурных явлений и их объяснение должны стать стандартной практикой, при этом педагог и учащиеся не должны опасаться переходить на национальный/родной язык при обсуждении фундаментальных духовных или этических вопросов, при ссылках в ходе аргументации на авторитетные источники национальной/родной культуры. Сравнение национальных и иностранных культурных ценностей в нейтральной и спокойной манере приветствуется там, где есть культурное несоответствие и такое сравнение уместно. Считаем, что необходимо чередовать родной язык и иностранный, приучая учащихся к «гладкому», незатрудненному двуязычному переключению кодов.

7. Национальным правительствам было бы лучше полагаться на *написание и публикацию учебников иностранного как языка международного общения авторами принимающих национальных культур,* пусть и с привлечением иностранных консультантов и методологов. В этом отношении, на наш взгляд, целесообразно следовать примеру самих англоязычных стран в их предпочтении своих собственных составителей и издателей учебников иностранных языков.

Если иностранный язык становится обязательным предметом в школе и вузе, компетенции в котором оцениваются с помощью государственного экзамена; если этот язык утверждается в качестве рабочего в науке и бизнесе; если он будет признан в качестве «мирового» языка международного общения, мы считаем, что страны «расширяющегося круга» должны иметь право на разработку норм этого языка, наряду с «внутренним» и «внешним» кругами. Точно так же эти страны, разумеется, могут и должны разрабатывать учебники иностранного языка как языка международного общения.

Если говорить о России, то за последние годы уровень владения английским языком здесь существенно вырос. Это проявляется в успеваемости российских школьников по иностранному языку на едином государственном экзамене, компетентности в английском языке отечественных преподавателей и ученых-лингвистов, в том, что многочисленные приглашенные иностранные преподаватели и ученые преподают и читают лекции в российских вузах. Это, в сочетании с успешным и качественным медиапроизводством международного многоязычного телеинформационного канала

Russia Today и вещательной службы Sputnik, а также глубоким советским наследием методики преподавания иностранных языков и межкультурного образования, является хорошим подспорьем для публикации дидактически правильных и увлекательных учебников английского языка.

На сегодняшний день неравенство в коммерческой продаже учебников «английского как товара» [10; 14] является экономической проблемой, которую следовало бы разрешить. Индустрию англоязычных учебников можно рассматривать как инструмент получения многомиллионной финансовой прибыли странами «внутреннего круга». Эту тенденцию следует изменить. «Английский язык как товар» должен приносить прибыль национальным государствам¹.

Помимо чисто экономических выгод, тенденция написания и издания учебников иностранных языков принимающими странами представляется вполне здоровой в отличие от бездумной практики массовых закупок иностранных учебников и некритичного усвоения их материалов. Она согласуется с принципами эколингвистики, предполагающей безусловный приоритет национальной/родной лингвокультуры как основного кода хранения и передачи опыта социума. На национальной/родной лингвокультуре должно основываться и изучение иностранного языка, нового кода, который необходимо рассматривать через призму национального/родного. Поэтому написание и издание учебников иностранных языков с помощью собственных национальных ресурсов вполне разумно. Это обеспечит наличие в учебниках иностранного языка национально значимых тем и перспектив (в сочетании с актуальными глобальными вопросами) и будет способствовать успешной инкультурации.

Заключение

В заключение отметим, что, на наш взгляд, лучшим решением дилеммы универсального языка международного общения и субтрактивной аккультурации и сокращения языкового разнообразия было бы использование ничьего и одновременно общего «международного вспомогательного языка» (термин Э. Сепира, *International Auxiliary Language, IAL, МВЯ*), который мог бы обогатиться фактами и культурно-историческими реалиями разных народов с помощью перевода на него их культурного наследия. Будучи из-

¹ Хотя эта отрасль не должна превосходить по количеству, качеству и значимости издание учебников национальных/родных языков.

начально *tabula rasa*, чистым от каких-либо конкретных культурных и идеологических смыслов, присущих живым естественным языкам, такой язык предполагал бы демократическое общение, донесение смыслов без бремени ингерентных (заключенных в самом иностранном языке) культурных концептов, мифологем и идеологем. МВЯ был бы идеален в качестве языка международного общения. С другой стороны, такой одновременно ничей и всеобщий язык мог бы свободно обогащать свой словарный запас и синтаксис из любой лингвокультуры, пополняться оборотами и образцами речи, выражать сколь угодно сложные мысли и чувства. Материалы самых разных культур, начиная от слов/суждений и заканчивая целыми нарративами, могли бы быть переведены на IAL, обогатив его, а затем включены в учебники, книги, газеты, поставлены в качестве театральных постановок и фильмов и т. д. Они могли бы свободно распространяться и обмениваться между этническими группами и нациями. Литературные шедевры и любые примечательные тексты и эффективные дискурсивные практики из всех культур, переведенные на такой IAL, могли бы расширить культурный, эстетический, научный и духовный кругозор человечества, его концептуальную базу и навыки взаимодействия. На наш взгляд, было бы логично использовать для таких целей искусственный язык, такой как или подобный эсперанто (в отличие от, например, культурно нагруженной латыни).

Вместе с тем из прошлых и последних тенденций мы понимаем, что живой естественный язык, изучаемый как язык международного общения (прежде всего, английский), вероятно, сохранит свой статус-кво в течение длительного времени. Именно поэтому следует выработать правила его преподавания и функционирования с тем, чтобы он был, по точному выражению Г. П. П. Мейджеса [12], не «всепоглощающим языком дезорганизованной и безудержной глобализации, но <...> языком, облегчающим всемирное общение без посягательства на национальные (этнические) языковые и культурные традиции человечества».

Для достижения консенсуса и выработки точек соприкосновения по вышеуказанным вопросам необходимы совместные усилия лингвистов, широкого круга ученых и лиц, принимающих решения, и мы призываем все эти категории лиц и структур принять участие в обсуждении предлагаемых идей по преподаванию иностранного языка как языка международного общения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Кобенко Ю. В. Теория экзоглоссии. Томск : Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. 135 с.
3. Михайлова Т. В., Дуйсекова К. К. Обучение иностранному языку: лингвокультурологический подход // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 4 (833). С. 122–135.
4. Шелестюк Е. В. Язык и аккультурация // Символ науки. 2015. № 12, Ч. 1. С. 250–254.
5. Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.
6. Gray J. The branding of English and the culture of the new capitalism: Representations of the world of work in English language textbooks // *Applied Linguistics*. 2010. No. 31 (5). P. 714–733.
7. Hult F. English on the streets of Sweden: An ecolinguistic view of two cities and a language policy // *Working Papers in Educational Linguistics*. 2003. No. 19 (1). P. 43–63.
8. Kachru B. *Teaching world Englishes* // B. Kachru (Ed.), *the other tongue: English across cultures*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1992/1983. Pp. 355–365.
9. Kullman J. Telling Tales: Changing Discourses of Identity in the ‘Global’ UK-Published English Language Coursebook // *Critical Perspectives on Language Teaching Materials*. Ed. By John Gray. 2013. Pp. 17–40.
10. McCallen B. English: a World Commodity. The International Market for Training in English as a Foreign Language // *Special Report 1166*. London: the Economist Intelligence Unit, 1989.
11. Malouf D. Made in England. Australia’s British inheritance // *Quarterly Essays* 12, November 2003. 100 p.
12. Meyjes G. P. Language and Universalization: a “Linguistic Ecology” Reading of Bahá’í Writings // *Journal of Bahá’í Studies* (Ottawa: Association for Bahá’í Studies North America). 1999. No. 9:1. Pp. 51–63.
13. Ouane A. Introduction: the view from inside the linguistic jail // *Towards a multilingual culture of education*. Edited by Adama Ouane. Hamburg: UNESCO Institute for Education, 2004. Pp. 10–22.
14. Phillipson R. *Linguistic imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1992. (Re-published in China by the Shanghai Foreign Language Education Press, 2012). 376 p.
15. Phillipson R. The Tension Between Linguistic Diversity and Dominant English // *Social Justice Through Multilingual Education. Linguistic Diversity and Language Rights Series*. Ed. Tove Skutnabb-Kangas. Bristol-Buffalo-Toronto: Multilingual matters, 2010. Pp. 85–102.
16. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. English Only Worldwide or Language Ecology? // *TESOL Quarterly: Language Planning and Policy*. Autumn. 1996. Vol. 30. No. 3. Pp. 429–452.
17. Schmid M. S. Language Attrition and Identity // *Culture and Neural Frames of Cognition and Communication*. 2010. doi: 10.1007/978-3-642-15423-2_12.
18. Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. Oxford: OUP, 2006. ix, 352 p.

References

1. Azimov EG, Shchukin AN. *Novyj slovar’ metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) = A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)*. Moscow: Ikar; 2009. 448 p. (In Russ.).
2. Kobenko YuV. *Teorija jekzoglossii = Theory of exoglossia*. Tomsk: Publishing House of the Tomsk Polytechnic University; 2010. 135 p. (In Russ.).
3. Mikhailova TV, Duysekova KK. Teaching a foreign language: a linguocultural approach. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of MSLU. Education and pedagogical sciences*. 2019;4(833):122-135. (In Russ.).
4. Shelestyuk EV. Language and acculturation. *Simvol nauki = Symbol of science*. 2015;(12-1):250-254. (In Russ.).
5. Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton; 2004. 424 p.
6. Gray J. The branding of English and the culture of the new capitalism: Representations of the world of work in English language textbooks. *Applied Linguistics*. 2010;(31(5):714-733.
7. Hult F. English on the streets of Sweden: An ecolinguistic view of two cities and a language policy. *Working Papers in Educational Linguistics*. 2003;(19(1):43-63.

8. Kachru B (ed.) Teaching world Englishes. The other tongue: English across cultures. Urbana, IL: University of Illinois Press. 1992/1983. Pp. 355–365.
9. Kullman J. Telling Tales: Changing Discourses of Identity in the ‘Global’ UK-Published English Language Coursebook. In: Critical Perspectives on Language Teaching Materials. Ed. By John Gray. 2013. Pp. 17–40.
10. McCallen B. English: a World Commodity. The International Market for Training in English as a Foreign Language. In: Special Report 1166, London: The Economist Intelligence Unit; 1989.
11. Malouf D. Made in England. Australia’s British inheritance. In Quarterly Essays 12, November 2003. 100 p.
12. Meyjes GP. Language and Universalization: a “Linguistic Ecology” Reading of Bahá’í Writings. *Journal of Bahá’í Studies (Ottawa: Association for Bahá’í Studies North America)*. 1999;(9:1):51-63.
13. Ouane A. Introduction: the view from inside the linguistic jail. In: Towards a multilingual culture of education. Edited by Adama Ouane. Hamburg: UNESCO Institute for Education; 2004. Pp. 10–22.
14. Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford: Oxford University Press; 1992. Re-published in China by the Shanghai Foreign Language Education Press; 2012. 376 p.
15. Phillipson R. The Tension Between Linguistic Diversity and Dominant English. In: Social Justice Through Multilingual Education. Linguistic Diversity and Language Rights Series. Ed. Tove Skutnabb-Kangas. Bristol-Buffalo-Toronto: Multilingual matters; 2010. Pp. 85–102.
16. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. English Only Worldwide or Language Ecology? *TESOL Quarterly: Language Planning and Policy*. Autumn. 1996;30(3):429-452.
17. Schmid MS. Language Attrition and Identity. In: Culture and Neural Frames of Cognition and Communication; 2010. doi: 10.1007/978-3-642-15423-2_12.
18. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: OUP; 2006. ix, 352 p.

Информация об авторе

Е. В. Шелестюк — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Elena V. Shelestyuk — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department.

Статья поступила в редакцию 03.06.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 03.06.2022; approved after reviewing 21.09.2022; accepted for publication 05.05.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.